КАЛМЫКИ

БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКАГО УЛУСА

СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Н. Львовскаго.

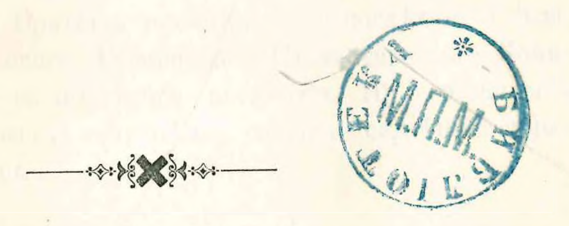

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1894.

КАЛМЫКИ

БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКАГО УЛУСА

СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1893.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ Д. Бѣляевъ.

Предисловіе.

Настоящій очеркъ документовъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи личныхъ наблюденій во время поѣздки въ калмыцкія степи, Ставропольской губерніи, лѣтомъ 1892 года, а также на основаніи рукописныхъ дѣлъ, хранящихся въ канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, протоколовъ Андреевскаго Братства и Статистическаго Ставропольскаго Губернскаго Комитета. Изъ дѣлъ канцеляріи главнаго пристава мною просмотрѣно 115; протоколы Андреевскаго Братства прочитаны за послѣдніе 3 года; бумаги Ставропольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета просмотрѣны за послѣднее пятилѣтіе. При составленіи очерка я прѣслѣдовалъ одну цѣль: собрать свѣдѣнія самыя свѣжія и достовѣрныя.

Іеромонахъ Меѳодій.

I. Происхожденіе и исторія калмыковъ

Большедербетовскаго улуса Ставропольской губерніи. Постепенное гражданское развитіе улуса и образованіе въ немъ поселка для крещеныхъ калмыковъ; послѣдняя реформа Большедербетовскаго улуса.

Въ Юань чао миши, или секретной лѣтописи династіи Юань въ Китаѣ, повѣствуется, что на рѣкѣ Онань, по опредѣленію Неба, явились Бурый волкъ (мущина) и Сивая лань (женщина). Отъ этой брачной четы чрезъ 12 поколѣній произошелъ мальчикъ Темучянинь или Чингисъ, который въ 1201 году по Р. Хр. былъ провозглашенъ ханомъ и съ тѣхъ поръ сталъ называться Чингисханомъ. Съ достиженіемъ ханскаго достоинства Чингисханъ начинаетъ все болѣе и болѣе усиливаться. Въ очень скорое время онъ покорилъ сосѣднія царства Кидянъ, Наймановъ и другихъ. Не довольствуясь покореніемъ сосѣдей, онъ перенесъ свое побѣдоносное знамя и за предѣлы Азіи въ Европу. Въ 1224 году его полчища подъ начальствомъ Батыя разгромили русскія княжества и покорили всю тогдашнюю Россію его власти.

Тотъ же воинственный духъ Чингисханъ заповѣдалъ и своимъ преемникамъ. Послѣдніе, окончательно покоривъ народы центральной и восточной Азіи, образовали Китайскую имперію, во главѣ которой стали монголы, и ихъ ханы были императорами подъ именемъ династіи Юань. Позже начались междоусобныя войны среди монголовъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ частныхъ владѣльцевъ стали искать или независимости отъ своихъ хановъ, или покровительства сосѣднихъ державъ. Эти междоусобныя распри скоро ослабили и обезсилили нѣкогда славное царство Чингиса.

Четыре рода: Зюнгарскій (Джунгарскій), Дёрбётскій, Торготскій и Хошотскій, желая сохранить остатки своего могущества, заключили между собою союзъ и съ этого времени стали именоваться „Дербетъ-ойраты" (четыре соединенные). Во главѣ союза стали ханы Зюнгарскіе; но въ XVI вѣкѣ между Ойратами произошли несогласія, бывшія причиною того, что нѣкоторыя поколѣнія и роды откочевали на сѣверъ къ предѣламъ Томской и Енисейской губерніи и такимъ образомъ отдѣлились отъ союза, за что и получили названіе „Элётъ" (отдѣлившійся) или „Элётъ-ойраты". Калмыки называютъ себя „Хяльмикъ" что значитъ также „отдѣлившійся". Элёты или калмыки, по всей вѣроятности, пришли въ Сибирь съ цѣлію поселиться на правахъ самовластія; но такъ-какъ Сибирь тогда была уже покорена Россіи, то они обратились въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича съ миролюбивыми заявленіями. Первыми послали пословъ въ Москву тайши Богатырь и Каракула и, согласно своему желанію, получили граматы на подданство Россіи. Должно быть, эти грамоты не понравились калмыкамъ, потому что они вскорѣ послѣ сего откочевали на юго-западъ; а около 1630 года снова явились подъ начальствомъ хана Хоурлюка въ числѣ 50,000 кибитокъ и заняли мѣсто Золотой Орды по рѣкамъ Яику (Уралу) и Волгѣ до Самары. Въ то же время они покорили своей власти татаръ Ногайскихъ, Едисанскихъ и Юртовскихъ, которые считались данниками Россіи.

Самовластно вторгнувшись въ предѣлы Россіи, калмыки хотѣли образовать самостоятельное или независимое государство. И дѣйствительно, при ханѣ Хоурлюкѣ они были независимы. Послѣ смерти Хоурлюка, въ 1655 году 4 февраля шертною грамотою (присягою), данною Русскому Царю Алексѣю Михайловичу, калмыки во главѣ со своимъ тайшой Шукуръ-Дайчингомъ, сыномъ Хоурлюка, признали себя данниками Россіи, при чемъ Шукуръ-Дайчингъ былъ возведенъ въ достоинство хана и намѣстника калмыцкаго народа.

Послѣ сего до самаго 1771 года калмыки находились въ подданствѣ Русскому Царю, но управлялись своими родовыми начальниками. Въ 1771 году калмыки въ числѣ 30,000 кибитокъ убѣжали изъ Россіи въ Монголію со своимъ ханомъ Убаши. Съ побѣгомъ Убаши званіе хана и намѣстника калмыцкаго народа было упразднено и каждый оставшійся владѣлецъ

завѣдывалъ своимъ улусомъ подъ непосредственнымъ надзоромъ русскихъ чиновниковъ. Послѣ сего важнаго событія калмыки въ количествѣ одного улуса, Большедербетскаго, переселились изъ степей Астраханской губерніи на земли, принадлежащія войску Донскому, гдѣ и оставались до 1800 года. Въ 1800 году они обратно переселились на прежнія кочевья Астраханской губерніи по сосѣдству со своими однородцами-калмыками Малодербетовскаго улуса. По случаю самовольнаго перехода Государь Императоръ Павелъ Петровичъ вызвалъ въ Гатчино особую отъ калмыцкаго народа депутацію, которой удалось исходатайствовать отъ 9 августа того же года Монаршее соизволеніе: 1) Депутатамъ калмыцкой орды Большаго Дербета избрать себѣ начальника, 2) быть имъ независимыми отъ Донцевъ, 3) зависѣть прямо отъ Государя, 4) переписываться прямо съ Нимъ, 5) по дѣламъ имѣть сношеніе съ Государственною Иностранною Коллегіею. Вслѣдствіе сей Высочайшей Воли указомъ отъ 27-го сентября 1800 года, даннымъ Правительствующему Сенату за собственноручнымъ подписомъ Его Императорскаго Величества, повелѣно: „калмыкамъ Малаго и Большаго Дербета, владѣльцамъ и чиновникамъ съ народами ихъ въ Астраханской губерніи кочующимъ, дать во владѣніе всѣ земли отъ Царицына по рѣкѣ Волгѣ и рѣкамъ Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и взморью, словомъ всѣ тѣ мѣста, на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли кочевье свое, исключая тѣхъ, кои по уходѣ Имянными указами пожалованы, сочинивъ на оныя грамоту, подать Его Императорскому Величеству къ подписанію и допустить помянутымъ калмыкамъ по прежнему во владѣніе". (Дѣло № 1-е за 1861 г.) Такимъ образомъ калмыки Большедербетовскаго улуса первоначально жили совмѣстною жизнію со своими сородичами-малодербетовцами, имѣли общія кочевья и при томъ весьма обширныя, а съ 14 октября 1800 года находились подъ управленіемъ одного намѣстника въ гражданскомъ отношеніи и одного первосвященника ламы въ духовномъ отношеніи. Въ означенный день Дербетовскій владѣлецъ Чучей-Тайши-Тунтутовъ былъ возведенъ въ намѣстника ханства, а лама Сабинъ-Бакша былъ утвержденъ въ санѣ первосвященника.

---

[1]) Хотя въ дѣйствительности калмыковъ было больше.

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ Благословенный отъ 28 апрѣля 1802 года Высочайше повѣлѣлъ „отмежевать земли для пастьбы стадъ и табуновъ калмыцкихъ“ (Дѣло № 3 за 1861 г.). Вотъ тогда-то калмыки Большедербетовскаго улуса получили отдѣльный надѣлъ отъ калмыковъ Малодербетовскаго улуса, а именно: въ предѣлахъ нынѣшней Ставропольской губерніи въ размѣрѣ 872,323 кв. десятинъ, 1000 кв. саженъ. (Дѣло № 4-е за 1861 г.) Границами послужили рѣки: Манычъ, Калаусъ, Большая и Малая Кугульчта и Большой (сладкій) Егорлыкъ, что видно изъ плана и межевой книги, представленныхъ въ Астраханскую Палату отъ 11-го Марта 1857 года за № 221-мъ. По послѣдней рѣчкѣ, т. е., по Большому Егорлыку отмежеваны для калмыковъ только прогоны къ скотскимъ водопоямъ (Дѣло № 4 за 1861 г.).

Въ 1861 году калмыки Большедербетовскаго улуса были подчинены главному приставу кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, при чемъ они стали имѣть отдѣльнаго родоваго владѣльца отъ своихъ сородичей Малодербетовскаго улуса, хотя по старому въ духовномъ отношеніи находились подъ вѣдѣніемъ одного ламы-первосвященника (Дѣло № 2-й за 1861 г.). 30-го сентября того же года главный приставъ принялъ Большедербетовскій улусъ и нашелъ его въ слѣдующемъ положеніи:

	Мужчинъ-	Женщинъ.	Обоего пола.
а) нойоновъ.	9	10	19
б) монашествующихъ	119	нѣтъ.	119
т. е., гелюнговъ 50, гецюлей 34, мандоликовъ 35.			
в) аймачныхъ зайсанговъ, пользующихся правами почетныхъ гражданъ	52	56	108
г) безаймачныхъ зайсанговъ, пользующихся правами личныхъ гражданъ.	15	17	32
д) калмыковъ простолюдиновъ, полагая въ 1 кибиткѣ по 2 м. и по 2 ж.	2516	2516	5032
Итого. . . .	2711	2599	5310

Калмыки тогда раздѣлялись на 11 родовъ, 18 аймаковъ и 50 хотоновъ. Роды подраздѣлялись на главные и частные. Главныхъ родовъ было шесть, а частныхъ пять. Аймаки управлялись зайсангами. Калмыки жили въ войлочныхъ кибиткахъ и занимались скотоводствомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, потому-что земля была въ общемъ владѣніи. Число ихъ домашнихъ животныхъ было таково:

а) лошадей		12,576,
в) рогатаго скота		26,232,
б) овецъ простыхъ		115,500,
г) козъ разной породы		3,150,
д) верблюдовъ		550,
Итого.	. . .	158,408 головъ.

По вѣроисповѣданію калмыки были буддисты-ламаиты и совершали свое идолослуженіе въ 7 хурулахъ (кумирняхъ), изъ которыхъ одинъ былъ каменный, а остальные деревянные. Хувараки (духовенство) жили тоже въ кибиткахъ, которыя устанавливались около хуруловъ. Равнымъ образомъ калмыцкіе нойоны и зайсанги жили въ кибиткахъ, такъ что частныхъ зданій, сдѣланныхъ изъ дерева, камня, или самана (особый родъ кирпича), не было. Впрочемъ общественныхъ зданій было шесть: 5 деревянныхъ и 1 „глинобитный“, т: е., саманный.

Такъ-какъ въ вѣдѣніи главнаго пристава находились не одни только калмыки, но и другіе инородцы Ставропольской губерніи, какъ то: татары, ногайцы, кароногайцы, трухмены и пр., то въ помощь ему для непосредственнаго управленія Большедербетовскимъ улусомъ было учреждено Улусное Управленіе, которое до 1875 года находилось въ урочищѣ „Дудаки“, а съ 1875 года переведено въ село „Ивановское“, гдѣ находится и по настоящее время. Во главѣ Улуснаго Управленія стоялъ русскій чиновникъ со званіемъ „попечителя улуса. Полный составъ Улуснаго Управленія состоялъ изъ 7 человѣкъ: 1) попечителя улуса, 2) его помощника, 3) письмоводителя, 4) переводчика, 5) толмача, 6) владѣльца—нойона улуса, 7) опекуна улуса.

Первые трое должны быть русскіе, а послѣдніе двое—калмыки; толмачъ же и переводчикъ могли быть русскими или калмыками безразлично, лишь бы хорошо знали два языка:

русскій и калмыцкій. Улусное Управленіе главнымъ образомъ вѣдало административныя дѣла. Для разбора тяжебныхъ дѣлъ былъ возстановленъ національный судъ—„зарго“, въ составъ котораго входятъ 5 лицъ: 3 русскихъ чиновника Улуснаго Управленія и 2 засѣдателя изъ калмыковъ. Впрочемъ въ зарго разбирались и разбираются только такія тяжбы, гдѣ отвѣтчиками являлись калмыки и не свыше 400 рублей; въ остальныхъ же случаяхъ и дѣлахъ калмыки судятся въ особыхъ присутственныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи, т. е., по „своду законовъ“. Русское правительство обратило вниманіе и на сиротъ изъ калмыцкой аристократіи, для чего въ 1862 году было учреждено Опекунское Управленіе (дѣло № 25). Для охраненія народа отъ оспы, которая съ давнихъ поръ ежегодно уноситъ немало жертвъ, было опредѣлено въ томъ же 1862 году два оспоривателя. Оспоприватели въ 1-й годъ своей дѣятельности успѣли привить оспу 200 мужчинамъ и 170 женщинамъ изъ калмыковъ (Дѣло № 1-е за 1862 годъ).

Для предупрежденія хищническихъ вторженій, для огражденія проѣзжающихъ по дорогѣ, для соблюденія тишины и для преслѣдованія воровъ въ 1861 году было сформировано 4 пикета. Въ каждомъ пикетѣ было по 11 калмыковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ имѣть свою лошадь и прочую аммуницію. Калмыки назначались по очереди подъ завѣдываніемъ благонадежныхъ изъ улусной ставки казаковъ. Съ цѣлію же прекращенія грабежей, совершаемыхъ калмыками большею частію съ оружіемъ въ рукахъ, Ставропольскій губернаторъ въ 1869 году предписалъ главному приставу принять мѣры, чтобы калмыки не носили при себѣ оружія (дѣло № 1 за 1869 г.). По этому предписанію оружіе было отобрано отъ всѣхъ калмыковъ и тогда же было передано въ Губернское Правленіе. Въ 1882 году калмыкамъ было запрещено носить при себѣ даже холодное оружіе (дѣло № 47 за 1882 г.). Въ виду того, что калмыки и послѣ сего продолжали воровать, Ставропольскій губернаторъ, генералъ-майоръ Николай Георгіевичъ Никифораки, отъ 26-го октября 1891 года за № 3586-мъ постановилъ: 1) „объявить всѣмъ зайсангамъ и управляющимъ аймаками, что при повтореніи случаевъ хищничества и конокрадства подвѣдомыми имъ калмыками, хотя бы и безъ уликъ, необходимыхъ для судебнаго разбирательства, зайсанги и старшины, виновные въ пособничествѣ или укрывательствѣ хищниковъ и конокрадовъ и даже въ слабомъ надзорѣ за подвѣдомственными имъ калмыками, будутъ немедленно заключаемы подъ стражу, а затѣмъ ссылаемы въ Сибирь административнымъ порядкомъ; 2) калмыковъ, занимающихся хищничествомъ, взять подъ надзоръ полиціи при ставкѣ; 3) учредить временную команду изъ калмыцкихъ стражниковъ для предупрежденія совершенія калмыками Малодербетовскаго улуса разныхъ грабежей и отгоновъ скота изъ Ставропольской губерніи; 4) установить по улусу разъѣзды изъ стражниковъ и калмыковъ, обративъ вниманіе на мѣстности пограничныя и считающіяся безпокойными и 5) замѣченныхъ раньше въ дурномъ поведеніи лицъ собрать, по возможности, въ хотонахъ, расположенныхъ вдали отъ границъ, стараясь пріискать или указать такимъ способъ къ снисканію заработковъ“.

Такъ-какъ калмыки Большедербетовскаго улуса время отъ времени принимали христіанство, то Андреевское Братство съ перваго момента своего существованія (1873 г.) обратило свое просвѣтительное вниманіе и по настоящее время не перестаетъ заботиться о просвѣщеніи калмыковъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Для приготовленія опытныхъ миссіонеровъ, по ходатайству Андреевскаго братства, Св. Сѵнодъ разрѣшилъ открыть 1874 г. каѳедру калмыцкаго языка при Стравопольской Духовной Семинаріи. На эту каѳедру былъ опредѣленъ одинъ изъ преподавателей мѣстной Семинаріи К. С. Розовъ съ платой за труды по 100 руб. въ годъ. Въ виду того, что семилѣтній опытъ не оправдалъ возлагаемыхъ надеждъ на открытую каѳедру, (въ теченіе 7 лѣтъ не вышло ни одного миссіонера изъ воспитанниковъ Семинаріи) Святѣйшій Сѵнодъ, по представленію Преосвященнаго Германа, нашелъ удобнымъ закрыть каѳедру калмыцкаго языка при Ставропольской Семинаріи, предписавъ указомъ за № 312-мъ 1881 года затрачиваемыя суммы обратить на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ. Тѣмъ не менѣе Розовъ за время своего преподавательства успѣлъ составить каталогъ книгъ, трактующихъ о калмыкахъ и буддизмѣ, самъ написалъ статью: „О калмыкахъ;“ [1]) разсмотрѣлъ Евангеліе отъ Матѳея, переведенное на калмыцкій языкъ однимъ изъ крещеныхъ калмыковъ Иваномъ Шегедeновымъ, бывшимъ воспитанникомъ Астраханской Духовной

[1]) Статья напечатана въ Кавказскихъ Еп. Вѣдомостяхъ.

Семинаріи, и нашелъ означенный переводъ „вульгарнымъ", а поэтому необходимымъ къ исправленію; вслѣдствіе чего Совѣтъ Андреевскаго Братства постановилъ въ засѣданіи отъ 13 марта 1877 года въ лѣтнія каникулы вызвать Шегеденова въ Ставрополь для личныхъ указаній со стороны г. Розова (протоколы Андр. Братства за 1877 г.).

Потерявъ надежду имѣть миссіонера изъ среды мѣстнаго духовенства, Андреевское Братство неоднократно приглашало уже извѣстныхъ миссіонеровъ для проповѣднической дѣятельности среди калмыковъ.

Гражданское начальство присоединило свои заботы объ улучшеніи быта образованнаго изъ крещеныхъ калмыковъ Князе-михаиловскаго поселка. Губернаторъ Н. Г. Никифораки отношеніемъ отъ 11-го января 1891 года за № 110-мъ увѣдомилъ Андреевское Братство объ устройствѣ особаго комитета: „для завѣдыванія Высочайше утвержденнымъ вспомоществованіемъ каждому калмыку, для руководства ихъ въ веденіи хозяйства и отведенной землей". „Комитетъ долженъ состоять изъ миссіонера, его сотрудника, попечителя улуса, двухъ крещеныхъ калмыковъ и 1 арендатора. Операціи комитета; 1) уплата денегъ за пріобрѣтенные для крещеныхъ калмыковъ дома и имущества для хозяйственнаго заведенія и веденіе отчетовъ по этому предмету; 2) руководство крещеныхъ калмыковъ, какъ неопытныхъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, въ веденіи сего послѣдняго; 3) распредѣленіе земель поступающихъ въ пользованіе калмыковъ; 4) надзоръ и руководство въ дѣлѣ производства общественныхъ запашекъ; 5) образованіе запаснаго хлѣбнаго магазина и надзоръ за правильнымъ дѣйствіемъ онаго". Не смотря на свое кратковременное существованіе, комитетъ успѣлъ многое сдѣлать для улучшенія быта крещеныхъ калмыковъ. По отчету каѳедральнаго ключаря о. Успенскаго, который по порученію Совѣта, производилъ ревизію въ Князе-михаиловскомъ поселкѣ въ маѣ того же года оказалось, что комитетъ на 1071 рубль 90 копѣекъ пріобрѣлъ для крещеныхъ калмыковъ 3 плуга, 15 паръ воловъ, 1 лошадь, нѣсколько маджаръ, лопатъ и другихъ земледѣльческихъ принадлежностей. Съ тою же цѣлію былъ купленъ фруктовый садъ за 200 рублей отъ некрещеннаго калмыка Менке Бадинова.

Калмыки Князе-михаиловскаго поселка, съ охотой занимаются земледѣліемъ и теперь вполнѣ освоились съ трудомъ

пахаря. Въ 1891 г. ими было засѣяно при руководствѣ русскихъ 60 десятинъ, а въ 1892 году они уже засѣяли сами собою болѣе 70 десятинъ. Я былъ очевидцемъ, какъ калмыки косили хлѣбъ, молотили и т. п. По моему мнѣнію, теперь калмыки вполнѣ освоились съ сельскимъ хозяйствомъ и успѣли привязаться къ нему, видя въ немъ весьма выгодное и надежное занятіе для существованія. Въ то же время они увеличили и свой скотъ. По отчету о. Успенскаго въ 1891 году они имѣли 150 коровъ, 100 овецъ и 11 лошадей; теперь же у нихъ 200 коровъ, 12 лошадей и только 20 овецъ. Такое весьма значительное сокращеніе овецъ мнѣ объяснили тѣмъ, что въ прошедшую зиму, по случаю голода, они принуждены были рѣзать овецъ и употреблять въ пищу, чтобы не умереть съ голоду.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Александръ Александровичъ, Высочайше повелѣвъ освободить калмыковъ отъ власти найоновъ и зайсанговъ, уничтожилъ одно изъ существенныхъ препятствій къ насажденію православія среди калмыковъ. Ибо давно извѣстно, что найоны и зайсанги сильно тормозили дѣла миссіи, всячески удерживая своихъ подчиненныхъ сородичей отъ принятія христіанства изъ своекорыстныхъ цѣлей. Этимъ между прочимъ отчасти объясняется малоуспѣшность православной миссіи среди калмыковъ за весь періодъ почти двухъ-сотъ-лѣтняго обитанія ихъ въ Россіи. Монаршее повеленіе торжественно было объявлено калмыкамъ Большедербетовскаго улуса въ урочищѣ „Байшанта" 12-го іюля 1892 года. Къ назначенному дню, по распоряженію главнаго пристава, представители калмыцкаго народа отъ 16 родовъ въ числѣ 500 человѣкъ явились въ Байшанту во главѣ со своимъ найономъ-княземъ Гахаевымъ и старшимъ бакшой Ивановымъ. Со стороны русской администраціи присутствовали: главный приставъ, попечитель улуса, его помощникъ и врачъ кочующихъ народовъ; въ качествѣ частныхъ зрителей изъ русскаго народа были: сотрудникъ миссіонера г. Дуброва, студентъ Дерптскаго Университета г. Мартыновъ и студентъ г. Львовскій. Для предстоящаго обѣда, по поводу Высочайшей воли, съ ранняго утра было заколото 30 барановъ и куплено 10 ведеръ водки. Торжество началось съ 4 часовъ вечера и продолжалось до 9 часовъ вечера, слѣдовательно, ровно 5 часовъ. Гражданское торжество началось

религіознымъ празднествомъ въ Байшантинскомъ хурулѣ. Религіозное молебствіе состояло изъ двухъ частей: а) изъ служенія въ хурулѣ и б) изъ мистеріи внѣ хурула. Служба въ хурулѣ состояла изъ общаго чтенія на распѣвъ въ унисонъ съ игрой на музыкальныхъ инструментахъ. Всѣхъ хувараковъ участвовало 23 человѣка. Какъ чтеніе, такъ и музыка сопровождалась символическимъ движеніемъ рукъ и пальцевъ, бросаніемъ зеренъ, поливаніемъ аршана или священной воды и тому подобными мимическими дѣйствіями. Чаще всего приходилось видѣть передвиженіе рукъ съ круговращеніемъ всей ладони. По объясненію бакши, вращательное движеніе пальцевъ и ладоней должно напомнить имъ восьмирадіусное колесо ученія, которое (колесо) ихъ основателю буддѣ Шакямуни поднесъ въ даръ Эсруа-тенгрій. Тогда Шакъямуни, проникнувшись божественной „боди" (святостію), началъ вращать колесо ученія и такъ увлекательно проповѣдовалъ, что даже двѣ газели (лани) выбѣжали изъ сосѣдняго лѣса и начали слушать его ученіе, забывъ свои естественныя потребности. Передвиженіе пальцевъ означаетъ разнообразіе и обиліе истинъ ламайской мудрости. Послѣ сего началась мистерія со священнымъ конемъ. Конь сей съ ранняго утра былъ одѣтъ по всему тѣлу въ попоны изъ желтаго кумачу, хотя и самъ былъ той же масти, и былъ поставленъ въ кибиткѣ, которая находилась въ хурульной оградѣ около Ю.-З. угла хурула. Все тѣло коня было покрыто чахломъ, не исключая ногъ и хвоста. На спинѣ было сѣдло на обычномъ мѣстѣ. Около сѣдла были прицѣплены различныя привѣски въ родѣ куколъ, лентъ, кисточекъ и пр. украшеній. Уши были украшены калмыцкими серьгами треугольной формы. Этого священнаго коня за узду держалъ калмыкъ съ маской на головѣ наподобіе головы слона; а за хвостъ коня держался другой,—имѣющій маску свиньи. На сѣдлѣ между двумя подушками красовалось изображеніе на полотнѣ въ деревянной рамкѣ „Окинъ-тенгри", т. е., изображеніе женскаго божества. Окинъ-тенгри ѣхала на бѣломъ конѣ съ распущенными волосами въ видѣ моложавой дѣвицы съ калмыцкимъ типомъ. Свиту ея изображали шесть калмыковъ, одѣтыхъ въ шутовскія и рыцарскія одежды. Эти калмыки шли по бокамъ коня и имѣли въ рукахъ знамена или оружіе.

Лишь только вышли хураваки изъ хурула, заиграли на инструментахъ, калмыки, изображающіе свиту Окинъ-тенгри,

повели священнаго коня изъ кибитки за ограду хурула и шествіе направилось вокругъ хурульной ограды посолонь прямо къ кибиткѣ бакши, которая находилась на югъ отъ хурула въ разстояніи не болѣе 20 шаговъ, гдѣ и закончилось музыкой и разнообразными передвиженіями коня. Шутень (изображеніе) Окинь-тенгри сняли и поставили въ кибиткѣ бакши, а народъ началъ съ благовѣніемъ лобзать лбомъ священнаго коня: кто въ гриву, кто въ ноги, кто въ хвостъ, короче сказать, цѣловалъ каждый коня въ ту часть тѣла, которая была къ нему ближе. Такимъ образомъ, народъ могъ присутствовать въ 2-й части религіознаго торжества, потому что при совершеніи службы въ хурулѣ онъ стоялъ внѣ хурула—въ хурульной оградѣ или даже за ней.

Послѣ религіознаго торжества, весь народъ въ количествѣ 500 человѣкъ собрался на площадкѣ на Ю.-З. отъ хурула. По приглашенію главнаго пристава, калмыки образовали изъ себя болѣе или менѣе правильный кругъ, въ центрѣ котораго находились представители мѣстной власти, какъ духовной, такъ и свѣтской, а также нѣкоторыя частныя лица изъ русскихъ. Гражданское торжество открылъ главный приставъ привѣтственной рѣчью, въ которой поздравилъ калмыковъ съ Монаршею милостію. Послѣ него поздравляли народъ мѣстныя власти въ такомъ порядкѣ: попечитель улуса, найонъ, бакша, зайсангъ Опогиновъ; помощникъ попечителя улуса и мѣстный врачъ. Русскіе говорили на русскомъ языкѣ, а калмыки—на калмыцкомъ. Каждая рѣчь оканчивалась тостомъ за здоровье предлежащихъ властей, начиная съ заздравной чаши за виновника торжества, Государя Императора Александра Александровича и всей Царской Фамиліи. На каждое пожеланіе добраго здравія „властемъ предлежащимъ" калмыки отвѣчали дружскимъ поднятіемъ рукъ вверхъ и громогласнымъ русскимъ „Ура!"....

Крещенымъ калмыкамъ была объявлена Высочайшая Воля на мѣстѣ ихъ жительства въ Княземихаиловскомъ поселкѣ, куда 5-го іюля пріѣхалъ главный приставъ съ попечителемъ улуса и его помощникомъ. Послѣ Божественной литургіи, главный приставъ, собравъ всѣхъ калмыковъ, объявилъ имъ Монаршую Милость.

Такъ завершилась важнѣйшая реформа въ жизни Большедербетовскаго улуса. Впрочемъ вопросъ объ освобожденіи кал-

мыковъ отъ крѣпостной зависимости былъ поднятъ еще въ 1872 году, что видно изъ дѣла № 39-й: „Матеріалы къ проэкту о преобразованіи Большедербетовскаго улуса Ставропольской губерніи на основаніи крестьянскаго положенія отъ 19-го февраля 1863 г.“. Сущность новыхъ законоположеній, читаемъ въ объявленіи, составленномъ по этому поводу, заключается въ слѣдующемъ: калмыкамъ—простолюдинамъ даруются всѣ личныя права, предоставленныя общими законами Имперіи свободнымъ сельскимъ обывателямъ. Права калмыцкихъ нойновъ-улусовладѣльцевъ, мелкихъ владѣльцевъ и родовыхъ зайсанговъ на подвластныхъ изъ калмыковъ и на взиманіе съ нихъ албана отмѣняется навсегда. Нойоны улусовладѣльцы, мелкіе владѣльцы и родовые зайсанги за потерю албана, а равно въ возмещеніе накопившихся за прежнее время недоимокъ этого дохода получаютъ вознагражденіе отъ Правительства кредитными билетами въ размѣрѣ пятилѣтней сложности бывшаго владѣльческаго дохода, по числу кибитокъ, состоявшихъ къ 1-му января 1891 года въ зависимости каждаго владѣльца. Нойоны улусовладѣльцы и родовые зайсанги освобождаются отъ всѣхъ обязанностей по управленію улусомъ и аймаками. Впредь до преобразованія управленія калмыками и судебной части въ калмыцкой степи, возлагаются: 1) обязанности по управленію улуса на улуснаго попечителя и его помощниковъ; 2) обязанности по управленію аймаками, лежавшія на родовыхъ зайсангахъ,—на аймачныхъ старшинъ; 3) обязанности по предсѣдательствованію въ улусномъ судѣ (зарго) на попечителя улуса. Калмыцкое населеніе взамѣнъ всѣхъ производившихся съ него до сего времени сборовъ облагается, начиная съ 1892 года, въ доходъ казны, сборомъ 6 рублей въ годъ съ кибитки. Распредѣленіе суммы кибиточнаго сбора производится мѣстнымъ управленіемъ калмыцкимъ народомъ. Раскладка суммы сбора, причитающейся съ аймака, между отдѣльными кибитковладѣльцами представляется аймачному сходу. При раскладкѣ кибиточнаго сбора аймачному сходу разрѣшается, сообразуясь съ платежными силами отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ, какъ уменьшить причитающійся съ нихъ по раскладкѣ платежъ, такъ и вовсе освободить ихъ отъ онаго, съ распредѣленіемъ слагаемой суммы на другія кибитки, причемъ, однако, размѣръ надбавки на каждаго кибитковладѣльца не долженъ превышать $^1/_5$ части установленнаго сходомъ средняго оклада сбора. Приговоры аймачнаго схода по раскладкѣ кибиточнаго сбора подлежатъ утвержденію улуснаго попечителя. Кибиточный сборъ, слѣдующій съ аймака, собирается демчеями по-полугодно, съ записью въ книгѣ и съ выдачей плательщикамъ квитанцій.

Въ случаѣ неплатежа кибитковладѣльцемъ слѣдующаго съ него сбора въ установленный срокъ, улусные попечители и аймачные старшины обязаны ко взысканію онаго оказывать демчеямъ возможное содѣйствіе, отдавая несостоятельныхъ калмыковъ - простолюдиновъ въ работы до выручки всей суммы. Собранныя деньги демчеи представляютъ улусному попечителю, который въ полученіи оныхъ выдаетъ имъ квитанціи“.

Такимъ образомъ, по новому положенію, непосредственными органами административнаго управленія Большедербетовскимъ улусомъ являются аймачные сходы и аймачные старшины, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ сельскимъ сходамъ и деревенскимъ старостамъ. Само собою разумѣется, что аймачные сходы и аймачные старшины должны дѣйствовать примѣнительно къ сельскому уставу общихъ Россійскихъ законовъ. Даже національный калмыцкій судъ „зарго“ потерпѣлъ значительныя измѣненія, какъ то: предсѣдателемъ суда сталъ попечитель улуса, который направляетъ дѣла на основаніи Свода Законовъ. Улусное управленіе, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ состоять исключительно изъ русскихъ людей; сверхъ того для завѣдыванія дѣлами крещеныхъ калмыковъ съ августа 1892 года учреждена должность втораго помощника попечителя улуса. Мѣстопребываніе сего помощника должно быть въ Княземихаиловскомъ поселкѣ; но Улусное Управленіе по прежнему должно находиться въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ помѣщается и улусная ставка. Содержаніе чиновниковъ Улуснаго Управленія ежегодно обходится въ 3,780 рублей, а именно:

1) попечителю улуса . . .	1500 руб.
2) первому его помощнику . .	800 —
3) второму его помощнику . .	500 —
4) письмоводителю	500 —
5) переводчику.	300 —
6) толмачу	180 —
Итого.	3780 руб.

Кромѣ того Улусное Управленіе ежегодно расходуетъ 2,230 рублей на нижеслѣдующія нужды.

1) двумъ фельдшерамъ (по 300 р. каждому) . 600 р.
2) на наемъ писцовъ, канцелярскіе расходы и другіе мелочные расходы . . . . . 540 р.
3) на жалованіе ветерин. фельдшеру . . 300 р.
4) ему же квартира . . . . . . 120 р.
5) на походную аптеку . . . . . 50 р.
6) на конюшню для 24 казацкихъ лошадей . 140 р.
7) жалованье учителю калмыцкаго улуснаго училища въ селѣ Ивановскомъ . . . . 360 р.
8) квартира для него и для училища . . 120 р.

Итого . . 2,230 р.

Слѣдовательно, каждый годъ общее содержаніе Улуснаго Управленія обходится 6010 рублей. Впрочемъ въ этотъ счетъ не входитъ содержаніе миссіонерскаго стана Княземихаиловскаго поселка. Равнымъ образомъ здѣсь неуказано содержанія аймачныхъ старшинъ и двухъ засѣдателей въ „зарго“, потому что означенныя лица не имѣютъ опредѣленнаго оклада, а получаютъ возмездіе за свои труды по народному управленію по усмотрѣнію аймачныхъ имѣютъ олуснаго схода.

По образцу русскихъ сельскихъ сходовъ, аймачные сходы утверждаютъ раскладку ежегодныхъ расходовъ на три года, сообразно со своими общественными средствами или доходами, представляя смѣту расходовъ на окончательное утвержденіе попечителя улуса. Вообще, нужно сказать, что калмыки Большедербетовскаго улуоа послѣдоей реформой почти совсѣмъ сравнялись въ своихъ правахъ и въ своемъ управленіи съ русскими крестьянами и другими сельскими обывателями Русской Имперіи.

II. Географическія и статистическія свѣдѣнія относительно Большедербетовскаго улуса.

Большедербетовскій улусъ первоначально занялъ площадь въ 872,323 десятины 1000 кв. саженъ. Съ теченіемъ времени площадь его начинаетъ сокращаться. По дѣлу, хранящемуся въ канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, за 1861 годъ подъ № 4-мъ видно, что кал-

мыки Большедербетовскаио улуса владѣли въ 1861 году уже 600,000 десятинами. Въ 1863 году въ Большедербетовскомъ улусѣ числилось только 589,000 десятинъ, что можно видѣть изъ дѣла подъ № 19-мъ за 1863 годъ. Въ 1872 году калмыки занимаютъ пространство земли уже въ 373.161 десятину (дѣло № 16-й за 1872 годъ), а именно:

	Число десятинъ земли.		
	Удобной.	Неудоб-ной.	Всего вообще.
1) Икичиносовъ родъ	15120	400	19120
и его зайсанги	3600		
2) Багабуруловъ родъ	16380	28	16408
3) Кюбетовъ и Будурмисовъ роды	20940	795	22135
и ихъ зайсанги	400		
4) Абганеровъ родъ	7110	760	9970
и его зайсанги	2100		
5) Мелкіе роды: Царосовъ, Шеретовъ и Тарачинеровъ	14670	1460	16130
6) Иркитуктуновъ родъ	11100	335	12435
и его зайсанги	1000		
7) Абганеръ-Гаханкинъ родъ	9000	680	9680
8) Багатуктуновъ родъ.	2580	400	3380
и его зайсанги	400		
9) Багатуктуновъ 2-й родъ.	19260	15886	35146
10) Хаджинкиновъ родъ.	5310	2190	7500
11) Икичиносовъ 2-й и Будульчинеровъ роды . .	46260	14598	61258
и ихъ зайсанги	400		
Итого	175630	57531	213161
Сверхъ того запасной земли			160000
А всего вообще	—	—	373161

Къ концу 1891 года площадь Большедербетовскаго улуса сократилась почти втрое. По плановой картѣ, хранящейся въ Улусномъ Управленіи, площадь его измѣряется въ 289,835 десятинъ, а именно:

	Число десятинъ земли.		
	Удобной.	Не удобной.	Всего вообще.
1) Икичиносова рода: 4 аймачныхъ зайсанга .	1200		1200
и 12 безъаймачныхъ зайсанга	2400	—	2400
на 504 человѣка изъ простолюдиновъ. .	15120	400	15520
2) Багабуруловъ родъ изъ 546 человѣкъ	16380	28	16408
3) Будурмисовъ родъ съ Кюбетовыхъ изъ 698 человѣкъ	20940	790	21730
ихъ зайсанги: 1 аймачн. и 1 безъамачн.	600	5	605
Нойонъ-владѣлецъ Михаилъ Гахаловъ	1500	275	1775
4) Абганеровъ родъ изъ 237 человѣкъ.	7110	483	7593
его зайсанги: 2 аймачныхъ и 1 безъаймачный.	600	2	602
5) Мелкіе роды: Царосовъ, Шеретовъ и Тарачиннеровъ изъ 489 человѣкъ	14670	1460	16130
6) Икитуктуновъ родъ аймака Лапина Опогинова изъ 370 человѣкъ	11100	175	11275
его зайсанги: 1 аймачный и три безъаймачныхъ	1000	160	1160
7) Абганеръ-Гаханкинъ родъ изъ 300 человѣкъ	9000	680	9680
8) Икичиносовъ 2-й Будульчинеровъ роды изъ 1542 человѣкъ	46260	13445	59705
ихъ зайсанги: 1 аймачный и 1 безъаймачный.	600	73	673
9) Хадонинкиновъ родъ изъ 177 человѣкъ. . . .	5310	2190	7500

	Число десятинъ земли.		
	Удобной.	Не удобной.	Всего вообще.
10) Багатуктуновъ родъ 1 аймака изъ 642 челов.	19152	15885	35037
11) Багатуктуновъ 2 аймака изъ 186 человѣкъ. .	8940	900	9840
его зайсангу аймачному.	200	80	280
и пяти безъаймачнымъ зайсангамъ	1000	25	1025
12) Абганеровъ родъ аймака Цорой Аршіева изъ 123 человѣкъ .	3700	111	3811
и 10 его зайсангамъ.	2000	—	2000
13) Полковница Есаулова, урожденная Хапчукова	1500	21	1521
14) Калмыцкое духовенство изъ 125 человѣкъ . .	3750	15	3765
15) Улусное управленіе.	312	—	312
16) Княземихаиловскій поселокъ.	6000	1744	7744
Итого.	200544	38947	238947
Сверхъ того свободной земли подъ различными урочищами	—	—	50344
А всего вообще . . .	200544	38947	289835

Слѣдовательно, въ настоящее время площадь Больше-дербетовскаго улуса составляетъ почти только $^1/_3$ первоначальнаго своего объема. Причина сокращенія калмыцкой земли заключается въ томъ, что правительство русское время отъ времени дѣлало нарѣзки изъ калмыцкой степи другимъ племенамъ Имперіи. Извѣстно что ногайцы до 1852 года самовольно кочевали въ калмыцкой степи по причинѣ малоземельности въ своихъ степяхъ—съ одной стороны и съ другой—по причинѣ обширности калмыцкихъ степей сообразно съ ихъ поселеніемъ; поэтому русское правительство отмежевало ногайцамъ изъ кал-

мыцкой степи Большедербетовскаго улуса 272,323 десятинъ земли съ опредѣленіемъ для этого границы новаго урочища Куркуле, а съ вершины онаго прямо линіею на Большую Кугульту къ 3 курганамъ и далѣе на Малую Кугульту до хутора подпоручика Янковскаго, бывшаго Васильева (дѣло № 4-й за 1861 г.). Изъ дѣлъ, хранящихся въ канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, за 1872 годъ подъ № 45-мъ и за 1877 годъ подъ № 36-мъ, а также изъ статистическихъ свѣдѣній Статистическаго Комитета Ставропольской губерніи за означенные годы и за слѣдующіе—1880, 1886 и 1890,—видно, что Государю Императору, по представленію мѣстныхъ властей, благоугодно было повелѣть, чтобы было отмежевано нѣкоторымъ русскимъ селеніямъ потребное количество земли изъ калмыцкой степи Большедербетовскаго улуса. Эта нарѣзка была сдѣлана въ разное время въ видахъ правительственныхъ и ближе всего, чтобы калмыки могли непосредственныя имѣть сношенія съ русскими поселенцами, знакомиться съ русскимъ житьемъ-бытьемъ, воочію убѣдиться въ превосходствѣ осѣдлой жизни, и такимъ образомъ возжелали бы вполнѣ слиться съ русскими и перемѣнить свой кочевой образъ жизни на осѣдлую и спокойную дѣятельность.

Съ этою цѣлію нарѣзка земли была произведена такъ, что русскія селенія тупыми или острыми углами врѣзались въ нынѣшній Большедербетовскій улусъ со всѣхъ его сторонъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости послѣдняго, слѣдуетъ только взглянуть на его карту. Хотя нарѣзка земли была сдѣлана въ разные годы, но мы рѣшились составить одну общую таблицу, чтобы читатель могъ составить цѣльное представленіе о сокращеніи площади Большедербетовскаго улуса. Тѣмъ не менѣе при внимательномъ разсмотрѣніи таблицы легко видѣть постепенность отмежевки нарѣзокъ, если припомнить время произведенныхъ отрѣзокъ по годамъ указанныхъ дѣлъ, потому что въ таблицѣ сохранена историческая послѣдовательность.

Вотъ эта таблица:

	Число десятинъ земли. Удобной.	Не удоб-ной.	Всего вообще.
1) Ногайцамъ	—	—	272323
2) Для государственныхъ нуждъ	—	—	67677
3) Селамъ: Преградному	24795	1038	25833
— Медвѣжьему.	2643	290	2933
— Лѣтницкому.	11588	195	11783
— Яривольскому.	3020	110	3130
— Жуковскому.	3150	15	3165
— Красной-Полянѣ	13056	614	13670
— Сандатѣ.	11275 }	500	22215
— Баранникову	8640 }		
— Березовскому	11562	100	11662
— Новоегорлыкскому.	11835	25	11860
— Гахинскому	2725	1000	3725
— Хагинскому.	6848	10000	16848
— Рассыпному.	4500	1500	6000
— Никольскому	15420	1500	16920
— Кіевскому	55000	1000	56000
— Яшалтѣ.	8000	2744	10744
4) Для государственнаго коневодства	21000	1000	22000
5) Частнымъ лицамъ.	5000	1000	6000
	218057	24431	242488
			582488

Народонаселеніе Большедербетовскаго улуса въ теченіи 11 лѣтъ увеличивавшееся, начиная съ 1861 года по 1872 годъ включительно; съ 1872 года по 1892-й годъ т. е. за послѣдніе 20 годовъ начинаетъ мало-по-малу уменьшаться. Извѣстно, что 1861 года, по ревизіи главнаго пристава, общее число калмыковъ простиралось до 5,310 человѣкъ. По отчету Губернскаго Статистическаго Комитета Ставропольской губерніи за 1866 годъ, численность калмыковъ обоего пола была 5,558 человѣкъ: 3,329 мужчинъ и 3,229 женщинъ. Къ концу 1872 года численность калмыковъ возрасла до 11,231 человѣка: 5,898 мущинъ и 5,333 женщины. Прогрессивное размноженіе калмыковъ объясняется привольностію и обширностію земель, находившихся во владѣніи калмыковъ въ первыи изъ разсматриваемыхъ періодовъ. Въ данное время земли было такъ много въ Большедербетовскомъ улусѣ, что на одного человѣка приходилось почти 50 десятинъ. Обширныя степи давали возможность заниматься скотоводствомъ въ большихъ разрѣрахъ, потому что представляли изъ себя удобныя пастбища, обильныя сочной травой даже въ года засухи. Калмыки тогда жили безбѣдно, не голодали и не умирали съ голоду, ибо пищу калмыка составляютъ продукты скотоводства—молоко и мясо. Съ другой стороны, обширныя степи не побуждали калмыка скучиваться и селиться большими хотонами. По каковой причинѣ во время эпидеміи въ родѣ. напримѣръ, оспы, которая, нужно замѣтить, часто свирѣпствуетъ въ улусѣ, меньше похищалось жертвъ и сама природа изолировала сосѣдніе хотоны отъ эпидеміи, такъ-какъ хотонъ отъ хотона отстоялъ на весьма значительномъ разстояніи—почти на цѣлыя сотни верстъ, да и самъ калмыкъ, при первомъ появленіи заразительной болѣзни, откочевывалъ такъ далеко, что трудно было заразнымъ бациламъ, перебраться на новое его мѣстожительство. Теперь же, хотя калмыкъ тоже перемѣняетъ кочевку во время эпидеміи, но откочевываетъ такъ близко, что въ большинствѣ случаевъ таже смертоносная гостья посѣщаетъ его и на новомъ мѣстѣ.

Сообразно съ приращеніемъ населенія съ 1861 года увеличилось число родовъ и число кибитокъ или домовъ. Въ 1861 году родовъ было 11, а кибитокъ 1,258; въ 1866 году родовъ стало 12, но кибитокъ 1,314; въ 1870 году кибитокъ расплодилось до 1,749 и родовъ 13, а также число одних мущинъ возрасло до 5,793 человѣкъ, какъ то:

	Число кибитокъ.	Число мущинъ.	Число женщинъ.	Число обоего пола.
1) Абганиръ-Гаханкинъ родъ	67	300	—	—
2) Абганеровъ родъ	90	237	193	400
3) Багатуктуновъ родъ	178	546	388	934
4) Бюдермисовъ родъ	161	518	397	915
5) Басабуруловъ родъ	233	727	—	—
6) Будульчинеровъ родъ	54	164	136	300
7) Икитуктуновъ родъ	238	874	—	—
8) Икичиносовъ родъ	447	1380	1168	2548
9) Кюбетовъ родъ	48	180	126	306
10) Тарачинеровъ родъ	21	67	—	—
11) Хаджинкиновъ родъ.	62	178	—	—
12) Цоросовъ родъ	96	285	231	516
13) Шерѣтовъ родъ.	54	137	—	—
Итого	1749	5591	—	—
Сверхъ того: въ семействѣ нойона-владѣльца	—	6	6	12
Въ семействахъ:				
Аймачныхъ зайсанговъ	—	17	15	32
Безъаймачныхъ зайсанговъ	—	52	36	88
Хувараковъ (духовенства)	—	127	—	—
А всего вообще . . .	1749	5793	—	—

Съ 1872 года численность калмыковъ уменьшается, такъ, напримѣръ въ 1873 году мущинъ было 5,615, а женщинъ 4949

и обоего пола 1,064 человѣка, т. е. сравнительно съ предшествующимъ годомъ число мущинъ сократилось на 283 человѣка (5898—5615), число женщинъ—на 384 человѣка (5333—4949) и общее число калмыковъ—на 667 человѣкъ (11231—10564 или 283+384), о чемъ свидѣтельствуютъ таблицы Губернскаго Статистическаго Комитета Ставропольской губерніи за 1872 и 1873 года. Равнымъ образомъ статистика того же Комитета также краснорѣчиво говоритъ, что и въ послѣдующіе годы народонаселеніе Большедербетовскаго улуса постепенно начинаетъ умаляться. Для примѣра возьмемъ статистику за послѣднее пятилѣтіе въ доказательство того, что калмыки начинаютъ мало-по-малу вымирать. Вотъ таблица за 5 л.

	1887.		1888.		1889.		1890.		1891.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1) Калмыковъ	5500	5089	5564	5089	5573	5148	5476	5009	5425	4981
2) Родившихся	132	122	172	126	243	135	201	193	149	164
3) Умершихъ.	196	116	181	91	156	96	150	155	365	139
4) Бракомъ сочетавшихся	138	138	81	81	108	108	118	118	123	123
	1887	1888	1889	1890	1891					
5) Кибитокъ	1985	2054	2057	2183	2183					
6) Родовъ	16	16	16	16	16					

Если сравнить численность калмыковъ 1891 года съ численностію ихъ же за 1872 годъ, то окажется, что общее число за послѣднее 20-тилѣтіе сократилось на 825 человѣкъ, а именно: мущинъ — на 473 человѣка (5898 — 5425), а женщинъ — на 352 человѣка (5333 — 4981). Особенно скоро стала вымирать калмыцкая аристократія или цаганъ-йасынъ. Извѣстно, что въ 1861 году было: нойоновъ—владѣльцевъ 9, аймачныхъ зайсанговъ 52; въ 1872 году нойонъ—владѣлецъ остался одинъ и то несовершеннолѣтній, аймачныхъ зайсанговъ только семнадцать; къ началу 1892 года нойонъ—владѣлецъ

тоже одинъ, но аймачныхъ зайсанговъ только четыре. Какъ вымирали мущины изъ цаганъ-йасынъ, такъ же вымирали и женщины изъ калмыцкой аристократіи или цаганъ-йасынъ (бѣлой кости). Причина вымиранія калмыковъ вообще и калмыцкой аристократіи не одинакова. Безъ всякаго сомнѣнія, главною причиною постепеннаго, вымиранія калмыковъ должно признать ихъ особенную привязанность къ кочевой жизни. Нынѣшніе калмыки, хотя и считаются осѣдлыми, попрежнему ведутъ кочевой образъ жизни. Они до сихъ поръ живутъ неизмѣнно въ такихъ же кибиткахъ, въ какихъ жили когда то Гунны, Авары, Печенеги, Половцы, Татары и ихъ родичи Монголы. По всей вѣроятности, наши калмыки живутъ и въ той же бытовой обстановкѣ, въ какой жили сейчасъ перечисленные азіатскіе выходцы, или въ какой живутъ ихъ единоплеменники въ глубинѣ Азіи—въ великой Монголіи. Поэтому то, что составляло силу и зависящій отъ нея успѣхъ при поступательномъ движеніи народовъ, не могло и не можетъ дать прочнаго существованія въ то время, когда уже некуда было двигаться впередъ и невозможно возвращаться назадъ. Быстрое вырожденіе калмыцкой аристократіи, начавшееся еще въ то время, когда масса калмыки продолжала размножаться, должно имѣть свою причину. Мнѣ кажется, что причина эта заключается въ насильственномъ умерщвленіи различныхъ лицъ изъ калмыцкой цаганъ-йасынъ. Если прослѣдить уголовную статистику убійствъ и просмотрѣть дѣла вызванныя ими то окажется, что большинство калмыцкой аристократіи умерло отъ руки убійцъ, которыми оказывались по окончаніи слѣдствія и судопроизводства ближайшія родственницы или родственники убитыхъ. Такія убійцы или сами дѣйствовали, или же склоняли и подкупали къ преступленію калмыковъ-простолюдиновъ. То же приходилось слышать и изъ личныхъ разсказовъ о смерти тѣхъ или другихъ зайсанговъ и найоновъ. Конечно, на вымираніе цаганъ-йасынъ имѣло вліяніе и общая причина вырожденія калмыковъ Большедербетовскаго улуса. На вымираніе же калмыковъ вообще и калмыцкой аристократіи—вмѣстѣ повліяло и сокращеніе площади Большедербетовскаго улуса; вслѣдствіе чего калмыки, привыкшіе къ нечистоплотности и избѣгающіе русской медицины, во время повальныхъ болѣзней не могутъ далеко откочевывать, поэтому гибнутъ иногда, какъ мухи. Во всякомъ случаѣ уменьшеніе объема земли уменьшило число

пастьбищъ, а чрезъ это стѣснило и затруднило скотоводство, которое, какъ извѣстно, и составляетъ главное занятіе калмыковъ и которое доставляетъ всѣ средства къ существованію этихъ кочевниковъ.

По картѣ Ставропольской губерніи за 1886 годъ, составленной послѣ послѣдней нарѣзки различнымъ русскимъ селеніямъ, Большедербетовскій улусъ находится между 45° и 46° сѣверной широты и между 59° 30′ и 60° восточной долготы, считая отъ острова Ферро, и заключаетъ въ себѣ 289,835 десятинъ земли. Границами Большедербетовскаго улуса служатъ: на сѣверѣ—озеро Манычъ и земли области Войска Донскаго; на западѣ—рѣка Большой Егорлыкъ съ русскими селеніями: Новоманычскскимъ, Баранниковымъ, Новоегорлыкскомъ, Березовской, Красной-поляной, Жуковскимъ; на югѣ—правый притокъ Большого Егорлыка Большой Го или Гокъ и села: Рассыпное, Бурукшунъ, Большая и Малая Джалги; на востокѣ—рѣки: Яшалтинская балка и Заха-джалга, села: Яшалта, Хатинское и Гахинское. На всемъ своемъ протяженіи Большедербетовскій улусъ представляетъ гладкую равнину. Нигдѣ нѣтъ ни одной горки; только кое-гдѣ встрѣчаются курганы и, что всего замѣчательнѣе, по-три въ рядъ, отъ чего они и называются „Гурбунъ" (трое). Расположеніе кургановъ вездѣ одинаково: одинъ большой, другой поменьше и третій еще меньше. Всѣ они стоятъ по прямой линіи съ востока на западъ и на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи; такъ что достаточно взглянуть на одинъ, чтобы имѣть правильное представленіе о другихъ, если только они не были испорчены рукою человѣка Недавно въ курганѣ, находящемся въ имѣніи нойона Гахаева, выкопана совершенно случайно каменная статуя плохой работы. Эта статуя представляетъ женщину въ обнаженномъ видѣ въ два аршина высотой. Статуя сдѣлана изъ известковаго камня. Она и теперь красуется на томъ курганѣ, гдѣ была найдена. Большинство подобныхъ кургановъ разрыты и потеряли свой первоначальный видъ. По словамъ калмыковъ-очевидцевъ, въ разрытыхъ курганахъ находили различныя охотничьи орудія или снаряды въ родѣ, напримѣръ, стрѣлъ, луковъ, ножей и т. п. Въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчались разнообразныя земледѣльческія орудія, иногда старинныя монеты, вещи домашняго обихода, кости человѣческія и пр. Площадь улуса орошается значительнымъ числомъ

рѣкъ и рѣчекъ, а также озеръ и болотъ. Большинство рѣчекъ лѣтомъ высыхаютъ и русла ихъ покрываются сочною травою или же распахиваются подъ бакчи и поля. Всѣ почти рѣки впадаютъ въ озеро Манычъ. Лучшая изъ нихъ по обилію прѣсной воды Каганъ-сала, вершина ея въ балкѣ „Джельзе". Съ правой стороны она принимаетъ Менгуту и Бюрне съ ручьемъ Дживе. Вторая рѣка, впадающая въ озеро Манычъ, есть Заха-Джалга (Крайняя-Джалга). Въ нее впадаютъ: Аракинъ съ хорошими родниками, Гучунъ-Гурбунъ, что въ переводѣ значитъ „тридцать три" балки, изъ которыхъ лучшая Заппакъ; а также Узунъ-гурбунъ. Третья рѣка, вливающаяся въ озеро Манычъ, есть Дуда-Джалга (Средняя-Джалга). Она принимаетъ въ себя три балки: Бодрикъ, Заха-Джалга малая и Меке-Джалга. Четвертая рѣка, впадающая въ озеро Манычъ, есть Кисте-Джалга, которая имѣетъ воду нѣсколько солоноватую. Кромѣ этихъ рѣкъ и рѣчекъ, по границѣ улуса протекаютъ еще Большой-Го и Малый-Гокъ, притоки Большаго (сладкаго) Егорлыка; послѣдній въ свою очередь изливается въ озеро Манычъ. Нельзя умолчать и о балкахъ, которыхъ въ улусѣ находится изрядное число; но изъ нихъ болѣе замѣчательны: Чаавдынъ, Байшанта, Магаденъ-сала, Битюшарабъ, Яшалта и Нойонъ-худукъ. Первыя три балки имѣютъ хорошіе родники и прѣсную воду, а послѣднія три — прѣсную подпочвенную воду. Въ улусѣ есть и лиманы или болота, а именно: Нойонъ имѣетъ верстъ двадцать въ окружности, (Бурукшунъ большой; простирается верстъ до сорока въ окружности), Малый Бурукшунъ (почти въ половину большаго Бурукшуна), Нойонъ-баба, подъ которымъ извѣстны три лиманы. Всѣ лиманы въ былыя времена изобиловали водой даже въ годы засухи и покрыты были густымъ тростникомъ, гдѣ пернатое царство находило отличныя или уютныя мѣста для своихъ гнѣздъ; но въ нынѣшнія времена они лѣтомъ высыхаютъ и заростаютъ густою сочною травою изъ породы болотистыхъ или осоки, по каковой причинѣ калмыки и арендаторы весьма дорожатъ лиманами, ибо съ нихъ получается обильный кормъ для скота, а послѣ сѣнокоса они считаются лучшими пастбищами, такъ какъ домашній скотъ здѣсь находитъ въ избыткѣ подножный кормъ и хорошую воду. Вода сохраняется въ глубокихъ котловинахъ, называемыхъ калмыками цандыками. Цандыки встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ улуса. Такіе цандыки образуются по ло-

щинамъ послѣ сильныхъ дождей и таянія снѣга; особенно ихъ много по берегамъ озера Манычa. Они по формѣ лужи, но большихъ размѣровъ. Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ въ окружности около двухъ и болѣе верстъ.

Но еще больше находится воды въ нѣдрахъ земли. Подпочвенная вода составляетъ главный резервуаръ всей водной системы улуса. Подпочвенную воду можно встрѣтить всюду: по берегамъ и руслу рѣчекъ, балокъ и рѣкъ, въ цандыкахъ, въ лиманахъ и т. п. на глубинѣ отъ двухъ до 3-хъ саженъ. Калмыки пользуются подпочвенной водой посредствомъ копанеи или колодцевъ, называемыхъ на ихъ языкѣ худуками. Худукй бываютъ не болѣе трехъ саженъ глубины, имѣютъ широкой отверстіе круглой формы, и при томъ чѣмъ ближе ко дну-тѣмъ уже, такъ что внутри они имѣютъ форму усѣченнаго конуса. Въ каждой мѣстности можно видѣть массу худуковъ. При каждомъ хотонѣ (селеніи) ихъ можно встрѣтить до 10 штукъ и болѣе, но изъ нихъ калмыки пользуются не болѣе, какъ четырьмя. Это происходитъ отъ того, что калмыки каждый годъ копаютъ новыя копани или же поправляютъ старыя. Если вода оказывается солонцоватою, то калмыкъ бросаетъ только что вырытый худукъ и копаетъ другой, продолжая такимъ образомъ трудиться до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ воду, удовлетворяющую его вкусу и потребностямъ. Между тѣмъ заброшенные худуки съ теченіемъ времени дѣлаются хорошими, потому что солонцоватая вода отъ вліянія лучей солнечныхъ и отъ дѣйствія атмосфернаго воздуха пріобрѣтаетъ пріятный и прѣсный вкусъ.

Но такъ какъ подпочвенная вода по большей части бываетъ солончаковая, то и самая почва Большедербетовскаго улуса въ большей или меньшей степени оказывается солончаковая, хотя она состоитъ изъ песку или супесчаника. Впрочемъ по балкамъ и вообще по низкимъ мѣстамъ встрѣчаются небольшія полосы чернозема отъ 1 вершка до $^1/_2$ аршина въ толщину. Слѣдовательно, почва улуса, какъ солончаковая, должна быть признана за малородную. Если современныя распашки земли вполнѣ вознаграждаютъ трудъ земледѣльца, то это единственно по тому, что почва ея пока еще дѣвственна и не истощена земледѣліемъ. Вслѣдствіе того, что солонцоватость почвы все болѣе и болѣе усиливается по мѣрѣ приближенія къ озеру Манычу, сообразно съ этимъ и плодородіе

земли измѣняется. По этому и надѣлъ земляной не вездѣ одинаковъ. Въ плодородныхъ мѣстахъ на каждую кибитку полагается по 15 десятинъ земли, въ малоплодородныхъ по 30 десятинъ. Самыми неплодородными мѣстностями считаются берега озера Манычa. По заявленію попечителя улуса Павла Петровича Сахирова, самая плодородная земля отведена Бюдермисову и Кюбетову родамъ, а также подъ Княземихаиловскій поселокъ. Дѣйствительно, почва Княземихаиловскаго поселка вполнѣ удобна къ землепашеству, садоводству и даже къ лѣсоводству, не говоря уже объ огородничествѣ и скотоводствѣ. Особенно благопріятна къ земледѣлію въ обширномъ смыслѣ этого слова почва Яшалтинской балки, по срединѣ которой расположенъ Княземихаиловскій поселокъ. Почва Яшалтинской балки исключительно черноземная съ примѣсью ила, который остается послѣ весеннихъ разливовъ. Это подмѣтилъ одинъ некрещеный калмыкъ Меньке Бадиновъ. Онъ сумѣлъ насадить правильно разбитый садъ изъ фруктовыхъ деревьевъ: вишенъ, грушъ, сливъ и другихъ плодовыхъ деревъ. Какъ намъ уже извѣстно, садъ этотъ перешелъ въ неприкосновенную собственность Княземихаиловскаго миссіонерскаго стана. До Апрѣля мѣсяца 1892 года, по словамъ г. Дубровы, вновь благопріобрѣтенный садъ подчищался и поддерживался въ надлежащей чистотѣ и опрятности но съ поступленіемъ новаго миссіонера—священника о. Крастилевскаго онъ былъ оставленъ безъ вниманія вслѣдствіе происшедщихъ несгласій съ перваго же раза; поэтому весенняя вода размыла ровъ, который заграждалъ доступъ сюда скоту, и садъ сталъ открытымъ или доступнымъ для скота, который не замедлилъ воспользоваться удобнымъ пастбищемъ и, конечно, поломалъ всѣ деревья. Удобства почвы для земледѣлія давно сознали крещеные калмыки и съ перваго момента своего появленія занялись земледѣліемъ. Въ нынѣшнемъ году крещеными калмыками было засѣяно до 70 десятинъ подъ хлѣбъ и до 11 десятинъ подъ бакчи, въ которыхъ пока растутъ арбузы, дыни, огурцы и только. Поля крещеныхъ калмыковъ были засѣяны или овсомъ, или пшеницей, или ячменемъ, или овсомъ, или льномъ. Но никто изъ нихъ не позаботился развести огородъ, или садъ, или лѣсъ, хотя почва благопріятствуетъ.

Изъ некрещеныхъ калмыковъ весьма немногіе занимаются земледѣліемъ. Большинство изъ нихъ предпочитаетъ отдавать свою землю въ аренду. Но изъ этихъ немногихъ успѣшно занимаются земледѣліемъ одни зайсанчи и нойоны. По дѣлу № 48 за 188 годъ видно, что у некрещеныхъ калмыковъ было засѣяно хлѣба: пшеницы озимой 217, яровой 24, ржи 6, овса 24, ячменя 18, проса $3^1/_2$, льна $5^1/_2$, конопля $2^1/_2$ и картофеля 6 четвертей. За то тѣ, кто занимается земледѣліемъ, успѣли поставить его въ надлежащія рамки. Мнѣ пришлось видѣть земледѣліе у многихъ зайсанговъ и найоно гахаева. По моему мнѣнію, въ образцовомъ видѣ постановлена землепашество у нойона Гахаева и зайсанга Лапинова. У зайсанга Лапинова подъ пашней находится 306 десятинъ, подъ табачной плантаціей 20 десятинъ, подъ огородомъ и небольшемъ садомъ 5 десятинъ, подъ бакчами 15 десятинъ, подъ табачную плантацію 30 одсятинъ, подъ огородъ 8 десятинъ, подъ садъ 7 десятинъ, подъ бакчи 10 десятинъ и подъ лѣсъ 50 десятинъ. Лѣсъ посаженъ 5 лѣтъ тому назадъ и состоитъ изъ вяза, клена, тополя, дуба, орѣшнику и другихъ лиственныхъ деревъ. Лѣсъ теперь вполнѣ укрѣпился и въ будрщемъ обѣщаетъ многое. Первая посадка вполнѣ удалась. Деревья достигли до 1 сажени и болѣе высоты. Небольшую рощицу путешественникъ можетъ встрѣтить при Лапинскомъ хурулѣ. Вотъ единственные лѣса во всѣмъ Большедербетовскомъ улусѣ, если только сіи молодые разсадники можно назвать лѣсомъ.

Климатъ Большедербетовскаго улуса различенъ. Въ лѣтнее время онъ зноенъ. Сильныя жары доходятъ до 40° по R. Въ зимнее время климатъ бываетъ сырой. Въ сильную стужу термометръ понижается до 30°. Въ общемъ климатъ долженъ быть признанъ континетальнымъ. По словамъ калмыковъ, особенно сухостью отмѣчалось 1891 г. лѣто. Лѣто было такъ сухо, что въ концѣ Іюня выгорѣла вся трава, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ вся степь представляла изъ себя жалкую пустыню. Нынѣшнее лѣто было мягкое, потому что время отъ времени выпадали дожди. Въ степи давно замѣчено: если подуетъ восточный вѣтеръ, то воздухъ дѣлается сухимъ, на небѣ исчезаютъ дождевыя облака, на землѣ появляется засуха. Чѣмъ дольше дуетъ восточный вѣтеръ, тѣмъ общая жара усиливается и усиливается настоящей засухой. Въ такомъ случаѣ вода въ

рѣчкахъ и лиманахъ окончательно высыхаетъ, трава сохнетъ, земля оголяется и поднимаетъ тучи жгучаго песку. Въ такую погоду противъ вѣтра почти невозможно ѣхать. Если такой вѣтеръ случится во время уборки хлѣба, то хлѣбъ на корнѣ высыхаетъ, и зерно выливается, такъ что остается одна только солома, и та перегораетъ и такимъ образомъ мало-по-малу исчезаетъ. Вообще восточный вѣтеръ приноситъ много вреда. Совершенно иная картина получается, если дуетъ югозападный вѣтеръ который всегда приноситъ лѣтомъ прохладу и влагу; растительность распускается и усиливается, потому что воздухъ бываетъ насыщенъ водяными парами; отъ образованія дождевыхъ облаковъ выпадаютъ благодѣтельные дожди. Если такіе дожди случатся во время наливанія зерна, то урожаей бываетъ обильный.

Въ нѣдрахъ земли Большедербетовскаго улуса нѣтъ никакихъ богатствъ кромѣ соли, и то около озера Манычa. Въ рѣкахъ рыбы мало, и ту никто изъ калмыковъ не ловитъ. Русскіе же ловятъ ее бродомъ и особымъ рыболовномъ снарядомъ,—хваткой. Хватка—это обыкновенная сѣтка съ мелкими ячейками на деревяннымъ обручѣ, къ краямъ котораго накрестъ прикрѣплены двѣ дуги изъ переломленнаго пополамъ деревяннаго обруча. Хватка оканчивается продолговатой ручкой въ видѣ шеста сажени въ $1^1/_2$. На сѣтку кладется приманка въ родѣ кусочковъ хлѣба, чтобы привлечь рыбу, и привязывается грузъ, чтобы хватка могла потонуть и лечь на дно рѣки. Минутъ черезъ пять хватка постепенно вынимается изъ воды и задержанные врасплохъ караси и сазанчики выбрасываются на берегъ.

Если природа Большедербетовскаго улуса бѣдна произведеніями земли, то она богата царствомъ животныхъ и птицъ. Изъ дикихъ животныхъ или звѣрей водятся въ улусѣ: волки, барсуки, лисицы, чекалки, зайцы обыкновенные и земляные (тушканчики), хорьки, суслики, ежи, горностаи, крысы и мыши. Въ прежнія времена, по словамъ калмыковъ, въ Буркшунѣ и около озера Манычa водились кабаны, паслись табуны дикихъ лошадей и цѣлыя стада сайгаковъ. Изъ домашнихъ животныхъ, по дѣлу № 48 за 1892 годъ, калмыки имѣли лошадей, козъ, верблюдовъ, овецъ и рогатый скотъ. Лошадей было: четырехъ-лѣтнихъ 805, кобылъ 670, жеребцовъ 225; рогатаго скота—рабочаго 560, дойныхъ коровъ 4,195, гулевыхъ 5,751;

овецъ простыхъ 1.455, калмыцкихъ 1,100; козъ 519; верблюдовъ девять. Съ 1887 года у калмыковъ въ числѣ домашнихъ животныхъ появились свиньи. Необходимымъ домашнимъ животнымъ для калмыка служитъ собака. Здѣсь собаки бываютъ двухъ породъ—дворняжки или овчарки и степныя. Дворняжки необходимы для пастьбы овецъ. Степныя собаки употребляются для охоты за лисицами, зайцами и дажи волками.

Птицы въ улусѣ водятся больше въ дикомъ состояніи. Домашнихъ птицъ калмыки не любятъ держать, хотя для нихъ въ степи имѣются въ изобиліи кузнечики и другія насѣкомыя. Изъ дикихъ птицъ здѣсь встрѣчаются ястреба, беркуты, мышеловы, коршуны, бѣлые луни, совы, вороны, грачи, журавли, фазаны, драхвы, дудаки, лебеди, гуси, утки, чайки, воробьи, жаворонки, стрижи и пр. Изъ домашнихъ птицъ можно встрѣтить гусей, утокъ, индюковъ. курицъ. Особено хорошо здѣсь водятся курицы и индюки. Гуси и утки здѣсь должны обходиться бевъ купанья въ водѣ, поэтому часто паршивѣютъ и отъ сильный жары издыхаютъ. Все это многообразное царство пернатыхъ находитъ обильную пищу въ миріадахъ насѣкомыхъ, каковы: кузнечикики, тарантулы, пауки, мошки, комары, муравьи, бабочки и т. п. Собственно для человѣка царство насѣкомыхъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Особенно вредны для него тарантулы, по-калмыцки „манджи—абга“, и черные пауки или „талунъ—сумунъ“ Черные пауки и тарантулы опасны своею ядовитостію не только для человѣка, но и для животныхъ, кромѣ овецъ, которыя безъ всякаго вреда для себя пожираютъ ихъ вмѣстѣ съ травой. Поэтому эти насѣкомыя боятся овецъ. Это давно замѣтили калмыки и по сей причинѣ совѣтуютъ своимъ заѣзжимъ гостямъ класть вокругъ постели кусочки овечьей шерсти или одѣваться кошмами изъ овечьей шерсти. Калмыки также вполнѣ увѣрены, что тарантулы и черные пауки сильно бояться дегтярнаго запаха. Наконецъ, въ Большедербетовскомъ улусѣ встрѣчаются земноводныя животныя въ родѣ ящерицъ, лягушекъ и змѣй. Среди калмыковъ есть повѣрье, что лягушки падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождемъ, отъ чего и называются дождевыми. Дѣйствительно, послѣ каждаго дождя особенно сильнаго и продолжительнаго ихъ появляется весьма много даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ поблизости ни рѣчки, ни ручейка. Всѣ дождевыя лягушки бываютъ мелкой породы и имѣютъ

свѣтлосѣрую кожу. Впрочемъ въ рѣкахъ и въ другихъ бассейнахъ водятся и крупныя лягушки чернаго цвѣта. Змѣй здѣсь весьма много, и всѣ безвредны. Ядовитыхъ змѣй трудно встрѣтить. Дороги въ улусѣ находятся въ первобытномъ состояніи. Ремонта имъ не полагается, мостовъ почти нѣтъ; поэтому въ дождливое время чрезъ ручьи и болота ѣзда прекращается. Какую дорогу дала природа, такова она и есть. По одной и той же дорогѣ рядомъ идетъ много разъѣздовъ. Кому гдѣ вздумалось, тамъ онъ и ѣдетъ. Чрезъ улусъ пролегаетъ только одна проселочная дорога, такъ называемая Ростово-Моздокская. Она перерѣзываетъ улусъ по прямой линіи съ юговостока къ сѣверо-западу и проходитъ мимо двухъ хотоновъ: Санджи-Полтеева и Чоно-Харамандкіева.

III. Этнографія Большедербетовскаго улуса.

Главными хозяевами, такъ сказать господами калмыцкой степи Большедербетовскаго улуса являются калмыки. Всѣ калмыки средняго роста, приземисты и коренасты. Великановъ нѣтъ, нѣтъ и карликовъ. Кажется, калмыки неспособны къ ожиренію: тучнаго человѣка здѣсь трудно встрѣтить, толстякъ - калмыкъ большая рѣдкость. Приземистость и коренастость свидѣтельствуетъ о способности къ физическому труду и выносливости. И дѣйствительно, калмыкъ легко переноситъ продолжительный физическій трудъ. Въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, если ему придется видѣть калмыка за дѣломъ, сроднымъ съ его натурой. Цвѣтъ тѣла у калмыковъ смуглый. По всей вѣроятности, это происходитъ не отъ природы, а отъ нечистоплотной жизни. Калмыки постоянно находятся подъ открытомъ небомъ и на открытомъ воздухѣ подъ палящими лучами солнца, особенно въ лѣтнюю пору, и никогда не моются въ банѣ. Дѣти ихъ нагишемъ бѣгаютъ по улицѣ и валяются въ грязи. Съ самаго рожденія малютку держатъ въ грязныхъ пеленкахъ и въ дымной кибиткѣ около огня. Удивительно ли послѣ этого, если тѣло ихъ при такомъ воспитаніи становится темнооливковымъ. Тѣмъ не менѣе среди нихъ встрѣчаются бѣлотѣлыя и бѣлолицыя личности, преимущественно изъ цаганъ-йасынъ. Съ перваго разу калмыки кажутся некрасивыми, но, если всматриваться, они оказываются благообразными. Среди женщинъ бываютъ своего рода краса-

вицы, которыя, при иной обстановкѣ и въ другой одеждѣ, могутъ посчитаться съ европейскими красавицами. Лице калмыки имѣютъ плоское съ выдающимися скулами и узками глазами. Вслѣдствіе оспы многіе имѣютъ бѣльмы на глазахъ. У всѣхъ калмыковъ безъ исключенія зубы бѣлы, какъ слоновая кость, а также отличаются необыкновенною крѣпостью. Калмыки легко раздробляютъ и пережевываютъ кости барановъ и другихъ мелкихъ животныхъ; мелкія и особенно хрящевыя они разжевываютъ, какъ муку, и преспокойно препровождаютъ въ животъ. Страдающихъ зубной болью почти нѣтъ. Волосы черны, какъ смоль, и жестки, какъ конскій волосъ. Мущины ходятъ безбородыми, потому что или вырываютъ волосы особыми щипцами, или брѣютъ наголо. Нѣкоторые изъ нихъ оставляютъ небольшой клочекъ бороды на нижней губѣ въ видѣ эспаньолки и немного на верхней губѣ въ родѣ усовъ. Старики дозволяютъ себѣ отпускать бороду на подбородкѣ. Жрецы ихъ сверхъ того брѣютъ волосы на головѣ, ибо имъ закономъ строго воспрещается имѣть волосы отпущенными, кромѣ шибе (духовныхъ учениковъ) и манджиковъ (учениковъ вообще), которымъ дозволяется, даже заповѣдуется имѣть чубъ на головѣ, чтобы гелюнгу-учителю можно было наказать за волосы неисправнаго ученика. Женщины обязательно ростятъ свои волосы. Женщинѣ стричь волосы не дозволяется. Только дѣвочкѣ до 8-лѣтняго возраста наравнѣ съ мальчиками позволяется стричь волосы. Лишь только дѣвочка начинаетъ переходить въ возрастъ дѣвицы, а тѣмъ болѣе невѣсты, она отращиваетъ волосы и заплетаетъ въ одну косу или въ восемь косъ, спуская ихъ назадъ—на спину. Замужнія и вдовы заплетаютъ волосы въ двѣ косы, спускаяихъ напередъ—на грудь и завертывая ихъ въ черные чехлы. Чѣмъ коса длиннѣе, тѣмъ лучше.

Калмыковъ можно раздѣлить на три сословія: 1) цаганъ-йасынъ, 2) хувараки и 3) харусъ-улусъ (черный народъ) или хара-йасынго (черная кость). Цаганъ-йасынъ (бѣлая кость)—эта своего рода аристократія. Ее составляютъ нойоны и зайсанги со своими домочадцами и родственниками. Русское правительство приравняло нойоновъ къ князьямъ, аймачныхъ зайсанговъ—къ почетнымъ гражданамъ, безъаймачныхъ зайсанговъ къ личнымъ гражданамъ. Хувараки (жречество) составляютъ привиллегированное сословіе. Сюда относятся различные чины

жречества, какъ то: бакши, гелюнги, гецюли и манжики. Хара-улусъ являются калмыки простолюдины. Они служатъ тяглою силою на аристократію и жречество. Въ 1891 году они сравнены съ русскими крестьянами. Хара-улусъ относится къ цаганъ-йасынъ и къ хуваракамъ съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Если простолюдинъ встрѣтитъ на улицѣ нойона или зайсанга, то онъ остонавливается и прикладываетъ правую руку ко лбу; если найонъ или зайсангъ ѣдетъ на конѣ, то калмыкъ постарается остановиться и простоять до тѣхъ поръ, пока его патронъ не проѣдетъ мимо; если простолюдину случится войти въ домъ кого-либо изъ цаганъ-йасынъ, то онъ войдетъ не иначе, какъ съ правой стороны кибитки, хотя бы ему пришлось обойти кругомъ почти всю кибитку. Вошедши въ жилище, онъ становится на корточки, складываетъ руки на груди, касается лбомъ края одежды хозяина дома; нойонъ же или зайсангъ дотрогивается до плеча вошедшаго въ домъ,—чѣмъ и оканчивается обычное привѣтствіе. Отдавши должное почтеніе, калмыкъ становится на колѣни у порога, садится на пятки и излагаетъ цѣль своего прихода. Если ему больше нечего дѣлать, то онъ спѣшитъ удалиться, чтобы такимъ образомъ не стѣснять никого, и непремѣнно выйдетъ вонъ такъ, чтобы онъ могъ видѣть лицо своего патрона до послѣдняго момента. Такимъ же почетомъ чествуются и хувараки со стороны хара-улусъ и даже цаганъ-йасынъ, особенно высшіе чины жречества: бакши и гелюнги, которые привѣтствующимъ ихъ преподаютъ благословеніе рукой или книгой. Въ томъ или другомъ случаѣ онъ касается лба своего духовнаго чада. За благословеніе онъ получаетъ въ видѣ жертвы монеты, скотъ, вещи и тому подобныя приношенія. Чѣмъ старше хуваракъ по своимъ лѣтамъ и по своему положенію въ ламайской іерархіи, тѣмъ онъ большимъ почетомъ пользуется со стороны даже хувараковъ. Напримѣръ, въ присутствіи бакши гелюнги, гецюли и манжики должны стоять или сидѣть, впрочемъ на пяткахъ, у порога. Вотъ сидитъ гелюнгъ въ своей кибиткѣ и занимается съ манжиками, вдругъ входитъ бакша; гелюнгъ тотчасъ же отправляется къ порогу и садится на корточки, а манжики становятся на колѣни. Если хувараку приходится бывать у бакши, то онъ входитъ къ нему съ соблюденіемъ обычнаго этикета, принимаетъ благословеніе и потомъ уже вступаетъ въ разговоръ, находясь на указанномъ мѣстѣ и въ извѣстной

позѣ. Въ свою очередь каждый хуваракъ пользуется честію, сообразно съ возрастомъ и положеніемъ. Вообще среди хувараковъ строго соблюдается чиноначаліе. Манжики должны воздавать честь и уваженіе гецюлямъ, гецюли — гелюнгамъ, гелюнги — бакшамъ, бакши — ланамъ и т. д. Женскій полъ имѣетъ предпочтеніе въ чествованіи предъ мущинами. Особенно это видно во время танцевъ. Мужчина приглашаетъ женщину не иначе, какъ становясь на правое колѣно и касается правой рукой сначала своего лба, а потомъ колѣнъ женщины; женщина, приглашая мужчину, дѣлаетъ просто головной поклонъ и касается тоже правой рукой только плеча мущины. Послѣ танцевъ кавалеръ благодаритъ свою даму тѣмъ же порядкомъ, а дама, если она замужняя, благодаритъ однимъ поклономъ или глазами, если она дѣвица. Иногда замужнія женщины и вдовы благодарятъ мужчинъ, поглаживая правой рукой кончики волосъ, выходящихъ изъ чехловъ. Калмычка пользуется почетомъ и въ обычной жизни. Калмычка не сѣдлаетъ коня; это дѣло мужчины. Мужчина долженъ приготовить коня и подвести къ женщинѣ, если она намѣрена ѣхать. Никто изъ мужчинъ не имѣетъ права передать своего коня женщинѣ, чтобы она подержала его, хотя бы наѣздникомъ былъ самъ нойонъ. Калмыкъ, замѣтивъ, что женщина хочетъ сойти съ коня, долженъ спѣшиться и помочь ей сойти съ сѣдла. Молодой калмыкъ никогда не рѣшится поцѣловать, а тѣмъ болѣе схватить за грудь дѣвицу при посторонних свидѣтеляхъ. Нарушители подвергаются денежному штрафу, какъ преступники. Тѣмъ большей отвѣтственности подлежитъ виновный, если онъ публично обругаетъ женщину. Хозяйкѣ дома принадлежитъ право угощать гостей. Отказаться отъ ея угощенія считается большою невѣжливостью. Отказъ считается явнымъ оскорбленіемъ, если гость отказывается отъ кушанья только что на его глазахъ свареннаго и приготовленнаго самой хозяйкой. Если гость не хочетъ ѣсть или пить, то онъ изъ поднесеннаго кушанья хоть немного долженъ отвѣдать, а изъ поднесеннаго напитка, что называется,—пригубить, чтобы не оскорбить и почтить гостепріимную калмычку. Въ каждомъ семействѣ глава получаетъ должное почтеніе отъ всѣхъ домочадцевъ. Подгулявшій сынъ не осмѣлится явиться на глаза отцу. Онъ скорѣе подъ ночуетъ въ степи открытымъ небомъ, чѣмъ рѣшится оскорбить своего отца нарушеніемъ обычнаго

приличія. Жена и дѣти въ присутствіи главы дома должны молчать, если ихъ не спрашиваютъ, во время обѣда или ужина дожидать своей очереди и вести себя скромно. Тѣмъ паче не полагается осуждать своего отца или мужа. Молодежь калмыцкая воздаетъ честь старшимъ себя возрастомъ сообразно съ ихъ достоинствомъ. Молодой калмыкъ, явившись въ чужой хотонъ, садится на колѣни у дверей той кибитки, куда ему нужно войти. Если не позволятъ войти, то возвращается вспять и переходитъ къ другой кибиткѣ. Впрочемъ отказать путнику въ пріемѣ считается большою невѣжливостію. Вошедши въ кибитку, юноша привѣтствуетъ каждаго, сообразуясь съ его положеніемъ, возрастомъ и поломъ; въ свою очередь и самъ получаетъ отъ каждаго приличное привѣтствіе. При старикахъ молодежь не начнетъ танцевъ, игръ или другихъ какихъ-либо забавъ, если не получитъ на то дозволенія. Если старикамъ вздумалось посмотрѣть на веселье молодежи, то молодежь по первому ихъ желанію заводитъ веселье и старается сдѣлать развлеченіе интереснымъ, чтобы старики были довольны. Обычное привѣтствіе состоитъ въ томъ, что калмыки, пожимая другъ другу руки, говорятъ: „менде!“ „менде!“ (здравствуй! здравствуй). Родственники, особенно ближайшіе, привѣтствіе обычное довершаютъ взаимными поцѣлуями. Нельзя не замѣтить, что калмыцкое рукопожатіе состоитъ въ томъ, что просто-на-просто сдвигаются правыя руки ладонями и прижимаются лѣвыми руками, такъ что правая рука каждаго изъ нихъ въ моментъ привѣтствія оказывается между ладонями рукъ здоровающихся. Иногда рукопожатіе ограничивается однимъ соприкосновеніемъ правыхъ рукъ въ мѣстѣ соединенія кистей. Нельзя умолчать о томъ, что въ послѣднее время калмыки начинаютъ здороваться чисто по-русски. Подражаніе русскому особенно замѣтно среди крещеныхъ калмыковъ. Крещеные калмыки въ сословныхъ привѣтствіяхъ соблюдаютъ и калмыцкій этикетъ, но въ то же время многое переняли и у русскихъ. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ крещеный калмыкъ привѣтствуетъ своего собрата русскимъ рукопожатіемъ и русскимъ „здорово!“ Къ русскому духовенству крещеные калмыки относятся по-русски. Если они встрѣтятъ учителя, или псаломщика, или помощника миссіонера, то снимаютъ шапку и говорятъ: „здравствуйте!“ Если увидятъ священника, то подходятъ подъ благословеніе; только

по своей неразвитости они цѣлуютъ руку священника, какъ икону, т. е., осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Но, конечно, виноваты не калмыки, а священникъ—миссіонеръ, который по сіе время не счелъ своею обязанностію объяснить калмыкамъ, какъ должно принимать благословеніе отъ священника и что оно означаетъ или напоминаетъ.

Универсальнымъ жилищемъ калмыка, какъ во времена Чингисхана, такъ и теперь, служитъ кибитка. Да не подумаетъ читатель, что калмыцкая кибитка хоть сколько нибудь похожа на нашъ экипажъ. Калмыцкая кибитка простой войлочный шатеръ на деревянномъ остовѣ, имѣющемъ форму усѣченнаго конуса. Кибитка состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) терме, 2) унинъ, 3) харача, 4) юдень, 5) ышге и 6) хашлунъ. Терме дѣлается изъ дерева: для сего приготовляются палочки круглой или четырехъ-угольной формы около 2 аршинъ въ длину и складываются другъ на друга такъ, что образуютъ изъ себя правильную рѣшетку. Составленная такимъ образомъ рѣшетка прилаживается къ деревянной рамѣ различной величины, сообразно съ величиной будущей кибитки. Число терме бываетъ либо 5, либо 6, либо 7, либо 8. Терме, назначенная для входа, имѣетъ отверстіе, кула вдѣлывается юдень — дверь. Для того, чтобы поставить кибитку, терме прикладываютъ другъ къ другу такъ, что образуется кругъ, при, чемъ терме къ терме прикрѣпляется сыромятными ремнями. Чтобы кибитка стояла твердо, не распиралась и не шаталась отъ вѣтра, терме обвязываютъ кругомъ шерстяной тесьмой, называемой калмыками хашлунъ, шириной въ одинъ вершокъ; а чтобы терме не разсыхались отъ солнца, ихъ окрашиваютъ краской или смазываютъ жиромъ. Поверхъ терме ставятся унины въ наклонномъ положеніи и вверху опираются въ харача (деревянный кругъ) или, иначе говоря, харача виситъ на унинахъ. Унины-это жерди обычной толщины и длины. Чѣмъ больше кибитка, тѣмъ унины длиннѣе и наоборотъ: чѣмъ кибитка меньше, тѣмъ унины короче; но во всякомъ случаѣ не длиннѣе $1^1/_2$ саженъ. Число унинъ бываетъ пропорціонально числу терме и величинѣ ихъ. Такъ, напримѣръ, для кибитки въ 6 рѣшетокъ (терме) потребуется 76 унинъ, полагая на каждую терме по 12 унинъ и надъ входомъ 4 унины. У людей богатыхъ унины выкрашиваются, но бѣдняки обходятся и безъ этой роскоши тѣмъ болѣе, что онѣ впослѣдствіи отъ дыма совсѣмъ чернѣютъ. Унины вставляются въ харача въ особыя отверстія или дырочки, величина которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ толщинѣ унинъ. Харача составляется изъ двухъ или трехъ полукруглыхъ обрубковъ дерева, связанныхъ между собою, выражаясь плотничьимъ терминомъ, въ замокъ, такъ что представляютъ изъ себя правильный кругъ около аршина въ діаметрѣ. Для большей прочности харача снаружи обвивается сыромятнымъ ремнемъ наглухо, для чего по окружности харача дѣлается продольный желобъ. Поверхъ деревяннаго круга, опирающагося на унины, придѣлывается двѣ дуги, накрестъ сложенныхъ. По словамъ калмыковъ, харача весьма трудно сдѣлать; поэтому харача калмыки тщательно оберегаютъ при кочевкѣ. Не менѣе оригинальнаго устройства кибиточная дверь или юдень. Юдень состоитъ изъ створчатыхъ дверей, которыя вдѣлываются въ особую рамку двухдюймовой толщины. Рама, которая соотвѣтствуетъ двернымъ нашимъ косякамъ, въ вышину бываетъ не болѣе 2 аршинъ. Для порога вставляется доска въ четверть шириною. Дверцы вдѣлываются такъ, чтобы отворялись внутрь кибитки. Онѣ запираются на ночь деревянными засовами сверху и снизу. Это все деревянныя части кибитки. Установленныя вышеописаннымъ способомъ, онѣ составляютъ остовъ кибитки. Дальнѣйшія принадлежности кибитки дѣлаютъ уже изъ овечьей шерсти. Приготовленіе ихъ лежитъ на обязанности калмычекъ, калмыки же ограничиваютъ свою дѣятельность приготовленіемъ деревянныхъ частей кибитки. Главную принадлежность шерстяныхъ частей кибитки составляютъ ышге или войлока, т. е., кошмы бѣлыя или сѣрыя. Онѣ набрасываются на остовъ кибитки и закрываютъ её снаружи со всѣхъ сторонъ. По формѣ онѣ бываютъ трехъ родовъ: однѣ обхватываютъ терме и нижнюю часть унинъ, а поэтому имѣютъ видъ параллелограмма; другія закрываютъ всѣ унины, начиная отъ харача, и свѣшиваются на терме поверхъ предъидущихъ войлоковъ, а поэтому имѣютъ форму разрѣза усѣченнаго конуса; третій войлокъ покрываетъ харача и называется цагрыкъ, а поэтому имѣетъ форму башлыка съ четырьмя углами, которыя оканчиваются тесьмами или шнурками въ видѣ веревокъ, чтобы можно было цагрыки привязать къ кибиткѣ за терме. Для прочности ышге по краямъ обшиваются тонкимъ шерстянымъ шнуромъ, по калмыцки „зекъ“. Къ верхнимъ краямъ каждой ышге пришивается по узкой, но длинной (3 сажени) тесьмѣ, на которыхъ ышге

держится на остовѣ кибитки, какъ на помочахъ. Кромѣ того, нужна еще дверная занавѣсь, которая дѣлается изъ войлока и закрываетъ юдень съ наружной стороны.

Въ вѣтреную погоду кибитка привязывается къ кольямъ, вбитымъ въ землю, при посредствѣ длинныхъ аркановъ. Эти арканы идутъ отъ цагрыка прямо къ кольямъ. Посредственная кибитка цѣнится не менѣе 100 рублей снову. Есть кибитки и дороже, отъ 200 до 300 и даже 400 рублей. Въ такихъ кибиткахъ, не говоря уже о томъ, что описанныя части ихъ сдѣланы изъ лучшаго и прочнаго матеріала, внутренность ихъ по унинамъ и терме обтянута шелковой матеріей. Установка кибитокъ лежитъ на обязанности женщинъ. Лишь только перекочевалъ калмыкъ на новое мѣсто, женщины спѣшатъ разставить кибитку. Окончивъ это дѣло, но не приступая къ внутреннему убранству, калмычка спѣшитъ приткнуть снаружи кибитки около дверей на особомъ шестѣ дарцокъ, т. е. лоскутокъ какой либо матеріи съ таинственными іероглифами. По объясненію однихъ, дарцокъ долженъ прогнать отъ кибитки всю нечистую силу, которая у калмыковъ носитъ различныя наименованія, какъ то: шимнусы, ракшасы, ассуріи, читкюры; по объясненію другихъ, дарцокъ ставится для того, чтобы чрезъ него могли сойти на землю небожители, какъ то: тенгріи, девы, будды, бодисатвы. Калмыки, обыкновенно, ставятъ кибитки дверьми на югъ. На вопросъ: „почему они такъ дѣлаютъ?"—большинство отвѣчаетъ: „нашъ законъ таковъ". Но ихъ гелюнги объясняютъ: такъ-какъ въ Тибетѣ, который находится на югѣ, живетъ Далай-лама, къ которому изъ безграничнаго благоговѣнія очи всѣхъ буддистовъ должны быть постоянно обращены, то калмыки и строятъ дверь на югъ, чтобы чрезъ нее душевными очами они могли видѣть великаго бакшу (учителя). По моему мнѣнію, еслибы дѣло было такъ, то калмыкамъ Ставропольскимъ слѣдовало бы ставить кибитки на юго-востокъ-востокъ, потому что Лясса, или Хласса, гдѣ живетъ Далай-лама, находится отъ нихъ почти на востокъ и нѣсколько къ югу; поэтому легче объяснить это дѣломъ привычки. Извѣстно, что калмыки сильно держатся старины: они также строятъ свои кибитки, какъ и во времена Чингисхана, когда они жили въ Азіи въ Монголіи, гдѣ два главныхъ вѣтра: южный и сѣверный. Южный вѣтеръ теплый, а сѣверный холодный. Чтобы сѣверный вѣтеръ менѣе остуживалъ кибитку,

калмыки въ тѣ времена нашли лучшимъ ставить кибитку дверями на югъ. Со временемъ это вошло въ привычку и во всеобщее употребленіе. Таковую привычку калмыки перенесли и на новыя поселенія. Это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что предки нашихъ калмыковъ, по Юань чоа миши, строили кибитки на югъ еще до принятія буддизма, когда они были послѣдователями „черной вѣры" или шаманства, и когда не было даже Далай-ламы.

Вошедши внутрь кибитки, калмычка принимается за убранство ея. Прежде всего она устраиваетъ брачное ложе прямо противъ входа въ кибитку. Это ложе называется у калмыковъ оронъ (царство). Оно состоитъ изъ деревянной кровати на низкихъ ножкахъ. Поверхъ кровати стелется дёрбёльджинъ (четырехъугольникъ). Дёрбёльджинъ есть ничто иное, какъ продолговатый тюфякъ изъ кошмы, въ нѣсколько разъ сложенный, четырехъугольной формы. Въ ногахъ и въ изголовьи кладутся круглыя кожаныя подушки, набитыя разнымъ бѣльемъ. Это кюльбокцо (въ ногахъ) и дерьбокцо (въ изголовьѣ). Постель покрывается одѣяломъ, которое называется кюнджиль. У богатыхъ надъ кроватью навѣшивается одни-кушге или балдахинъ въ родѣ полога. Подъ пологомъ бываютъ занавѣсы, по калмыцки—юмарчи. Влѣво отъ кровати находится большой баранъ, куда складываются дорогія вещи и ставятся сундуки одинъ на другой. Сундукъ верхній покрывается ковромъ, на которомъ ставятся литые и лѣпные шутены, т. е., изображенія бурхановъ или боговъ. Предъ шутенами на особыхъ столикахъ возлагаются различныя жертвы, какъ то: вода, пшеница, ароматныя куренія и прочее; но отнюдь не позволяется приносить въ жертву бурханамъ конину или опьяняющіе напитки. Мѣсто, гдѣ стоятъ шутены, называется „арсалангъ-ширя" (львиный престолъ) или „ниша"; столикъ, на которомъ размѣщаются жертвы, „тахилійнъ-ширя", (жертвенный столъ); жестяныя чашечки, въ которыхъ помѣщаются жертвенныя приношенія,—„чöкчи"; а самыя жертвы—„дéджи" (начатки), потому что въ одну изъ нихъ всегда кладется или вливается та часть кушанья или питья, которая должна быть или первымъ кускомъ или первымъ глоткомъ старшаго лица въ семьѣ.

Самымъ лучшимъ жертвоприношеніемъ служитъ кусочекъ баранины отъ задней лопатки, именуемой на калмыцкомъ языкѣ „шага-чимгенъ". Мѣсто по правую сторону кровати

называется малымъ бараномъ. Въ немъ помѣщается вся домашняя утварь, съѣстные припасы и вино. Здѣсь ставится „юкюкъ" или ящикъ, въ которомъ хранится лучшая посуда. Тутъ же стоятъ и другіе сундуки съ хозяйскимъ добромъ. Рядомъ съ ними, поближе къ двери, устанавливаются бурдюки или кожаные мѣшки съ кумысомъ, а также бортого (тоже въ родѣ кожанаго мѣшка) съ „арака" (калмыцкой водкой). Еще ближе къ двери ставятся на землю котлы, надъ которыми къ унинамъ привѣшивается доска вмѣсто полки съ разной домашней посудой. Однакожь и здѣсь, вблизи постели, прикрѣпляется къ одной изъ унинъ небольшой шутенъ какого либо бурхана, почему въ параллель большому барану и называется малымъ бараномъ. Мѣсто между „оронъ" и большимъ бараномъ предназначается для дочери невѣсты. Тутъ ставятъ только для вида „орондукъ" или маленькую кровать, которая весьма роскошно убирается. Посреди кибитки устроенъ „тулга„ или желѣзный таганъ, подъ которымъ почти постоянно тлѣетъ „кизякъ" или „аргасунъ" [1]). Огонь согрѣваетъ въ зимнюю пору малыхъ дѣтей и стариковъ. Старики лежатъ около огня и поворачиваютъ къ нему то одинъ бокъ, то другой. На этомъ же огнѣ приготовляется незатѣйливая калмыцкая пища. Поэтому на тулгѣ постоянно стоитъ чугунный котелъ съ водой, или съ молокомъ, или съ другою какою нибудь жидкостью. Тулга находится какъ разъ противъ отверстія кибитки. Это отверстіе образуется харача и именуется „ӧргӧ", которое такимъ образомъ служитъ дымовою трубою и въ то же время замѣняетъ наши вентиляторы. Котловъ во всякой кибиткѣ бываетъ не менѣе трехъ; одинъ большой для приготовленія чая, варенія мяса и т. п.; а остальные два меньшихъ размѣровъ для выкуриванія водки изъ молока. Посуда у калмыковъ по большей части кожаная. Для храненія кумыса и арьяна служатъ бурдюки и архытъ. Архытъ своего рода кожаная бутыль четырех-

[1]) Кизякъ и аргасунъ—это топливо изъ помета домашнихъ животныхъ. Аргасунъ—не обработанный пометъ, который, оставшись на полѣ, высыхаетъ и обращается въ твердыя пластинки разнообразной формы и толщины; кизякъ — обработанный пометъ. Онъ приготовляется съ примѣсью соломы въ видѣ лепешекъ овальной формы въ 1 четверть величиною и высушивается на солнцѣ, а затѣмъ складывается въ пирамиды и обмазывается кругомъ сырымъ пометомъ для зимняго употребленія.

гранной формы; для перевозки араки служитъ бортого, вмѣщающій отъ $1/4$ ведра до $1/2$; для ношенія воды сӯлга, т. е. кожаныя ведра, которыя замѣняютъ и наши подойники, хотя въ послѣднее время, по словамъ калмыковъ, они стали покупать подойники, ведра, кадки, бутылки, горшки русскаго издѣлія.

У состоятельныхъ людей сварившійся калмыцкій чай изъ котла переливается въ особую деревянную посуду — домбо. Домбо бываетъ около 1 аршина въ вышину. Чѣмъ ниже, тѣмъ дамбо расширяется, такъ что онъ походитъ по своей формѣ на усѣченный конусъ или на кадушку съ узкимъ верхомъ. Домбо дѣлается изъ орѣховаго дерева, обручи на немъ мѣдные или серебряные. На $2\frac{1}{2}$ вершка отъ верху вдѣлывается глухая крышка съ одной дырочкой, чтобы вливать и выливать чай. Домбо цѣнится не менѣе 5 рублей; поэтому простолюдины обходятся и безъ него, разливая чай прямо изъ котла по чашкамъ. Чашка, по калмыцки, тоже аѓа дѣлается изъ орѣховаго дерева. По калмыцкому обычаю, каждый членъ семейства долженъ имѣть свою чашку. Чай и прочая похлебка разливается по чашкамъ деревянымъ ковшемъ съ длинной ручкой. Онъ называется шанга. Оставшійся чай они берегутъ, высушивая на солнцѣ; по сей причинѣ чай разливаютъ, процѣживая чрезъ сито изъ конскихъ волосъ. Это сито именуется „шюръ".

Сзади кибитки придѣлывается особый загонъ, состоящій изъ рѣшетокъ наподобіе терме. Загонъ соотвѣтствуетъ нашимъ дворамъ. Сюда калмыки на ночь и преимущественно въ мятель загоняютъ рогатый скотъ, верблюдовъ, овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Этотъ-то загонъ съ кибитками калмыками называется „хотонъ", а калитка, ведущая въ хотонъ, — „хотони хасабчитā бичикинъ юдень". Лошади у калмыка всегда зиму и лѣто, день и ночь, пасутся въ степи; прочій же скотъ въ ненастье и бурю, какъ уже сказано, загоняется въ хотонъ. Такъ какъ воровство происходитъ ночью, то калмыки никогда не скажутъ, что у него „лошадь украли изъ хотона" или корову угнали со степи", но непремѣнно: „лошадь украли изъ табуна" или „корову украли изъ хотона". Въ настоящее время, побуждаемые правительствомъ жить осѣдло, калмыки вмѣсто хотоновъ устраиваютъ базы. Это небольшія площадки, обнесенныя рвомъ и насыпью изъ земли и сѣна или просто травы. Таково въ общихъ чертахъ устройство жилища простолюдина

и аристократа. Хотя хувараки тоже живутъ въ кибиткахъ, но кибитки ихъ не имѣютъ ни загоновъ, ни базъ, да и внѣшній видъ ихъ, а тѣмъ болѣе внутренній, нѣсколько отличается отъ кибитокъ калмыковъ вообще. Внѣшнее отличіе заключается въ томъ, что кибитки хувараковъ дверями строятся по направленію къ хурулу; стало быть, кибитка хуварака можетъ стоять на югъ, сѣверъ, востокъ, западъ, короче говоря, на всѣ страны свѣта. Внутреннее убранство и устройство кибитки хуварака проще и чище. Прямо противъ двери помѣщается большой баранъ, а по бокамъ барана ставятся два „орона"; малаго барана и „тулга" со всѣми кухонными принадлежностями не увидишь, потому что хувараки дома не приготовляютъ пищу, а ѣдятъ и пьютъ въ хурулѣ. Вслѣдствіе этого въ кибиткѣ такой нѣтъ ни копоти, ни специфическаго запаха, что невольно бросается въ глаза въ кибиткѣ калмыка. Въ зимнее время почти всѣ хувараки живутъ или въ саманныхъ домахъ, или же въ деревянныхъ. Саманные дома большею частію одноэтажные. Они строятся безъ опредѣленнаго плана, почему бываютъ различной величины и состоятъ отъ 2—4 комнатъ, но всѣ имѣютъ сѣни, а потому и двое дверей обычнаго устройства. Въ нихъ для отопленія дѣлаются печи въ русскомъ стилѣ. Труба съ наружной стороны, т. е., надъ крышей оканчивается чугуномъ или глинянымъ горшкомъ съ отбитымъ дномъ. Деревянные дома бываютъ одноэтажные и двухъэтажные, но больше одноэтажные. Устройство ихъ вообще въ русскомъ стилѣ. Что касается крещеныхъ калмыковъ, то нужно замѣтить: одна часть ихъ живетъ попрежнему и зиму и лѣто въ кибиткахъ, а другая часть обитаетъ зиму въ саманныхъ домахъ, на лѣто же предпочитаетъ выселяться въ кибитки. Нельзя умолчать также и о томъ, что крещеные калмыки не оставили своей привычки строить жилища дверями на югъ. Впрочемъ они объясняютъ это тѣмъ, что отсутствіе дверей на сѣверѣ защищаетъ ихъ отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ. Внутреннее устройство осталось то же, только на большомъ баранѣ красуется святая икона и отсутствуетъ тахилійнъ—ширя. Равнымъ образомъ чистота у крещеныхъ калмыковъ видна повсюду, а также и порядокъ въ домѣ. Здѣсь нѣтъ той грязи и хаоса, какой можно встрѣтить въ кибиткѣ некрещенаго калмыка. Калмыки называютъ себя „уланъ-залата-халимакъ", т. е. краснокисточниками. Въ самомъ дѣлѣ у калмыковъ верхушки

шапокъ краснаго цвѣта; если шапка имѣетъ верхушку другаго цвѣта, то кисточка или пуговка, которая нашивается на макушкѣ шапки, бываетъ непремѣнно краснаго цвѣта и называется „зола". Самая шапка извѣстна подъ общимъ именемъ „махлай". По своей формѣ „махлай" бываетъ разнообразнаго вида, ибо каждому возрасту и полу полагается своя шапка. До восьмилѣтняго возраста калмычата бѣгаютъ съ открытыми головами или же носятъ небольшую шапку, извѣстную подъ именемъ „торцокъ", которая весьма походитъ на татарскую тюбетейку и приготовляется изъ кумача желтаго и краснаго въ перемѣжку. Дѣвочки начинаютъ носить торцокъ еще раньше. Съ 8 до 10 и даже до 12 лѣтъ калмычки носятъ „тумашъ-махлай". Она по формѣ походитъ на русскую теплую шапку съ плоскимъ дномъ; околышъ у ней изъ отдѣльныхъ полосъ трехъ цвѣтовъ чернаго, краснаго и желтаго, подкладка простегивается на верблюжьей шерсти или тонкомъ войлочкѣ, нанизу по окружности обшивается узкимъ серебристымъ позументомъ, „зола" пришивается на макушкѣ въ видѣ кисточки болѣе или менѣе густой. Замужнія женщины носятъ „балгунъ-махлай", околышъ которой шьется изъ какого-нибудь мѣха, а верхушка или дно изъ матеріи краснаго или желтаго цвѣта. Послѣдняя имѣетъ выпуклую четырехгранную форму и оканчивается черною кистью изъ конскихъ волосъ около четверти въ длину. Старухи покрываютъ головы „хаджилга" наподобіе кабардинскихъ папахъ желтаго цвѣта, но съ красной кисточкой на обычномъ мѣстѣ. Всѣ означенныя шапки носятъ по большей части при торжественныхъ случаяхъ. Обычнымъ головнымъ уборомъ для калмычекъ служитъ „шумулдыкъ-махлай" въ родѣ татарскихъ тюбетеекъ. Онѣ шьются изъ желтой матеріи съ красной кисточкой и съ краснымъ околышемъ, или же изъ красной матеріи съ чернымъ околышемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ „тегрикъ-махлай" изъ желтой матеріи въ родѣ уланской шапки или кепки. Верхъ у ней четырехъугольный съ красной пуговкой, помѣщенной въ красной кисточкѣ. Тегрикъ-махлай носятъ и мущины. Хувараки лѣтомъ носятъ „терсыкъ-махлай" въ родѣ шляпы съ широкими полями. Она дѣлается изъ желтаго сукна или войлока съ красной кисточкой. Если поля такой шляпы опушены куньимъ или лисьимъ мѣхомъ, то она называется „сикюръ-махлай". Обѣ эти шапки утверждаются только на макушку головы, поэтому онѣ при-

крѣпляются къ головѣ особыми тесемками или шнурками. Впрочемъ означенныя шапки носятъ только высшіе хувараки, каковы гелюнги и бакши; остальные хувараки—гецюли и мандники надѣваютъ „торцокъ", который уже описанъ, но больше извѣстенъ подъ именемъ „тирцикъ". Въ зимнее время хувараки, какъ и всѣ калмыки, носятъ „бишличе-махлай", которая шьется изъ шкуръ домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей. Изъ внимательнаго разсмотрѣнія различныхъ видовъ махлай открывается, что преобладающій цвѣтъ въ калмыцкихъ шапкахъ желтый, но на кисточкѣ красный. Это имѣетъ историческое и религіозное основаніе. Извѣстно, что въ XIV вѣкѣ Цзонхова (побольшедербетовски Зункова), реформаторъ буддизма, положилъ начало сектѣ желтошапочниковъ „—шара махалата", къ которымъ принадлежатъ и наши калмыки. Красная кисточка означаетъ, что простой народъ недостаточно постигъ ученіе своей секты. На семъ основаніи манжики носятъ красныя шапочки съ желтой кисточкой. Высшіе хувараки носятъ шапки хотя и желтаго цвѣта, но съ красной кисточкой, въ знакъ смиреннаго сознанія, что они, несмотря на свою ученость, все таки не вполнѣ понимаютъ глубокія истины буддійскаго ученія. Во время религіозныхъ процессій калмыки являлись дѣйствующими лицами, носятъ особаго рода шапки, извѣстныя подъ общимъ именемъ „данжикъ". Самою распространенною формою данжика служитъ вѣнецъ съ пятью бумажными дощечками, на которыхъ изображены пять бурхановъ: 1) Бирузана съ тѣломъ синяго цвѣта, 2) Акшобья—бѣлаго цвѣта, 3) Ратна-санбава—желтаго цвѣта, 4) Абида—краснаго цвѣта, 5) Амогосидда—зеленаго цвѣта. Другою заурядною формою данжика является колпакъ конической формы съ загибомъ на макушкѣ въ видѣ крючка. Онъ дѣлается изъ таго сукна безъ всякихъ украшеній и рисунковъ. Данжикъ бываетъ и металлическій, но въ такомъ случаѣ ему придаютъ форму или овальную съ двумя рогами, или коническую, или шестигранную, и называется еще „джатакъ". Наконецъ „данжикъ" принимаетъ форму татарской тюбетейки съ султаномъ изъ конскихъ волосъ на макушкѣ. Тогда онъ имѣетъ и особое названіе „чжадбонъ*. Тюбетейка, которая служитъ основаніемъ чжодбона, шьется изъ черной парчи и покрываетъ макушку головы. Поверхъ тюбетейки нашивается пучекъ конскаго волоса. Этотъ пучекъ въ трехъ мѣстахъ обхватывается кольцами изъ глазета и заканчивается шарикомъ, а поэтому принимаетъ стоячее положеніе, почти отвѣсное по отношенію къ головѣ. Къ тюбетейкѣ около затылка пришивается другой пучекъ изъ черныхъ нитокъ, которыя спускаются въ видѣ трехъ распущенныхъ косъ: одна назадъ, а двѣ на грудь чрезъ плечи. Джодбонъ привязывается двумя лентами, которыя пришиваются къ нему по бокамъ около ушей.

Нижняя одежда общая у всѣхъ калмыковъ безъ различія есть „киликъ", т. е., рубашка, только она больше похожа на женскую кофту безъ пуговицъ, чѣмъ на рубашку. Киликъ шьется изъ бѣлой матеріи будетъ ли то коленкоръ, или холстъ, или тивтикъ. Богатые носятъ киликъ, расшитый узорами по подолу и полы его затыкаютъ за поясъ, которымъ они подпоясываются собственно для этой цѣли. Киликъ носятъ и хувараки, но у нихъ онъ называется „цатба". Всѣ калмыки мужчины и женщины изъ мирянъ надѣваютъ на ноги „шалбуръ" или штаны. Они обыкновенно шьются изъ синей матеріи: кумачу, нанки, сукна и т. п. Если они имѣютъ ременный поясъ, то называются „дотонджи". Зимніе штаны шьются изъ овчинъ и извѣстны подъ именемъ „ярыка". Хувараки ходятъ безъ штановъ. Вмѣсто ихъ они надѣваютъ „бандзалъ". Это родъ женской юбки или русскаго сарафана изъ синей матеріи. На ноги калмыки всѣ безъ изъятія обуваютъ „госунь" или сапоги. Они приготовляются для калмыковъ изъ черной кожи, а для калмычекъ и хувараковъ изъ красной. Калмыцкіе сапоги отличаются отъ русскихъ. Задники у нихъ бываютъ мягкіе, а каблуки двойные: одинъ каблукъ, какъ у насъ, подбивается снаружи гвоздями съ подковкой, другой устраивается въ срединѣ сапога и оканчивается на высотѣ закаблучья. Шьютъ сапоги женщины жилами разныхъ животныхъ, а потому они отличаются необыкновенною прочностію. Сапоги шьются безъ калошъ. Сапоги носятъ, обувши ноги предварительно въ шерстяные или мѣховые чулки—„ӧмӧсӧнъ" или въ холщевые онучи—„цугла". Вмѣсто этого калмыцкая молодежь надѣваетъ и русскіе чулки, изъ цыганъ—йасынъ. Калмычка, перешедшая отроческій возрастъ, не довольствуется киликомъ, который при широтѣ своего ворота легко обнажаетъ грудь, и надѣваетъ еще особый корсетъ, весьма похожій на нашу жилетку, такъ называемый „хаядукчи-киликъ" (двойная или вторая рубашка) Эта рубашка придаетъ корпусу талію и въ то же время сглаживаетъ есте-

ственныя выпуклости грудей, вслѣдствіе чего грудь калмычки кажется плоскою и ровною. Сверхъ жилета дѣвица надѣваетъ „берзе" или „бизи". Такъ называется дѣвичьеплатье съ длинными рукавами. Рукава заканчиваются обшлагами и пришиваются къ фуфайкѣ только наполовину, такъ что отъ плечъ до локтя они остаются несшитыми и имѣютъ отверстіе или прорѣху, чрезъ которую виднѣются рукава нижней рубашки. Женское верхнее платье составляетъ „кутцыкъ" въ родѣ капота русскихъ женщинъ, но безъ рукавовъ и съ разрѣзомъ на груди до пояса, и застегивается пуговицами изъ коралловъ. Пуговицы бываютъ краснаго цвѣта и имѣютъ овальную форму. Вмѣсто петель служатъ ремешки тщательной работы. Верхняя пола сей одежды по груди вышивается различными узорами, сообразно со вкусомъ обладательницы кутцыка. Надѣвъ такое платье, калмычка подпоясывается суконнымъ или изъ другой матеріи кушачкомъ, обшитымъ мишурнымъ глазетомъ или галуномъ серебристаго цвѣта. Кутцыкъ же по большей части бываетъ изъ краснаго кумача. За кушачекъ съ лѣвой стороны засовывается однимъ угломъ носовой платокъ—„алчуръ", ибо платье калмычки шьется безъ кармана. Кольца—„бильвцикъ" дополняютъ нарядъ дѣвицъ, которыя носятъ ихъ на мизинцахъ и не болѣе четырехъ; нѣкоторыя изъ нихъ надѣваютъ браслетъ—„бугу". съ выходомъ дѣвицы замужъ нарядъ ея измѣняется. Само собою разумѣется, что ревнивый жилетъ бросается, кольца съ мизинца переходятъ на безъимянный палецъ, берзе замѣняется „перликомъ", но шапочка—„холвынъ махлай", какъ единственное воспоминаніе дѣвичества, остается до перваго ребенка. Терликъ похожъ на берзе, но только съ тѣмъ отличіемъ, что воротникъ его выше, и рукава его сшиваютъ во всю длину. Если терикъ имѣетъ карманъ, то онъ называется просто „хубуцунъ" (одежда). Его носятъ старухи. Впрочемъ старухи надѣваютъ и другую одежду—„лапишкъ". Лапишкъ весьма похожъ на халатъ и шьется изъ краснаго или синяго кумачу. Если лапшикъ бываетъ сшитъ изъ синяго сукна, то онъ называется „юрмче". Какъ лабшикъ, такъ и юрмче не имѣютъ пуговицъ, а поэтому запахиваются кушакомъ. Точно такого же приготовленія, какъ и красный халатъ, есть одежда у хувараковъ. Эта одежда извѣстна подъ именемъ „номту дебель" или просто „дебель" Дебель они надѣваютъ поверхъ курмы (родъ женской кофты съ длинными рукавами) и подпоясываются поясомъ въ

видѣ узкаго и длиннаго полотенца изъ краснаго кумачу. Обыкновенная русская шуба или мѣховой тулупъ называется „дебень". Верхнюю одежду для мущинъ составляетъ „бешметъ" или „бюшмютъ", который весьма походитъ на русскій казакинъ однобортный и шьется изъ синей нанки. Онъ застегивается на груди петельками на маленькія пуговки. Петельки и пуговки дѣлаются изъ матеріи. Праздничный бешметъ шьется изъ какой либо цѣнной матеріи и бываетъ различнаго цвѣта, а иногда имѣетъ вставную грудь вмѣсто русской манишки или крахмальной рубашки. Бешметъ стягивается у таліи ремнемъ съ серебряными или металлическими насѣчками. Ремень или „суръ" цѣнится весьма дорого, такъ какъ приготовляется не здѣсь, а привозится армянами съ Кавказа. Вслѣдствіе сего калмыки его берегутъ, и онъ переходитъ изъ рода въ родъ; отецъ передаетъ старшему сыну и такъ далѣе. Суру придается весьма важное значеніе. Безъ него нельзя стоять предъ старшими себя, какъ то: предъ отцомъ, матерью, теткой, дядей, найономъ, заисангомъ и т. п.; застать калмыка безъ пояса то же, что у насъ застать безъ халата. Почти у каждаго калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга круглой формы, а женщины носятъ серьги, которыя имѣютъ форму равносторонняго треугольника. Зимой калмыки носятъ „яргакъ" двухбортный изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ. Хувараки, должны имѣть „занчи"—мантію разныхъ цвѣтовъ; кромѣ описанныхъ одеждъ, и бакши преимущественно „цабари" или мѣшечекъ квадратной формы, для храненія аршана (освященной воды) во фляжкѣ; „гунъ-тукъ" т. е., небольшую книжку, которая носится за пазухой для того, чтобы благословлять. Калмыки всѣхъ сословій безъ различія пола на шеѣ носятъ „бу". Такъ называется кожаная сумочка на шнуркѣ; въ ней зашиты лепестки бумажки съ таинственными изображеніями и молитвами и металлическое изображеніе какого-либо бурхана. Калмыки во время пути надѣваютъ бу поверхъ всѣхъ одеждъ и притомъ такъ, что бу виситъ на спинѣ, а не на груди. При жреческомъ служеніи высшіе хувараки поверхъ обычныхъ одеждъ перекидываютъ чрезъ правое плечо, „оркомдони" и завязываютъ его при лѣвомъ бедрѣ. Оркомдони походитъ на длинное и узкое полотенце и бываетъ различнаго цвѣта. Гелюнги носятъ оркомдони больше краснаго цвѣта, а бакши—свѣтложелтаго цвѣта. При докшитскомъ служеніи гелюнги поверхъ житейскихъ своихъ одеждъ надѣваютъ: 1) на

чресла „тангу-малъ“ или „мадъикъ“ въ родѣ женской юбки и сарафана изъ разноцвѣтной парчи съ различными полосами гантовъ, а иногда и съ бахрамой по подолу; на плечи „эринге“ или „дойкъ“, т. е., кофту безъ рукавовъ въ родѣ дамской пелеринки съ пятью разноцвѣтными фестонами—синимъ, бѣлымъ, краснымъ, желтымъ и зеленымъ; на голову „чжодбонъ“ или „данжикъ“, уже извѣстный намъ подпоясывается „гарько“ или свѣтложелтымъ поясомъ въ родѣ крестьянскаго кушака. Во время праздника „Окинь-тенгри“ калмыки-простолюдины были одѣты въ шутовскія одежды. Тотъ, который велъ священнаго коня подъ уздцы, былъ одѣтъ въ „памятникъ“, т. е. разноцвѣтный женскій капотъ съ широкимъ воротомъ: сшитъ онъ былъ изъ тончайшей матеріи и безъ разрѣза напереди. Калмыкъ, который держалъ коня за хвостъ, быъ одѣтъ въ „лагу“. Лагу совершенно тождественъ съ одѣяніемъ нашихъ клоуновъ. Остальные восемь калмыковъ были одѣты въ рыцарскіе доспѣхи. На нихъ можно было встрѣтить и латы, и шлемы, и колчаны, и кольчуги и пожарныя каски, и ружья, и пр., и пр., Есть у калмыковъ и служебныя одежды. Владѣлецъ, зайсанги и заргачи (судьи) при отправленіи своихъ обязанностей надѣваютъ на голову обыкновенную чиновничью фуражку съ кокардой вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, на туловище кафтанъ въ видѣ бешмета, на ноги брюки съ кантомъ указаннаго министерства и сапоги съ лакированными голенищами Всѣ эти одежды называются именами соотвѣтствующихъ имъ житейскихъ одеждъ, съ которыми ~~они~~ они имѣютъ большее сходство, съ прибавленіемъ слова: „йехе“ (великій), такъ напримѣръ фуражка называется „йехе махлай“, кафтанъ—„йехе бешметъ“, брюки „йехе шамбуръ“, сапоги“, „йехе гасунъ“, крещеные калмыки въ своемъ одѣяніи ничѣмъ не отличаются отъ своихъ некрещеныхъ собратій, особенно крѣпко держатся старины женщины. Мужчины начинаютъ носить русскія рубахи, русскіе штаны, русскіе шапки, русскіе сапоги, русскіе кафтаны и тому подобное. Дѣти по прежнему бѣгаютъ нагишомъ, а если одѣваются, то больше по русски. Пищу калмыковъ можно раздѣлить на молочную и мясную на постную и скоромную. Калмыки содержатъ „мацакъ“ (постъ) три раза въ мѣсяцъ: 8, 15 и 29 или 30 дня. Въ нихъ, по буддійской каноникѣ, не полагается ѣсть ничего мяснаго, особенно конины, ничего опьяняющаго или хмѣльного. Во дни

мацака набожные калмыки питаются одною молочною пищею, что и составляетъ тѣлесный постъ. Болѣе религіозные, такъ сказать ревнители ламаизма даже и этой пищи не употребляютъ, впрочемъ только до вечера, и такимъ образомъ соблюдаютъ абсолютный постъ. Слѣдовательно, молочная пища, по мнѣнію калмыковъ, есть пища постная, а мясная—скоромная. Молочная пища получается изъ молока коровьяго, овечьяго, или кобыльяго. Коровъ калмычки доятъ по нѣскольку разъ въ день. Коровѣ онѣ не обмываютъ вымя, а припускаютъ теленка и, лишь только теленокъ немного пососетъ, отогнавши его, начинаютъ доить. Точно такимъ же образомъ калмычки доятъ и кобылъ, а также и овецъ. Свѣжее коровье молоко, по-калмыцки юкюрійнъ-юсюнъ и кобылье молоко—гююнъ-юсюнъ рѣдко употребляются въ нормальномъ видѣ, а большею частію уже въ переработанномъ. Только что сдоенное молоко калмычки вливаютъ въ кожаные мѣшки (архытъ) и оставляютъ его въ нихъ на день и болѣе. Послѣ сего изъ коровьяго молока чрезъ закисаніе и броженіе получается „арьянъ“ (кумысъ), а изъ кобыльяго—„чиганъ“ (кумысъ). Арьянъ и чиганъ калмыки употребляютъ, какъ пищу, или же копятъ для выкуриванія калмыцкой водки, извѣстной подъ именемъ „арака“, лии „арке (и)“, или „рака“. Для сего берутъ два равныхъ котла: одинъ ставятъ на таганъ, а другой въ корыто съ водой или снѣгомъ; въ первый наливаютъ чиганъ съ арьяномъ, а другой остается пустымъ. Оба котла накрываются деревянными крышками съ дырочками и соединяются между собою чрезъ среднія отверстія крышекъ при посредствѣ деревянной трубки. Затѣмъ всѣ отверстія замазываются особымъ составомъ изъ глины или конскаго или коровьяго помета, за исключеніемъ двухъ дырочекъ на обоихъ крышкахъ, и тотчасъ же разводятъ сильный огонь. Лишь только покажется синій огонекъ изъ кипящаго котла, замазываютъ и эти дырочки. Часа черезъ $1\frac{1}{2}$ почти вся жидкость изъ одного котла перейдетъ въ другой. Она имѣетъ цвѣтъ обыкновенной хлѣбной водки и имѣетъ 20° по гигрометру или спиртометру С. Потребители калмыцкой водки, если упьются, чувствуютъ сильную боль въ головѣ на другой день и даже на третій. Въ это время они ходятъ, какъ угорѣлые. Вотъ какъ сильно дѣйствуетъ на организмъ человѣка калмыцкая водка! Не смотря на ея разрушительное дѣйствіе, калмыки всѣ безъ различія большіе любите-

ли ея. Выкуриванiе водки прiятно для нихъ. Не успѣла водка остынуть, а потребителей ея собралось много—чуть не со всего хотона. Ибо каждый хозяинъ въ день, назначенный для выкуриванія, приглашаетъ своихъ однохотонцевъ къ себѣ въ гости. Въ свою очередь и самъ надѣется быть приглашеннымъ на попойку соблазнительной влаги. Но вотъ водка готова. Хозяйка беретъ „шанга" и наливаетъ каждому присутствующему въ его „ā̄гу", начиная со старшаго и соблюдая строгое чиноначалiе. Само собою разумѣется, что первая чашка водки приносится въ жертву бурханамъ, для чего она ставится въ особой чашечкѣ на большой баранъ. Какъ бы много водки ни было, гости пьютъ до послѣдней капли. Пьютъ старики, пьютъ мущины, пьютъ старухи, пьютъ женщины, пьютъ дѣвицы, пьютъ ребятишки, пьютъ всѣ безъ изъятія. Калмыки такъ привыкли къ водкѣ, что всѣ молочные продукты стараются обращать въ нее. Вторично перегнанная „арака" называется „арза" и даетъ уже болѣе крѣпкую водку въ 40°. Если арзу перегнать, то выйдетъ уже настоящій спиртъ въ 60°—„хорзо". Если и хорзо перегнать, то получится „хорунъ", что въ переводѣ значитъ двойной, т, е., двойной спиртъ—почти настоящій ядъ. Послѣдняго калмыки не употребляютъ, а держатъ, какъ отраву. При выкуриванiи арки, а тѣмъ болѣе арзы, остается густая жижа, называемая калмыками „бозо" или „буза" (брага). Они ее не бросаютъ, но употребляютъ различнымъ образомъ: если смѣшать бозо съ прѣснымъ молокомъ, то получается „семдыкъ" въ родѣ жидкой кашицы, которою питаются дѣти; если бозо смѣшать съ кислымъ молокомъ, то получится „тӧлӧнъ"; если въ бозо налить холоднаго прѣснаго молока, то часа черезъ 4 наверхъ всплывутъ кусочки масла въ видѣ пѣнки, что и называется „маханъ сендыкъ" (мясной сендыкъ); въ чистомъ видѣ бозо употребляется для выдѣлки кожъ и мерлушекъ; наконецъ, изъ бозо приговляется „куртъ-хурсунъ" или сыръ. Для сего бозо вливается въ архыты и подвергается броженiю. Чрезъ нѣсколько дней бозо твердѣетъ и тогда получается бѣловатое тѣсто, которое разрѣзаютъ на куски и сушатъ на солнцѣ. Вотъ куртъ-хурсунъ и готовъ. Съ виду онъ сѣрожелтоватъ, а на вкусъ киселъ. Это, нужно сказать, самое полезное кушанье, приготовляемое изъ молока. Куртъ-хурсунъ лѣтомъ въ дорогѣ незамѣнимъ: онъ утоляетъ голодъ и жажду въ пустынныхъ и

безводныхъ мѣстахъ и не портится отъ жары солнечной. Калмыки заготовляютъ его на зиму тѣмъ болѣе, что онъ не гнiетъ въ засушенномъ видѣ. Въ такомъ случаѣ кусочкамъ сыра придаютъ овальную форму и меньше дѣлаютъ по объему. Такой сыръ называется „шуйрмыкъ". Если въ свѣжее молоко бросить немного бозо и затѣмъ подвергнуть молоко нагрѣванiю на слабомъ огнѣ, то скоро на поверхности молока образуется пѣнка „ӧрӧмӧ", если снять, то получится „икишлингъ-ӧрӧмъ", или кислая сметана; но калмыцкая сметана отличается отъ русской тѣмъ, что въ ней содержатся масляныя вещества уже въ топленомъ видѣ. Её калмычки мѣшаютъ палкой или мутовкой до тѣхъ поръ, пока не получится топленое масло—„тосонъ". Изъ овечьяго молока приготовляется сладковатый сыръ—„ӧйзге", который приготовляется, какъ и куртъ-хурсунъ, но имѣетъ форму небольшихъ шариковъ. Изъ арьяна выдѣлывается новый сыръ „кююрцюкъ", однородный съ шуйртыкомъ. Изъ молочныхъ продуктовъ съ примѣсью муки калмычки приготовляютъ: 1) буданъ, 2) бултукъ, 3) борцукъ, 4) мошкоморъ, 5) хамхытъ-боорцукъ и 6) будунгъ. Буданъ это похлебка, приготовленная изъ ржаной муки и шуйрмука на соленой водѣ. Смѣсь эту болтаютъ и варятъ обыкновеннымъ образомъ. Булмукъ печется изъ тѣста съ примѣсью калмыцкаго масла или въ видѣ небольшихъ, но толстыхъ лепешекъ. Боорцукъ то-же лепешки, приготовленныя изъ ржаного или пшеничнаго тѣста и смѣшанныя съ бараньимъ саломъ. Мошкоморъ походитъ по формѣ на наши макароны, а по вкусу на „хворосты". Мошкоморъ приготовляется изъ пшеничной муки и овечьяго сыра и жарится на бараньемъ салѣ. Хаенхытъ-боорцукъ стряпается въ родѣ оладiй. Будингъ есть особаго вида лепешки, приготовленныя изъ пшеничной муки съ медомъ на коровьемъ маслѣ. Изъ одной муки приготовляются „булсунгъ гуюръ" (лепешки) и „цельсекъ" (блины), а нѣкоторыя пекутъ и хлѣбъ—„ӧдӧмӧкъ".

Мясная или скоромная пища приготовляется изъ мяса домашнихъ животныхъ, дикихъ звѣрей и птицъ. Мясо у калмыковъ носитъ различныя названiя: „юкюрiйнъ—маханъ" (говядина), „мӧрини маханъ" (кобылятина), „хō̄ни маханъ" (баранина) „гахайн маханъ" (свинина), „таканъ махā̄нъ" (курятина), „гунгiйнъ маханъ" (гусятина), „нугусуни маханъ" (утятина), короче говоря, къ „слову маханъ" прибавляется родо-

ое (понятіе) имя въ родительномъ подежѣ того животнаго котораго мясо хотятъ обозначить. Калмыки большіе охотники до всякаго мяса. Они ѣдятъ даже мясо дикихъ звѣрей,—въ родѣ волчьяго. Извѣстно также, что калмыки ѣдятъ падаль, т. е., дохлую скотину. Тѣмъ не менѣе калмыки не любятъ рѣзать здороваго скота безъ нужды: это считается у нихъ неразумнымъ. Калмыкъ, обыкновенно, колетъ то животное. которое начинаетъ хворать или уже очень устарѣло. Если онъ рѣжетъ животное, то старается не выпускать изъ него всей крови, увѣряя, что безъ крови мясо и не вкусно, и непитательно. Поэтому калмыкъ, какъ только оглушитъ животное, распарываетъ ему животъ такъ, чтобы просунуть свою руку прямо къ сердцу оглушеннаго до смерти животнаго, и давитъ сердце до тѣхъ поръ, пока животное не издохнетъ и не остынетъ. Послѣ сего снимается шкура, и маханъ распластывается по частямъ. Мясо калмыки варятъ по большей части въ простой водѣ и безъ соли. Воды льется столько, чтобы она закрыло мясо, положенное въ котелъ для варки. Мясо никогда не переваривается: покипитъ немного и кушанье готово. Тотчасъ же мясо вынимается и крошится на куски. Каждому подается свой кусокъ, начиная съ главы семейства; первый кусокъ приносится въ жертву бурханамъ. Оставшійся бульонъ называется „шулюмъ“ и съѣдается уже послѣ всего. Онъ бываетъ весьма жиренъ. Его калмыки не хлебаютъ, а пьютъ изъ своихъ чашекъ, какъ напитокъ. Иногда же мясо жарится: въ такомъ случаѣ оно предварительно разрѣзывается на мелкіе кусочки и потомъ уже обжаривается въ бараньемъ салѣ на сковородѣ. Хотя оно бываетъ несолено, но его можно ѣсть и русскому человѣку. Мнѣ пришлось ѣсть его безъ хлѣба въ Öргöкинскомъ хурулѣ. Когда мяса бываетъ много, то калмыки заготовляютъ его для зимы слѣдующимъ способомъ. Калмыки, отдѣливъ мясо отъ костей и жилъ, разрѣзаютъ его на тонкія, но длинныя ленты, обмакиваютъ въ капятокъ пресыщенный солью, и сушатъ на солнцѣ или же вялятъ на вѣтрѣ. Лучшія части мяса въ родѣ грудинки, подреберья и вымя онѣ сверхъ того коптятъ въ густомъ дымѣ. Но самымъ лучшимъ мяснымъ кушаньемъ считается барашекъ, разваренный цѣликомъ въ арьянѣ въ моментъ выкуриванія арки. Точно такимъ же способомъ въ торжественныхъ случаяхъ приготовляется цѣлый теленокъ или жеребенокъ. Нѣкоторые калмыки изъ

цаганъ—йасынъ изъ мяса готовятъ русскія щи—„хабстани шöлöнъ“. Они же изъ мяса приготовляютъ разнаго рода колбасу. Всѣ виды колбасы готовятъ на одинъ манеръ мясо крошатъ, какъ можне мельче; поджариваютъ съ кусочками сала и жира, набиваютъ ими кишки животныхъ, варятъ въ салѣ, коптятъ и вялятъ. Лучшая колбаса, по увѣренію калмыковъ, получается изъ мяса дикихъ кабановъ, а также изъ мяса домашнихъ свиней и овечьихъ кюрдюковъ. Универасальною пищею калмыка служитъ калмыцкій чай, именуемый калмыками „цяй“. Калмыцкій чай дѣлается въ Китаѣ изъ чайныхъ листьевъ нисшаго сорта въ видѣ продолговатыхъ четырехгранныхъ дощечекъ около $^1/_2$ аршина въ длину, около $^1/_4$ аршина въ ширину и въ $^1/_2$ вершка въ толщину. Калмыки покупаютъ чай у торговцевъ, платя за каждую плитку по 2 рубля. Для приготовленія чая плитки скоблятся и получается чайный порошекъ. Чай варится въ соленой водѣ съ молокомъ. Чай въ настоящее время широко распространяется все болѣе и болѣе. Большинство питается исключительно однимъ чаемъ. Калмыки пьютъ его два раза въ день: утромъ и вечеромъ, а иногда и больше того. Чай калмыку замѣняетъ пищу и питье. Иб онъ, наздобленный молокомъ и масломъ, весьма питателенъ, тѣмъ болѣе, что калмыки пьютъ его съ сухарями изъ бѣлаго или чернаго хлѣба; въ то же время онъ, какъ жидкость, утоляетъ жажду. Богачи для запаха и вкуса варятъ чай съ мускатнымъ орѣхомъ, который придаетъ чаю ароматный запахъ и пріятный вкусъ. Сухари они покупаютъ у русскихъ. Присмотрѣвшись пристально къ калмыцкимъ кушаньямъ, приходится заключить что калмыки Большедербетовскаго улуса почти такъ же ѣдятъ и пьютъ, какъ водни Чингисхана. Цивилизація весьма туго къ нимъ прививается. Впрочемъ крещеные калмыки и калмыцкая аристократія значительно подвинулись впередъ. У крещеныхъ калмыковъ можно видѣть русскій хлѣбъ (ӧдӧмӧкъ), русскія щи (хабстани—шӧлӧнъ), русскую кашу (саксā) и т. п.

Нѣкоторые изъ крещеныхъ калмычекъ точно такимъ же образомъ настаиваютъ сливки и сметану, какъ и русскія женщины поэтому у нихъ масло получается сначала чухонско е, потомъ уже топленое; бываетъ также и сливочное масло. У нойона Гахаева и зайсанга Лапинова русскій посѣтитель Большедербетовскаго улуса можетъ встрѣтить кушанья чисто европейскія, приготовленныя на европейскій ладъ.

Обычную пищу хуваракови составляетъ чай и кумысъ. Утромъ, лишь только взойдетъ солнце на горизонтъ, раздается бой въ „харанга“ (барабанъ), хувараки спѣшатъ въ хурулъ. Сдѣлавъ обычное хожденіе вокругъ хурула, начинаютъ пить калмыцкій чай. Каждый пьетъ столько, сколько душѣ его угодно. Послѣ чаепитія нѣсколько помолятся и расходятся по своимъ домамъ. Въ полдень на барабанный бой тоже въ хурулъ и на этотъ разъ пьютъ уже кумысъ. Вечеромъ пьютъ калмыцкій чай. На слѣдующій день та же процедура. Итакъ изо дня въ день. Въ праздничные дни хуваракамъ въ полдень подается вареное мясо и арака. Вотъ напримѣръ, какъ происходилъ обѣдъ въ первый день праздника „Окинъ—тангри“, который въ нынѣшнемъ 1892 году былъ 20-го іюля. Первѣе всего подали по куску вареннаго мяса, но безъ соли; затѣмъ по чаркѣ калмыцкой водкѣ и наконецъ началось угощеніе чаемъ съ баранками или кренделями изъ пшеничной муки 2-го сорта. Въ качествѣ, такъ сказать, дессерта было пожертвовано каждому присутствующему по 15 копѣекъ серебреной монетой. Такимъ образомъ открывается, что хувараки вовсе не употребляютъ хлѣба. Многіе изъ нихъ мнѣ говорили, что они съ бо́льшею пріятностію ѣдятъ пищу безъ хлѣба, чѣмъ съ хлѣбомъ.

Среди калмыковъ Большедербетовскаго улуса сильно развито гостепріимство, и отсюда вытекающія дружелюбіе и общительность. Гостепріимный и радушный пріемъ можно встрѣтить въ каждой кибиткѣ. Всякаго посѣтителя ласковый хозяинъ старается угостить кумысомъ или калмыцкимъ чаемъ. Если гость остается на день или болѣе, то гостепріимный хозяинъ спѣшитъ заколоть хорошаго барана, котораго часа черезъ два или три уже подаютъ кушать. Ибо калмки весьма проворно рѣжутъ животныхъ, не менѣе проворно калмычки жарятъ или варятъ мясо. Во имя того же гостепріимства калмыки съ большою охотою отвѣчаютъ на всѣ распросы, лишь бы чрезъ это сдѣлать пріятное гостю; все показываютъ и разсказываютъ, какъ знаютъ, лишь бы гость остался доволенъ и не скучалъ. Равнымъ образомъ другъ къ другу они относятся весьма дружелюбно и всячески стараются помогать нуждающимся изъ своей братіи. По каковой причинѣ среди калмыковъ вовсе нѣтъ нищихъ въ родѣ нашихъ попрошаекъ. Ибо каждый калмыкъ, по чему либо обѣднѣвшій, всегда найдетъ

поддержку. Нечего ему ѣсть, бѣднякъ входитъ въ любую кибитку и располагается въ ней, какъ членъ семьи. Если пьютъ чай, то и онъ получаетъ должную часть; если ѣдятъ маханъ, то и ему дадутъ лакомый кусокъ, какъ гостю. Иногда даже нарочито калмыкъ созываетъ своихъ сосѣдей, если у него много водки или по чему либо онъ убилъ скотинину. Всѣ присутствующіе, какъ гости, съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ угощаются всѣмъ, что есть съѣдобнаго. Хозяйка калмыка старается ублаготворить своихъ гостей всемъ, что только у ней есть съѣдобное и лакомое. Гости, изрядно покушавъ, расходятся по своимъ кибиткамъ, не считая долгомъ поблагодарить хозяевъ за гостепріимство, какъ бы онъ кушалъ свое или должное. Точно такимъ же гостепріимствомъ отличаются и хувараки. Я во всѣхъ хурулахъ встрѣтилъ радушный пріемъ. Безъ всякаго стѣсненія мнѣ показывали хурулъ, кибитки и все, что меня интересовало; хотя я иногда пріѣзжалъ въ то время, когда хурулъ былъ уже запертъ. Услужливые манжики и гецюли, по моей просьбѣ, играли на музыкальныхъ инструментахъ, а гелюнги разсказывали объ употребленіи священныхъ вещей и предметовъ, какъ знали. Жаль, что большинство изъ нихъ оказались малосвѣдующими по своей спеціальности. Главный бакша Санжи Ивановъ, узнавъ, что я остановился въ его хурулѣ у гелюнга Батыря, на другой же день пригласилъ меня къ себѣ пить чай. И съ тѣхъ поръ во все время моего пребыванія въ Лапинскомъ хурулѣ я ежедневно встрѣчалъ радушный пріемъ у бакши. Желая оказать свое радушіе, бакша велѣлъ достать кофе, кофейникъ, спиртуозку, сухари и прочее. Но такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ, какъ приготовляется кофе, то пришлось мнѣ предварительно научить гецюля, прислуживавшаго при бакшѣ, и потомъ уже кушать. Замѣтивъ мое любопытство къ его помѣщенію, бакша показалъ всѣ свои драгоцѣнности и подарки, которые ему были поднесены въ разное время его почитателями. Во имя своего задушевнаго гостепріимства онъ показалъ всѣ свои рукописныя книги и записки. Во время праздника „Окинъ—тенгри“ бакша отвелъ мнѣ почетное мѣсто въ хурулѣ, такъ что я съ большимъ удобствомъ могъ наблюдать за ходомъ религіознаго празднества. Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ бакши проглядывало желаніе, чтобы я остался доволенъ гостепріимствомъ.

Также сильно среди калмыковъ укоренилась любопытство и любознательность. Не успѣли мы пріѣхать въ Князгемихаиловскій поселокъ, явились чуть не всѣ калмыки поселка и начались распросы: кто пріѣхалъ, зачѣмъ и т. п. Та же процедура повторялась, когда приходилось заѣзжать въ хотонъ и въ хурулъ; даже на по товой станціи, если была задержка въ лошадяхъ, не оставляли въ покоѣ своими распросами калмыки ближайшаго хотопа. Интересовались калмыки всемъ или, лучше сказать, тѣмъ, что слушаютъ чужую рѣчь. Говори имъ, о чемъ хочешь, они съ любопытствомъ и вниманіемъ будутъ слушать, хотя, быть можетъ, и половину иного не поймутъ. Наскучитъ иногда говорить, но калмыки не скучаютъ, такъ что скорѣе можетъ притупиться вниманіе разсказщика, чѣмъ вниманіе слушающихъ. Калмыки будутъ стоять и слушать до тѣхъ поръ, пока слышатъ рѣчь. Бывало, едва на время замолчишь, какъ они снова заставляютъ говорить, предлагая новые вопросы. Особенно всѣхъ ихъ интересовало описаніе академіи и обученія въ ней. Имъ было любопытно и пріятно слышать, когда читались молитвы на калмыцкомъ языкѣ. У нѣкоторыхъ зайсанговъ и гелюнговъ приходилось встрѣчать калмыцкое Евангеліе перевода Шмидта, или Позднѣева. Только всѣ они увѣряли, что Евангеліе написано не совсѣмъ точнымъ калмыцкомъ языкомъ, котораго они не понимаютъ, потому что встрѣчается много оборотовъ и словъ рѣчи, въ живомъ разговорномъ языкѣ не употребительныхъ. Поэтому они неоднократно высказывали желаніе, чтобы съ теченіемъ времени появилось Евангеліе на чистомъ народномъ языкѣ. Еще сильнѣе калмыки выражали свое удовольствіе, если имъ приходилось слышать русскаго, говорящаго по калмыцки. Пристрастія къ любопытству и любознательности не могли скрыть и хувараки, хотя нѣкоторые изъ нихъ старались казаться равнодушными къ моимъ разсказамъ о русскомъ житьѣ-бытьѣ. Главный бакша былъ такъ любопытенъ, что выразилъ желаніе познакомиться съ православнымъ богослуженіемъ, съ со столичною и городскою жизнью и съ нѣкоторыми науками.

Обвиняютъ калмыковъ въ огульномъ воровствѣ, но это нужно понимать относительно. Дѣйствительно, калмыки склонны къ конорадству и скотократству, но отнюдь не къ похищенію вещей. Въ хотонѣ никогда не случалось, чтобы калмыкъ у калмыка укралъ какую-либо вещь. Равнымъ образомъ проѣзжающіе по калмыцкой степи могутъ быть вполнѣ спокойны относительно своего багажа. Калмыкъ—извощикъ въ цѣлости переложитъ съ одного тарантаса на другой, хотя бы тутъ были мелкія вещи, которыя легко утаить. Если случится оставить на ночлегѣ у калмыка вещь, то калмыкъ постарается возвратить по принадлежности, хотя бы ему для этого пришлось догонять на нѣсколько верстъ. По крайней мѣрѣ мнѣ былъ представленъ ножикъ за 12 верстъ. Поэтому въ степи нѣтъ замковъ и все хранится просто. Если же калмыки и по нынѣшніе дни любятъ угонять скотъ и лошадей, то дѣлаютъ это по двумъ причинамъ: 1) чтобы показать свою удаль или 2) чтобы избавиться отъ голодной смерти. Часто случается, что удалая молодежь въ свободный день отправляется въ ближайшій хотонъ и тамъ у пастуха—ротозѣя угоняетъ скотъ, за что тотъ долженъ сдѣлать имъ приличное угощеніе, если желаетъ получить свой скотъ. Такіе отгоны иногда бываютъ по взаимному согласію. Есть даже особая калмыцкая игра—„сāха кюргюю“ (брать дойныхъ коровъ), гдѣ требуется умѣнье потихоньку пробраться въ чужой хотонъ и удалиться оттуда незамѣченнымъ. Эта игра состоитъ въ томъ, что ночью нужно загнать дойныхъ коровъ или овецъ въ стадо своего партнера такъ, чтобы тотъ не услышалъ. Если калмыку удалось это устроить, то онъ на слѣдующій день угоняетъ своихъ и часть чужихъ животныхъ, за что потомъ получаетъ условленный кушъ. Если же ему не удалось провести своего партнера, то онъ самъ платитъ магарычъ и съ безчестіемъ препровождается въ своей хотонъ, т. е., его привязываютъ къ лошади лицомъ къ хвосту и такъ отправляютъ домой. Въ зимнее время, когда иссякаютъ мелочные продукты, калмыку приходится иль питаться мясомъ. Вотъ тутъ то по недостатку своего мяси онъ отправляется на воровской промыселъ. Въ большинствѣ случаевъ на воровской заработокъ калмыки оправляются цѣлыми партіями. Гдѣ скота много и плохой надзоръ, они отлюняютъ по нѣскольку штукъ, поспѣшно гонятъ въ свой хотонъ, немедленно рѣжутъ и съѣдаютъ, а шкуры изрубаютъ въ куски и закапываютъ въ землю, такъ что, если опоздать на нѣсколько часовъ, то и концевъ не найдешь. Сей привычки или ухватки не оставили и крещеные калмыки. Нерѣдко и они соблазняются даровымъ мясомъ и лакомымъ кушаньемъ. Вслѣдствіе этого замѣчено, что чѣмъ больше голоду, тѣмъ

больше дѣлъ по воровству и угону скота, овецъ и лошадей. Впрочемъ иногда калмыки угоняютъ лошадей изъ пристрастія къ наѣздничеству. Если калмыку приглянулась лошадь, а хозяинъ не продаетъ или проситъ дорого, то калмыкъ постарается угнать. Еще большую наклонность калмыки имѣютъ къ винопитію и къ табакуренію. Табакъ курятъ всѣ безъ исключенія, начиная съ грудныхъ дѣтей и кончая стариками. Еще груднаго ребенка калмычка пріучаетъ къ трубкѣ. По временамъ она даетъ ему трубку вмѣсто соски и тотъ по необходимости долженъ курить, вслѣдствіе чего съ самаго младенчества привыкаетъ къ табакуренію. Семейная трубка почти постоянно дымится. Начинаетъ курить глава семейства, а потомъ трубка обходитъ всѣхъ членовъ семейства по порядку. Калмыкъ не разлучается съ трубкой даже во время верховой ѣзды. Только при отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ и при посѣщеніи хуруловъ онъ на время разстается съ любимой трубкой. Калмыки-простолюдины курятъ махорку различныхъ фабрикантовъ: Дунаева, Семенова и др. аристократія и богатые хувараки курятъ и высшіе сорта табаку и уже не изъ трубки, а изъ мундштука въ видѣ папироски. Всѣ калмыки старожилы увѣряютъ, что они чрезъ табакуреніе спаслись отъ цынги и зубной боли. По ихъ мнѣнію табакокуреніе предохраняетъ отъ гніенія десна и зубы. Для сего нѣкоторые изъ нихъ жуютъ листовую махорку, иные же натираютъ нюхательнымъ табакомъ зубы и десна. Но нюхальщиковъ нѣтъ. Вообще калмыки курятъ съ большимъ удовольствіемъ. Еще съ большимъ удовольствіемъ они пьютъ водку. Винопитіе среди нихъ сильно развито. На приготовленіе водки они истрачиваютъ добрую половину всѣхъ молочныхъ продуктовъ. Хотя пирушки кончались иногда ссорой, дракой и даже убійствомъ подъ вліяніемъ одуряющаго дѣйствія калмыцкой водки, но не смотря на это, калмыкъ не упуститъ ни одного удобнаго случая, чтобы не испить опьяняющей влаги. Въ общей сложности табокуреніе и пьянство сильно подтачиваютъ благосостояніе калмыковъ и обезсиливаютъ ихъ крѣпкій организмъ.

Лѣность и праздность также вліяютъ на ухудшеніе сельскаго хозяйства калмыковъ. Правда, бываютъ моменты въ жизни калмыка, когда у него бываетъ дѣла по горло, но большую часть своей жизни онъ проводитъ въ ничего-недѣланіи. Мнѣ кажется, что табакокуреніе и винопитіе потому и укоренилась, что отъ скуки праздной жизни табакъ и водка являются пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Лѣность такъ обуяла калмыковъ, что они способны пролежать безъ дѣла цѣлый день, хотя иногда не мѣшало бы взглянуть на свой скотъ. Крайняя нужда или ненасытное любопытство заставляетъ ихъ выйти изъ апатичнаго состоянія и оставить свою лѣнь или приняться за дѣло. Если калмыку наскучитъ валяться дома безъ дѣла, то онъ отправляется ходить по хотону, переходя изъ кибитки въ кибитку, гдѣ либо самъ сообщаетъ новости, либо слушаетъ ихъ отъ другихъ. Между тѣмъ у него колодцы неисправны, скотъ нуждается въ лучшемъ пастбищѣ, кибитка требуетъ ремонта, топлива мало, бакчи требуютъ присмотра Лѣность и праздность содѣйствовали развитію среди калмыковъ весьма многихъ пороковъ, каковы: картежная игра, игра въ кости, сутяжничество, вранье, пересуды и прочее т. п. Особенно все это сильно привилось къ хуваракамъ. Большинство изъ нихъ исключительно проводятъ время за игрой въ карты или же шахматы, забывая о своемъ духовномъ просвѣщеніи и образованіи, вслѣдствіе чего они оказываются невѣждами въ своихъ спеціальностяхъ. Картежная игра часто мѣняетъ ихъ взаимныя отношенія. Обыгрывающій питаетъ расположеніе къ обыгрываемому, а обыгрываемый—ненависть и зависть къ своему партнеру. Мѣняется фортуна въ игрѣ, мѣняются взаимныя отношенія. Иногда случается, что игра кончается ссорой и дракой. Во всякомъ случаѣ гелюнгъ отводитъ свою неудачу на манжикахъ. Это смѣкаютъ и отлично знаютъ по опыту манжики. Какъ только они узнали, что ихъ учитель проигрался, то считаютъ лучшее не являться къ нему на глаза. Праздность же наталкиваетъ хувараковъ и на прелюбодѣяніе, котора считается однимъ изъ важныхъ грѣховъ, за что хуваракъ долженъ быть исключенъ изъ состава священной санги (общества) или изъ числа хувараковъ, но оно сильно укоренилось среди нихъ. Если же и не бываетъ по этому дѣлу донесеній, то единственно по тому, что калмыки смотрятъ на прелюбодѣяніе хувараковъ сквозь пальцы и не обращаютъ вниманія на невѣрность своихъ женъ и дочерей. Напротивъ, суевѣрные калмыки нарочито оставляютъ своихъ женъ въ кибиткѣ гелюнговъ, если желаютъ вылѣчить ихъ отъ безплодія. Лѣченіе нерѣдко продолжается по нѣсколько недѣль и результатъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ желательный,

т. е., калмычка изъ безплодной становится многоплодной. Суевѣріе нашло благопріятную почву среди калмыковъ. Вся природа представляется калмыку фантастическимъ міромъ, переполненнымъ различными миѳическими духами; шимнусами, ракшасами, якшасами, гипткюрами, тенгріями, ассуріями и другими, которые или благодѣтельствуютъ человѣку, или же вредятъ ему. Поэтому при всякомъ счастіи или несчастіи калмыки спѣшатъ при помощи дзургачей (гадателей) узнать, отъ какого духа это произошло. Сообразно съ указаніемъ гадателя они такъ и поступаютъ. Бурю, засуху и прочія бѣдствія они надѣются отвратить при помощи дарцоковъ (лоскутковъ матеріи съ іероглифическими изображеніями и таинственными молитвами). Что бы ни сказалъ дзургачи, калмыкъ постарается исполнить. Мнѣ разсказывали, что одинъ дзургачи подъ пьяную руку сказалъ калмыку, у котораго палъ скотъ, чтобы онъ зарѣзалъ бѣлую лошадь и сжегъ кости ея, а пепелъ съѣлъ, что тотъ и исполнилъ въ точности и умеръ.

Хотя калмыки Большедербетовскаго улуса съ 1870 года считаются осѣдлыми, но главнымъ занятіемъ ихъ является скотоводство. Скотъ рогатый раздѣляется на три стада: дойныя коровы пасутся поближе къ хотону; рабочій скотъ тоже недалеко отъ хотона, но особо отъ дойныхъ коровъ; гулевой скотъ въ какомъ-либо отдаленномъ мѣстѣ, но обильномъ сочной травой. Табуны лошадей пасутся вблизи дойныхъ коровъ. Овцы съ утра далеко угоняются но къ вечеру снова пригоняются къ хотону. Козъ калмыки держатъ для того, чтобы они руководили, такъ сказать, придавали смѣлости овцамъ; поэтому козы пасутся вмѣстѣ съ овцами въ одномъ и томъ же стадѣ. Свиньи ходятъ безъ присмотра или же пасутся въ стадѣ овецъ. На водопой скотъ пригоняется въ одно мѣсто, но по очереди: сначала лошадей, потомъ коровъ и наконецъ овецъ съ козами и свиньями. Пасти и поить скотъ лежитъ на обязанности мущинъ. Они же весной должны заготовить и сѣно на зиму. Калмыки косятъ сѣно косами, скошенное и высохшее сѣно сгребаютъ граблями. Сѣно складывается при кибиткахъ или въ стога, или въ омёты. Оно бываетъ двухъ родовъ: ржанецъ и простое. Простое сѣно идетъ въ кормъ рогатому скоту и лошадямъ, а ржанецъ заготовляется для овецъ. Ржанецъ получается отъ кошенія только что поднявшейся весенней травки, которая бываетъ сочна и

мягка. Остальныя хлопоты по скотоводству всецѣло лежатъ на женщинахъ. Калмычкѣ приходится доить скотъ, пасти телятъ, жать для нихъ траву, превращать молочные продукты въ пищу и питье и тому подобное. Въ отношеніи къ землепашеству нужно замѣтить, что земледѣліемъ надлежащимъ образомъ занимаются зайсанги и найоны да еще крещеные калмыки. Что же касается остальныхъ калмыковъ, то у нихъ эта отрасль домашняго хозяйства мало развита. Простолюдины калмыки—и то не всѣ—ограничиваютъ свою дѣятельность въ отношеніи въ земледѣлію насажденіемъ бакчей съ кавунами, дынями, огурцами и тому подобными растеніями и разведеніемъ табачныхъ плантацій. Бакчи они разводятъ для удовольствія, а табачныя плантаціи—для овцеводства. Давно калмыки замѣтили, что, если овецъ оставить на зиму невымытыми, то всѣ овцы запаршивѣютъ и передохнутъ. Въ числѣ лучшихъ средствъ, добытыхъ многолѣтнимъ опытомъ, считается табачный отваръ, которымъ и перемываютъ овецъ послѣ осенней стрижки. Состоятельные и хозяйственные калмыки не ограничиваются бакчами и табачными плантаціями, но занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ, садоводствомъ и нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, лѣсоводствомъ. Въ отношеніи земледѣлія нѣтъ никакого разграниченія обязанностей, какое искони существуетъ у калмыковъ относительно скотоводства. Обыкновенно земледѣльческіе труды производятся совмѣстно мужчинами и женщинами. Коситъ поспѣвшій хлѣбъ мущина, помогаетъ ему и женщина; молотитъ мужчина, молотитъ и женщина, и тому подобное. Обработка кожи исключительно лежитъ на калмычкахъ. Калмычка скорняжитъ кожи; она же изъ кожъ приготовляетъ различные мѣшки и предметы хозяйственнаго обихода; ей же приходится шить обувь изъ кожи и одежду изъ овчинъ. Если калмычка хочетъ выдѣлать самыя малыя и тонкія мерлушки, то, вымывъ шкурки въ теплой водѣ начисто, вѣшаетъ и сушитъ на воздухѣ, чтобы онѣ провяли и постепенно просохли; потомъ скоблитъ съ мясной стороны тупымъ ножемъ, чтобы совершенно отдѣлить оставшееся мясо и жилы или перепонки отъ кожи. Для того, чтобы арьянъ лучше всасывался въ кожу, кожа разстилается по землѣ, растягивается и намазывается арьяномъ и бозо въ теченіи трехъ дней. На 4-й день, высушивъ на солнцѣ, мнутъ руками до тѣхъ поръ, пока кожа не сдѣлается мягкою. Потомъ мерлушки коптятъ, чтобы онѣ отъ дождя и отъ сырости не пор-

тились. Такъ какъ послѣ копченія мерлушки снова становятся жесткими, то ихъ снова мнутъ и дѣлаютъ мягкими. Наконецъ натираютъ толченымъ мѣломъ, скоблятъ ножами, гладятъ, еще бѣлятъ мѣломъ, выколачиваютъ всю пыль и шерсть вычищаютъ. Точно такимъ же способомъ обдѣлываются шкуры съ взрослыхъ ягнятъ и овчины овецъ. Одежды шьютъ изъ овчинъ, а сапоги тачаютъ изъ кожи воловьими и конскими жилами. Для этого жилы сушатся, прокапчиваются и раздѣляются на тонкія нитки или волокна. Конскія и воловьи кожи употребляются на мѣшки и на кожаную посуду. Чтобы кожу отдѣлить отъ шерсти и мездры, варятъ кожу въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока шерсть не облѣзетъ; затѣмъ съ кожами начинается скобленіе, обмазываніе бозо, дубень и т. п. Когда кожа готова то изъ нея выкраиваются тѣ или другія вещи. Придавши выкройкѣ извѣстную форму, сушатъ на медленномъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока не отвердѣетъ вполнѣ. Вотъ сосудъ и готовъ.

Деревянныя издѣлія дѣлаются мужчинами. На обязанности мужчинъ, какъ намъ уже извѣстно, лежитъ приготовленіе всѣхъ деревянныхъ издѣлій кибитки. Но среди нихъ есть искусные столяры и плотники, извѣстные подъ общимъ именемъ „модони урунъ“ (древодѣлатель) или просто „модочи“ (плотникъ). Они вытачиваютъ изъ дерева трубки, чашки, дѣлаютъ маджары, воловье ярмо и другіе земледѣльческіе инструменты, обдѣлываютъ корыта, кадки, ведра и тому подобные предметы хозяйственнаго обихода. Есть и такіе плотники, которые съумѣютъ построить домъ или сарай. Они же приготовляютъ саманъ изъ глины и соломы, а потомъ изъ самана строятъ мазанки. Въ этомъ отношеніи они оказываются опытнѣе и искуснѣе русскихъ. Въ Княземихайловскомъ поселкѣ всѣ саманныя постройки сдѣланы крещеными калмыками хозяйственнымъ образомъ. Конечно, не всѣ калмыки-мужчины опытны и искусны въ выдѣлкѣ самана.

Также среди калмыковъ есть кузнецы, которые выдѣлываютъ изъ желѣза тѣ или другія вещи, потребныя въ калмыцкой жизни, и серебряныхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ всякую мелочь по женскому убранству, украшаютъ домашнюю посуду серебряными обручиками и изображеніемъ звѣрей. У кузнецовъ и серебренниковъ раздувальный мѣхъ состоитъ изъ кожанаго мѣшка и деревянной трубки.

Въ досужее время, особенно зимой, калмыки занимают-

ся звѣроловствомъ. Мущины ловятъ лисицъ, волковъ, зайцевъ и др. Ловля многихъ звѣрей производится при помощи ногайки и коня. Калмыкъ-наѣздникъ такъ искусно дѣйствуетъ ногайкой, что по большой части намѣченную жертву пригоняетъ прямо къ своей кибиткѣ и тутъ убиваетъ. Чтобы положить волка или лисицу на мѣстѣ замертво, калмыкъ сначала кругомъ размахиваетъ ногайкой, желая напугать звѣря, а потомъ, улучивъ минуту и выбравъ удобное положеніе, поднимаетъ руку и въ одинъ мигъ тяжело опускаетъ ее такимъ образомъ, чтобы концомъ ногайки хватить по самому кончику волчьяго или лисьяго носа, но не вдоль его, а поперекъ. Для того, чтобы звѣря не убивать на-повалъ, а захватить его живьемъ, наѣздникъ норовитъ сразу ударить волка или лисицу по спинѣ такимъ образомъ, чтобы ногайка обвилась по бокамъ, и чтобы конецъ ея рѣзко прохватилъ брюхо и ударился въ безшерстную часть шкуры. Благодаря ловкости и не смотря на простоту вооруженія, нѣкоторые охотники въ теченіе зимы успѣваютъ переловить и перебить много звѣрей. Зайцевъ же они ловятъ при помощи степныхъ собакъ, которыя отлично выслѣживаютъ и другихъ звѣрей и значительно облегчаютъ счастливый исходъ охоты въ данный день.

Медициной и живописью занимаются гелюнги и другіе хувараки. Медики называются эмчи, а живописцы—зурачи. Эмчи опредѣляютъ болѣзнь по station урінѣ, по біенію пульса, по наружнымъ болячкамъ, а больше всего по гаданіямъ дзурхачей или астрологовъ. Средствами леченія являются лекарства, діэта и различные хуралы или молитвословія съ заклинаніями. Лекарства они составляютъ изъ кореньевъ, цвѣтовъ, молочныхъ и мясныхъ продуктовъ; напримѣръ, для излеченія отъ укушенія тарантула или чернаго паука, эмчи настаиваютъ этихъ же насѣкомыхъ въ коровьемъ маслѣ и такимъ сиропомъ мажутъ укушенныя мѣста. На ряду съ дѣйствительными средствами эмчи, по указанію дзургачей, просто-на-просто морочатъ своихъ паціентовъ. Во внутреннихъ болѣзняхъ, особенно трудныхъ, они приписываютъ причину болѣзни какой-либо цѣнной вещи больного, а поэтому совѣтуютъ ему пожертвоватать въ хурулъ, чтобы гелюнги совершили молебствіе о выздоровленіи больного. Въ болѣзняхъ упорныхъ и продолжительныхъ дѣло приписывается несчастному имени больного. Тогда больному дается новое имя, а кукла, получившая имя

больного, сожигается съ приличными жертвоприношеніями и молитвословіями. Самымъ употребительнымъ маневромъ въ тяжкихъ болѣзняхъ служитъ то, что болѣзнь приписывается вредному дѣйствію злыхъ духовъ. Наглые эмчи часто увѣряютъ больного и его родственниковъ, что злые духи похитили душу больного, и что если больной еще дышетъ и живъ то только потому, что въ немъ осталась животная жизнь (по-калмыцки) *аминъ*, т. е., матеріальная душа, жизненная эссенція; высшая же или духовная душа—„сюнюсю" давно уже вышла. Чтобы возвратить бѣглянку сюнюсю, приглашенные гелюнги дѣлаютъ разнаго рода заклинанія до тѣхъ поръ, пока не настанетъ благополучный исходъ или по крайней мѣрѣ переломъ болѣзни. Если же больной умретъ, то изобрѣтательные на выдумки эмчи безъ всякаго стѣсненія увѣряютъ что душѣ помѣшалъ возвратиться Эрликъ-ханъ, убѣдивши ее съ полдороги возвратиться назадъ разными обманами и хитростями. Суевѣрные калмыки всему вѣрятъ и въ точности исполняютъ предписанія и совѣты своихъ врачей.

Изъ разсказовъ эмчи Байшентинскаго хурула Доржи Сетенова, который считается искуснымъ врачемъ у калмыковъ, видно, что онъ противъ холеры употреблялъ усыпительныя и согрѣвательныя средства, противъ чахотки—порошекъ „джурунъ-ыренга", отъ зубной боли высушенную заячью желчь и табачный сокъ и прочее тому подобное. Противъ разныхъ болѣзней скота, по словамъ Сетенова, калмыцкіе эмчи употребляютъ рыбій жиръ, деготь, керосинъ, сушеныхъ ужей и различныя травы. Всѣхъ родовъ болѣзней онъ считаетъ до 400. По его словамъ роды болѣзней изучаютъ на практикѣ, но предварительно обучаются медицинѣ другъ отъ друга и больше всего изъ устной бесѣды. Каждый болѣе или менѣе искусный эмчи имѣетъ записную книжку, которая послѣ его смерти достается въ наслѣдство одному изъ лучшихъ его учениковъ. Въ такихъ книжкахъ эмчи записываютъ личные свои опыты и наблюденія. Доржи Сетеновъ показывалъ мнѣ очень объемистую тетрадь, въ которой, по его словамъ, его бывшій учитель подробно описалъ многія болѣзни и средства ихъ врачеванія. Книга написана тибетскими буквами, поэтому мнѣ не удалось познакомиться съ ея содержаніемъ. Въ домѣ того же Сетенова я видѣлъ массу мѣшечковъ, наполненныхъ разнообразными травами и растеніями въ засушеномъ видѣ, сѣменами этихъ растеній, высохшими трупами насѣкомыхъ,

разноцвѣтными камешками; въ разныхъ кожаныхъ сосудахъ и склянкахъ—настойки, отъ которыхъ распространялся непріятный запахъ. Всѣ лѣкарства и снадобья обыкновенно составляются самимъ учителемъ, какъ ему заблагоразсудится и какъ онъ знаетъ. Ученики же только присматриваются, а болѣе способные и помогаютъ своему учителю, по его указанію. Съ теченіемъ времени ученики, достаточно усовершенствовавшіеся въ эмчествѣ, представляются учителемъ къ повышенію и посвящаются въ гецюли; но должны еще совершенствоваться подъ руководствомъ того же учителя. Съ этого времени они, съ разрѣшенія учителя, иногда занимаются самостоятельно лѣченіемъ и составленіемъ лѣкарствъ. Если имъ удастся вылѣчить кого-либо успѣшно, то по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, они возводятся въ достоинство гелюнга и тогда уже сами дѣлаются гелюнгами и учителями.

Рисованіемъ занимаются зурачи. Дѣятельность зурачей ограничивается рисованіемъ шутеновъ (изображеній) бурхановъ, буддъ, бодисатвъ, бакшей и тому подобныхъ священныхъ лицъ, которыя или стоятъ на степени кандидатовъ на божество или уже, по вѣрованію калмыковъ, сдѣлались богами. По большой части зурачи рисуютъ на полотнѣ или на холстѣ. Для сего полотно натирается мѣломъ и покрывается лакомъ, а затѣмъ уже зурачи приступаетъ къ рисованію масляными красками. Самое же рисованіе производится кисточками и безъ соблюденія тѣней. По-этому живопись ихъ походитъ на малеваніе нашихъ лубочныхъ картинъ. Калмыцкіе зурачи заботятся только о томъ, чтобы изображаемое лицо вышло въ буддійской позѣ и выдѣлялось яркостію красокъ. Вслѣдствіе этого шутены буддійскіе отличаются восточнымъ вкусомъ и самая живопись калмыковъ вполнѣ можетъ быть названа восточною и ближе всего тибетскою. Зурачи, какъ и эмчи, занимаясь своею спеціальностью, въ то же время состоятъ въ какомъ-либо жреческомъ достоинствѣ, т. е., бываютъ или гелюнги или гецюли, манжики. Зурачи, какъ жрецы, должны участвовать при жреческомъ служеніи) но они въ большинствѣ случаевъ играютъ на музыкальныхъ инструментахъ.

Остальные хувараки занимаются или учительствомъ, или астрономіей съ астрологіей. Первые называются „бакши", а послѣдніе—„дзурхачи". Въ леченіи отъ болѣзней бакши являются молитвенниками передъ бурханами, а дзухарчи—гадателями или отгадчиками причины болѣзни. Музыкальные ин-

струменты раздѣляются на духовные и мірскіе. Духовные инструменты: 1) хонхо или небольшой колокольчикъ съ рукояткой и при немъ вачиръ, состоящій изъ двухъ ящеообразныхъ палочекъ, соединенныхъ между собою въ замокъ; ханхо дѣлается изъ мѣди; 2) дамару—небольшой барабанъ или колотушка съ двумя деревянными шариками въ ручкѣ дамару; когда дамару потрясаютъ, то шарики ударяются въ дно и въ верхъ дамару и получается дробный бой; 3) кенгере—турецкій барабанъ, но передѣланный на калмыцкій ладъ; по формѣ онъ похожъ на дамару, но только безъ шариковъ и въ 100 разъ больше дамару. Во время барабаннаго боя кенгере ставится на полъ рукояткой и въ него ударяютъ „докуромъ" или дугообразнымъ шестикомъ который заканчивается приплюснутымъ шарикомъ. 4) Цанъ или цангъ суть мѣдныя тарелки, имѣющія три вершка въ радіусѣ или шесть вершковъ въ діаметрѣ. Онѣ служатъ для ударовъ другъ въ друга, отчего получается дребезжащій звонъ. 5) Деншикъ—это видоизмѣненный цанъ, а именно: царанъ или головка меньше, дельбе или тарелочки не больше одного вершка въ діаметрѣ, за царанъ дельбе между собою соединяются тонкимъ ремешкомъ. 6) Харанга—мѣдный или желѣзный тазъ около одного аршина въ діаметрѣ. Въ него ударяютъ деревяннымъ шарикомъ на сыромятномъ ремнѣ. Во время боя харанга виситъ на воздухѣ на особомъ ремнѣ, который держитъ барабанщикъ лѣвой рукой, а правой ударяетъ въ харанга, отъ ударовъ харанга колышется во всѣ стороны, а поэтому и бой его слышится дребезжащимъ. 7) Бишкюръ—свирѣль около $^1/_2$ аршина длиной весьма похожъ на рогъ коровы. Бишкюръ по большей части бываетъ серебряный или же металлическій. Хувараки съ нимъ обращаются весьма бережно. По словамъ главнаго бакши, бишкюръ имѣетъ историческое значеніе. Онъ введенъ въ Тибетѣ вмѣсто голоса миѳической птицы Гандаги, которая живетъ въ Индіи. 8) Ганъ-минъ—свирѣль, сдѣланная изъ берцовой кости человѣка съ двумя отверстіями напереди. Эти отверстія похожи на ноздри лошади. Звукъ этой свирѣли ламаитамъ напоминаетъ ржаніе миѳическаго коня Ачжинай-мöринъ, который по ученію буддизма, перевозитъ вѣрующихъ изъ настоящей жизни въ блаженное царство Сукавади, т. е., въ рай. 9) Бага-бюре—мѣдная труба въ одну сажень длиною. 10) Йехе-бюре тоже мѣдная труба, но длиною около $1^1/_2$ саженъ. Обѣ эти трубы напоминаютъ ламаитамъ ржаніе миѳическаго слона Маши-бату,

который служитъ вьючнымъ животнымъ для спутниковъ Хормусты, одного изъ калмыцкихъ боговъ. Этотъ слонъ, по представленію калмыковъ, имѣетъ тѣло весьма бѣлое и 33 красныхъ головы, каждая голова по 100 клыковъ, каждый клыкъ служитъ сѣдалищемъ для дѣвъ-тенгріевъ, на средней головѣ сидитъ самъ Хормуста. Величина тѣла такова: въ высоту четыре версты, въ толщину одна миля, въ длину шесть миль. Слонъ Маши-бату 4 зимнихъ мѣсяца пасется на золотой скалѣ, 4 осеннихъ мѣсяца—на озерѣ Долонъ, остальные 4 мѣсяца—при деревѣ Сала. Учрежденіе бюре и ганъ-линъ калмыки относятъ ко времени Падмы-Самбавы, который не хотѣлъ идти изъ Индіи въ Тибетъ, потому что тамъ нельзя слышать ржанія миѳическаго коня и небеснаго слона. Вотъ тогда-то и учредили эти музыкальные инструменты, которые, хотя въ нѣкоторомъ подобіи, могли бы замѣнить ржаніе священныхъ животныхъ и усладить религіозный слухъ. 11) Дунгъ—морская раковина, изъ которой хувараки выдуваютъ одну ноту. Её, по вѣрованію калмыковъ, установилъ самъ Шакъмуни; но передъ смертію свою ученику своему Мудгельвани велѣлъ схоронить её подъ горою Дуритху и при этомъ предсказалъ, что её найдетъ впослѣдствіи Цзункова, каковое пророчество, по вѣрованію калмыковъ, въ точности и исполнилось. Найденная дунгъ (раковина) хранится въ Халданъ-хитѣ (монастырѣ Халданъ), какъ святыня; а по образцу ея завели и при калмыцкихъ хурулахъ дунгъ. 12) Даударма—свистулька весьма миніатюрная, которая напоминаетъ буддистамъ пѣніе миѳической птицы Гаруди. Всѣ исчисленные инструменты необходимы для составленія духовнаго оркестра. Этотъ оркестръ бываетъ довольно оглушителенъ, когда хувараки, аккомпанируя своему чтенію-пѣнію, вдругъ перейдутъ къ fortissimo. Эти инструменты хранятся въ хурулахъ, а въ частныхъ домахъ ихъ держать не полагается. Для услажденія своего слуха въ домашней обыденной жизни, употребляются калмыками слѣдующіе инструменты: 1) Думбуръ, 2) Хӯръ и 3) Ятга. Думбуръ есть обыкновенная двухструнная балалайка. Хӯръ бываетъ въ родѣ нашей скрипки, только о восьми струнахъ. Ятга весьма похожа на наши гусли съ металлическими струнами, только у ней нѣтъ ни ладовъ, ни колковъ; а поэтому струны натягиваются стальными зацѣпками. Калмыки играютъ на одномъ какомъ либо инструментѣ. На ряду съ національными инструментами

калмыки позаимствовали нѣчто изъ музыки и отъ русскихъ. Въ настоящее время у калмыковъ въ большомъ ходу русская гармонiйка. Аристократiя калмыцкая начала заводить рояли, кларнеты, флютъ-гармонiи и другiе чисто европейскiе музыкальные инструменты. Пѣнiе калмыцкое можно раздѣлить на духовное и свѣтское. Духовное иначе называется хуральнымъ, потому что оно употребляется при совершенiи хураловъ или молитвословiй. Духовное пѣнiе болѣе походитъ на речитативное чтенiе. Обыкновенно оно начинается съ низшей ноты и постепенно доходитъ до высшаго тона и потомъ начинается обратное движенiе голоса назадъ; поэтому, кажется, какъ будто бы голосъ поднимается по лѣстницѣ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ вершины, послѣ чего начинается постепенное снисхожденiе со ступеньки на ступеньку. Пѣнiе всегда оканчивается розсыпью, какъ будто голосъ разобьется на части. По толкованiю главнаго бакши, такое crescendo et diminuendo имѣетъ религiозное значенiе, а именно: душа человѣка, послѣ своего разлученiя съ тѣломъ, проходитъ цѣлый рядъ мiровъ, пока не достигнетъ блаженнаго сѣдалища Хоншимъ-бодисатвы, послѣ чего и сама дѣлается буддой и въ крайнемъ случаѣ бодисатвой въ неизреченной нирванѣ или въ блаженномъ царствѣ Сукавади, а чрезъ это получаетъ способность перерождаться на орчилангѣ (на землѣ) для спасенiя вѣрующихъ, для чего она опять нисходитъ на землю тою же дорогою. Достигнувъ Замбу-тиба (нашей планеты) она принимаетъ образы различныхъ живыхъ существъ сансары (настоящаго мiра или вселенной) и, такъ сказать, разсѣевается по всей вселенной, по примѣру Хоншимъ бодисатвы, который, какъ извѣстно, неоднократно спускался на землю и обиталъ на ней то въ видѣ слона, то въ видѣ зайца, то въ видѣ человѣка всѣхъ классовъ, то въ видѣ бирита, то въ видѣ тенгрiи и т. п. Сообразно съ символическимъ значенiемъ самаго пѣнiя, содержанiе хуральныхъ пѣснопѣнiй вращается около различныхъ явленiй или перерожденiй бурхановъ съ ихъ дѣянiями. Свѣтское пѣнiе поется въ унисонъ и отличается заунывностiю и монотонностiю. Поетъ ли калмыкъ, или нѣсколько человѣкъ, пѣнiе ихъ бываетъ плачевно. Впрочемъ, въ состоянiи опьянѣнiя калмыкъ поетъ такъ, что пѣнiе его изъ монотоннаго дѣлается порывистымъ и бурнымъ. Всѣ пѣсни вертятся около одного предмета обширной степи, статнаго коня, милаго юноши, красавицы-калмычки. У калмыковъ есть цѣлыя поэмы „джангаръ“. Онѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ нѣчто цѣлое. Эти поэмы переходятъ изъ рода въ родъ и сохраняются при посредствѣ пѣвцовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „джангарчи“.

Калмыцкiе стихи совершенно отличны отъ русскихъ. Риѳма стиховъ заключается не въ концѣ стиха, а въ началѣ. По калмыцкой словесности та рѣчь считается стихотворной, въ которой каждый стихъ начинается съ одного и того же слога. На число слоговъ и размѣръ ихъ не обращается никакого вниманiя.

Вотъ примѣръ такого стихотворства.

„Геленгъ мини геленгъ“!
„Гер мал ӯгā̄ ахӯ!
„Гер гельсю гекюни,
„Герген угā;
„Гер абху геленъ-ду,
„Гелир угā“.

Перевести эти стихи можно такимъ образомъ:

„Гелюнгъ, мой гелюнгъ!
„Безъ скота, безъ дома какъ быть!
„Если и домъ сдѣлаешь,
„Жены нѣтъ;
„Жениться гелюнгу
„Нѣтъ свѣта“, т. е. божественнаго освѣщенiя на подобное бракосочетанiе или свѣтъ жертвенный долженъ погаснуть при совершенiи брака гелюнга съ какою-бы то не было женщиною, потому что гелюнги должны быть безбрачными, какъ и всѣ хувараки.

Какъ намъ уже извѣстно, въ настоящее время калмыки Большедербетовскаго улуса получаютъ образованiе въ двухъ школахъ и при 5 хурулахъ. Одна школа находится въ селѣ Ивановскомъ, а другая въ Княземихаиловскомъ поселкѣ. Въ 1-й школѣ учатся по преимуществу некрещеные калмыки, а во 2-й—крещеные. Въ Ивановской школѣ обучаютъ русскому и калмыцкому языкамъ, географiи, ариѳметикѣ и чистописанiю, ученики Княземихаиловской школы изучаютъ русскiй языкъ со славянскимъ, священную исторiю, ариѳметику, чисто-

писаніе, плотничество и столярное искуство. При хурулахъ калмычата учатся у гелюнговъ. Домъ каждаго гелюнга есть своего рода маленькая школа, въ которой учится не менѣе одного человѣка, но не болѣе 10. Хурульное обученіе исключительно зиждется на изученіи номовъ, т. е., священныхъ книгъ буддизма. Такъ-какъ номы написаны на тибетскомъ языкѣ, то обученіе начинается съ тибетскаго языка. Ученики называются манжиками и учатся съ 6 лѣтъ до 30 и болѣе. слѣдовательно, хурульное обученіе продожается иногда около 25 лѣтъ. Въ крайнемъ случаѣ каждый манжикъ учится не менѣе 12 лѣтъ. Сверхъ того, каждый манжикъ изучаетъ спеціальность своего учителя, т. е., или дзурхачество (астрономію съ астрологіей для ламайскихъ гаданій), или эмчество (врачеваніе или медицину), или зурачество (рисованіе), или хуралы (служенія) съ гурумами (заклинаніями). Впрочемъ нѣкоторые изъ болѣе способныхъ манджиковъ и то съ теченіемъ времененъ, т. е:, тогда, когда достаточно изучатъ свою спеціальность, начинаетъ изучать калмыцкій и монгольской языки. Русскій языкъ въ составъ хурульнаго образованія не входитъ. Поэтому большинство хуваряковъ совершенно не знакомы съ письменностію русскаго языка; если же нѣкоторые изъ нихъ и знаютъ, то изучили ее случайнымъ образомъ. Вотъ источники калмыцкаго просвѣщенія. Теперь посмотримъ, каковы плоды этихъ разсадниковъ просвѣщенія. Если нельзя еще ничего положительнаго сказать относительно учениковъ Княземихаиловской начальной школы (она существуетъ только 2 года), то относительно учениковъ улусной школы нужно замѣтить; что большинство ихъ по окончаніи своего образованія, ведутъ празную и разгульную жизнь. Многіе изъ таковыхъ спились окончательно, а поэтому и произодятъ на окружающую среду отталкивающее вліяніе. У каждаго калмыка, видѣвшаго такого грамотѣя, невольно является предположеніе, что образованіе ведетъ не къ добру. Вотъ почему калмыки съ неохотой отдаютъ своихъ дѣтей въ школу. Хурульное же обученіе не только не образуетъ человѣка, а напротивъ портитъ его, набивая голову его всякими бреднями и сказками, не давая человѣку никакихъ положительныхъ знаній. Правда, гелюнги преподаютъ своимъ ученикамъ или медицину, или рисованіе, или астрономію съ географіей и тому подобныя науки. Но это только названія наукъ, научнаго же въ нихъ нѣтъ ничего. Преподаваемыя и содержащіяся въ нихъ по видимому положительныя знанія основываются не на дѣствительныхъ явленіяхъ природы, не на научныхъ изысканіяхъ, или опытахъ, а единственно на религіозномъ суевѣріи ламаизма. Въ самомъ дѣлѣ, что такое калмыцкая медицина? Самымъ употребительнымъ средствомъ въ калмыцкой медицинѣ считается кровопусканіе, но оно основывается не на опытѣ, не на анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла, а на религіозныхъ и своеобразныхъ представленіяхъ буддизма о составѣ человѣка. По воззрѣнію калмыка—ламаита, человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: „аминъ“ (жизненная энергія), „сюнюсю“ (душа) и „бейе“ (тѣло). Сюнюсю калмыку представляется живымъ существомъ, путешествующимъ по тѣлу изо дня въ день—изъ года въ годъ до смерти даннаго субъекта. Свое круговое путешествіе по тѣлу сюнюсю совершаетъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца, такъ что, если въ сегодняшній день была въ большомъ пальцѣ правой руки, то опять на то же мѣсто возвратится ровно черезъ мѣсяцъ. Сюнюсю, скитаясь по тѣлу, всегда стремится выйти изъ тѣла и ищетъ свободнаго выхода. Такимъ выходомъ для нея служатъ раны. Если сюнюсю найдетъ такую рану, то выходитъ вонъ вмѣстѣ съ кровію, а человѣкъ умираетъ. Калмыцкіе эмчи знаютъ это и поэтому прежде, чѣмъ сдѣлать кровопусканіе, справляются, гдѣ находится сюнюсю въ данный моментъ, чтобы вмѣстѣ съ кровію не выпустить и сюнюсю. Это опредѣляютъ дзурхачи. При помощи своихъ астрологическихъ вычисленій они должны вычислить, сколько кругообращеній сюнюсю даннаго паціента сдѣлала, начиная со дня его рожденія, и гдѣ она теперь находится. Если дзурхачи найдетъ, что сюнюсю въ разсматриваемое время находится далеко отъ больнаго мѣста, то эмчи дѣлаетъ кровопусканіе; если же дзурхачи найдетъ, что сюнюсю весьма близко находится отъ больного мѣста, то эмчи выжидаетъ благопріятнаго момента, когда душа удалится настолько далеко, что безъ опасенія и риска можетъ сдѣлать кровопусканіе. Тоже нужно сказать и объ остальныхъ средствахъ калмыцкаго врачеванія. Вотъ почему калмыцкое врачеваніе всегда сопровождается различными хуралами и гурумами! Вотъ почему калмыцкое врачеваніе весьма часто начинается гаданіями дзурхачей, а кончаются молитвословіями гелюнговъ. Вотъ почему въ кибиткѣ больного человѣка легко встрѣтить эмчи, дзурхачи, гелюнга, даже зурачи. Да могутъ

ли быть настоящія медицинскія познанія тамъ, гдѣ нѣтъ ни анатомическихъ, ни физіологическихъ наслѣдованій; гдѣ нѣтъ химическихъ познаній о природѣ лѣкарственныхъ веществъ? Поэтому эмчество не есть собственно медицина. Если же калмыцкихъ эмчи называютъ врачами, то называютъ не совсѣмъ точно и не въ собственномъ смыслѣ; правильнѣе ихъ слѣдовало бы называть русскими знахарями или кудесниками. Ибо они столько же знаютъ по медицинѣ, сколько и наши знахари. Не лучше и калмыцкое рисованіе или художество, которымъ знимаются зурачи. Оно зиждется на изображеніи человѣка въ неестественномъ положеніи, ограничиваясь изображеніемъ бурхановъ, буддъ, бодисатвъ, тенгріевъ, ассуріевъ и другихъ духовъ буддійскаго міра. Извѣстно, что большинство ламайскихъ божестъ рисуется въ позѣ „очиръ-бзабблатъ". Въ попѣ очиръ дзабилатъ человѣкъ, изображающій того или другого бога, долженъ сидѣть съ поднятыми ногами такъ, чтобы правая нога, обогнувши лѣвую, лежала на лѣвомъ колѣнкѣ ступнею вверхъ; а лѣвая нога, точно такимъ же образомъ обогнувши правую, лежала на правомъ колѣнкѣ тоже ступнею вверхъ. Равнымъ образомъ многіе бурханы, имѣющіе видъ человѣка, рисуются вмѣсто зубовъ съ клыками, вмѣсто одной головы съ 4-мя и даже съ 10 или 11-ю; вмѣсто ногъ— съ звѣриными лапами, вмѣсто кожи—въ звѣриной шкурѣ и съ хвостомъ и т. п. Что же тутъ естественнаго? Значитъ, и живопись должна убивать въ учащемся дѣйствительность представленія и приводить къ фантастическимъ грезамъ. Изображеніе же бурхановъ въ сладострастныхъ формахъ должно преждевременно наполнять пылкую душу юношей похотливыми мыслями и желаніями. Вотъ почему хувараки изъ зурачей попреимуществу отличаются большею наклонностію къ прелюбодѣянію! Хотя половое сношеніе считается, по буддійской каноникѣ, въ числѣ тяжкихъ преступковъ, за которые виновные подвергаются изгнанію, но рѣдкій хуваракъ въ лѣта зрѣлости не предавался разврату. Слѣдовательно, и зурачество не только не облагораживаетъ человѣка, не развиваетъ въ немъ эстическаго вкуса, но даже уродуетъ человѣка умственно и нравственна; а поэтому оно должно быть названо порнографіей и при томъ миѳической, но отнюдь не живописью. Теперь посмотримъ: каковы остраномія и географія, которыя, какъ науки, входятъ въ составъ калмыцкаго дзурхачества? По

ученію ламоштовъ, вся вселенная основана на миѳической горѣ „Сумера-ула", которая на половину стоитъ въ водѣ, а на половину надъ водой. Она опирается на золотой лягушкѣ или черепахѣ, какъ на фундаментѣ. Ее окружаютъ 8 горъ желѣзныхъ, между которыми находятся 8 океановъ увеселенія; а за ними 4 тиба (материка) великихъ съ 8-ю малыми тибами. Всѣ 12 тибовъ изобилуютъ разными диковинками въ родѣ птицы Гаруди, дерева Калпаравасъ, слона Маши-бату и пр. По верхнему поясу горы Сумеру движутся солнце, луна и звѣзды, которыя вращаются около горы Сумеру отъ дѣйствія вѣтра. Солнце по своему составу есть огненное стекло, а луна состоитъ изъ воднаго хрусталя.

Солнце и луна несравненно больше звѣздъ, а именно: солнце имѣетъ въ ширину 153 мили, въ толщину 5 миль 4 версты 222 сажени 21 палецъ; мѣсяцъ—въ ширину 150 миль и въ толщину 5 миль; величина же самой большей звѣзды— въ ширину 2 мили, а величина малой звѣзды—только около одной версты. Причина: почему день бываетъ длиненъ или коротокъ, въ книгѣ „йиртинцуйнъ—толи" (зерцало міра) объясняется слѣдующимъ образомъ: „Въ то время, когда день сего Замбу-тиба (нашей земли) дѣлается короткимъ, теченіе солнца происходитъ въ правую сторону отъ Замбу-тиба вверху внѣшняго моря, вслѣдствіе чего сила вѣтра увеличивается, теченіе солнца ускоряется, а день становится короткимъ; въ то время, когда день сего Замбутиба бываетъ длиненъ, теченіе солнца происходитъ въ лѣвую сторону Замбутиба надъ золотой поверхностію, вслѣдствіе чего сила вѣтра уменьшается, теченіе солнца замедляется; а день становится длиннымъ". Солнечное и лунное затмѣніе объясняется враждебными дѣйствіями духа Архолы, а по другому сказанію, Раху. Буддисты разсказываютъ, что бурханъ Очирвани въ одно время составилъ безсмертное питье. Архола (Раху) потихоньку выпилъ его, а сосудъ наполнилъ смертнымъ напиткомъ. Когда объ этомъ узналъ Очирвани, то хотѣлъ наказать преступника, но Архола скрылся. Очирвани, преслѣдуя Архолу, распрашивалъ небесныя свѣтила. Звѣзды умолчали, но солнце и мѣсяцъ указали дорогу, по которой убѣжалъ Архола, и Очирвани разсѣхъ Архолу своимъ вачиромъ пополамъ, но безсмертный напитокъ спасъ Архолу отъ смерти. Онъ остался живъ, но съ разсѣченнымъ чревомъ. Съ тѣхъ поръ Архола сталъ мстить

солнцу и лунѣ. Лишь только онъ поймаетъ то или другое свѣтило, тотласъ же пожираетъ; но такъ-какъ чрево сго разсѣчэно вачиромъ, то солнце или луна снова выходятъ на свѣтъ божій. До тѣхъ поръ, пока они бываютъ во чревѣ Архолы, продолжается солнечное или лунное затменіе. Отъ той же причины происходитъ фазы луны ежемѣсячно. Дождь происходитъ отъ того, что бурханъ Лу, который знму живетъ въ морѣ, а лѣто лѣтаетъ по воздуху, изъ 9 облаковъ выпускаетъ воду, собранную имъ изъ океановъ. Вслѣдствіе того, что ему часто препятствуютъ ассуріи (злые духи), дождь часто остается надолго въ облакахъ. Тотъ же Лу является производителемъ и другихъ атмосѳерныхъ явленій, какъ то: если Лу находится въ хорошемъ расположеніи духа, то начинаетъ играть хвостомъ, отъ чего происходитъ зарница; если Лу разгнѣвается, то начинаетъ порывисто вертѣть хвостомъ, отъ чего происходитъ молнія и громъ. Вообще во всѣхъ астрономическихъ и географическихъ познаніяхъ дзурхачей нѣтъ ничего дѣйствительнаго, кромѣ нѣкоторыхъ именъ или названій. Въ основѣ же всего изурхачества лежитъ пустая вѣра въ волшебство и колдовство, при помощи которыхъ калмыки надѣются узнать причину всякаго явленія и удалить ее, если она вредна, при помощи хураловъ и жертвоприношеній. Поэтому дзурхачество справедливо называется астрологіей, а дзурхачи— астрологами и кудесниками или гадателями. Итакъ, хурульное образованіе, кромѣ существеннаго вреда, не приноситъ никакой пользы въ дѣлѣ народнаго образованія. И опытъ показываетъ, что хуварики по умственному своему развитію оказываются ниже своихъ духовныхъ чадъ. Простолюдинъ калмыкъ, хотя безграмотенъ, но, живя среди дѣйствительной природы, имѣя сношеніе съ русскими, о многихъ предметахъ разсуждаетъ здраво; хуваракі же, съ ногъ до мозговъ пропитанные бреднями и "бабіими сказаніями" въ теченіи почти 25—лѣтняго обученія, оказываютс полными невѣждами въ разсужденіи объявленіяхъ природы. Но могутъ сказать, что хурульное образованіе можетъ усовершенствовать въ языкознаніи и ближе всего въ знаніи тибетскаго языка. Но если взглянуть на методъ преподаванія, то придется разочараваться и въ этомъ. Методъ преподаванія у гелюнговъ допотопный. Гелюнгъ—учителк пишетъ по—тибетски три или четыре слова и произноситъ ихъ, манжикъ (ученикъ) повторяеть показанное до тѣхъ поръ, пока

механичики не заучитъ наизусть. Урокъ, выученный въ 4 слова, называется „бадыкъ"; а урокъ, состоящій изъ 16 словъ,—„шюлюкъ". Въ каждый день ученикъ долженъ выучить одинъ бадыкъ, который онъ даетъ вечеромъ. Тоже повторяется и наслѣдующій день, потомъ на 3-й и такъ далѣе во всю жизнь. Насмыслъ и значеніе словъ не обращается никакого вниманія. Вслѣдствіе чего заученныя слова въ уставахъ манжика ничѣмъ не отличаются отъ попугайскаго выкрикиванія. Содержимое звуковъ для манжика совершено непонятно, потому что учитель не объяснялъ ихъ, а заставлялъ долбить на память. Отсюдо происходитъ то, что иной манжикъ въ теченіи 10 лѣтъ и болѣе учится и всетаки не знаетъ грамоты, хотя и знаетъ изрядное количество изреченій буддійской мудрости на тибетскомъ языкѣ. Если такому ученику дать совершенно новую книгу, то онъ не въ состояніи будетъ прочитать её безъ посторонняго руководство. Такимъ образомъ манжикъ съ самаго начала привыкаетъ къ безсмысленному зазубриванію, вслѣдствіе чего его умственныя способности мало—по—малу притпляются, и часто изъ такой школы выходятъ настоящіе туўицы и идіоты. Горе тому, кто имѣетъ слабую память. Ибо пакой мальчикъ съ великимъ трудомъ можетъ долбить, а тлюнгъ немилосердно бьетъ его, ничего не объясняя и не вникая въ его положеніе. При такомъ обученіи и даровитый мальчикъ съ теченіемъ времени дѣлается бездарнымъ. Во всякомъ случаѣ всѣ хувароки, не смотре на свое долголѣтнее ученіе, вшходятъ изъ доморощенной хурульной школы способными проповѣдывать всякую чепуху, но совершенными невѣждами даже въ языкознаніи. Многіе изъ нихъ не умѣютъ писать ни по—монгольски, ни по—калмыцки, да и по—тибетски—то кое-какъ каракулили. Такимъ же незнаніемъ своей письменности отличаются и всѣ прочіе калмыки, которые учились у гелюнговъ, а теперъ живутъ по хотонамъ въ качествѣ простолюдиновъ или или зайсанговъ. Если же среди зайсанговъ встрѣчались развитыь личности, то они получили образованіе не при хурулѣ, а въ какомъ либо русскомъ ўчебномъ заведеніи. Религіозная жизнь калмыка яснѣе всего проявляется во дни мацаковъ и праздники. Каждый надолжный калмыкъ въ сіи дни считаетъ своею священною обязанностію провести время вблизи хурула. Для сего они приходятъ ко вратамъ хурульной ограды и начинаютъ хожденіе вокругъ огра-

ды хурула посолонь, распѣвая въ полголоса шестисложную молитву: „амъ-мани-падме-хомъ“. Сею молитвою онъ выражаетъ желаніе избавиться послѣ смерти отъ шести перерожденій, какъ то: въ адскихъ жителей, биритовъ, скотовъ людей, ассуріевъ и тенгріевъ, иначе говоря, среди адскихъ жителей (въ аду), среди биритовъ, скотовъ (въ царствѣ животныхъ), среди людей (на землѣ), среди ассуріевъ (въ царствѣ злыхъ духовъ), среди тенгріевъ (въ царствѣ добрыхъ духовъ), Калмыки, обыкновенно, приходятъ утлыми семействами, а поэтомр и круговое хожденіе совержаютъ всѣ вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ калмыки ходятъ рядами въ 5 или 6 человѣкъ и распиваютъ сію молитву въ унисонъ. Мотивъ ея протяжный и почти двухтонный. Вокругъ хурула ходятъ сколько хочется, но во всякомъ случаѣ не менѣе 3 разъ. Совершивъ круженіе, мольщіися подходятъ къ кюрдѣ и начинаютъ ее вертѣть. Кюрде это буддійская молитвенница, которую, если вертѣть, то можно молиться, не читая никакихъ молитвъ. Ибо, если повернуть кюрде хать одинъ разъ, это значитъ прочитать малитвъ столько, сколько ихъ написано по бокамъ кюрде и сколько набито внутри кюрде на отдѣльныхъ лоскрткахъ бумаги или полотна. Кюрде состоитъ изъ одного, или двухъ, или изъ трехъ, или даже изъ четырехъ цилиндровъ, утвержденнымъ на одной оси или стержнѣ. Эти цилиндры по большей части дѣлаются изъ дерева и располагаются такъ: большой цилиндръ внизу, а самый малый вверху, значитъ, они бываютъ неодинаковой величины; по формѣ целиндры походятъ на бездонную кадку или ушатъ безъ ушковъ. На бокахъ цилиндровъ написана тибетскими буквами шестисложная молитва: ом-ма-ни-пад-ме-хона.

Внутри цилиндры переполнены тою же молитвою, написанною на бумагѣ или на холстѣ, но уже на трехъ языкахъ: на тибетскомъ монгольскомъ и калмыцкомъ. По монгольски:

По калмыцки:

Если сложить число написаній одной и той же молитвы, то число ея бываетъ различно, но не менѣе 100 и не болѣе 1000. По буддійскому ученію, если прочитать эту молитву 100000000 разъ, то можно сдѣлаться и въ крайнемъ случаѣ бодисатвой. Поэтому 1000 я кюрде въ глазахъ калмыковъ-ламаитовъ имѣютъ великое значеніе. Стержень кюрде вверху заканчивается луной въ 4-й фазѣ, на которой водружено солнце съ выходящими изъ него огненными языками, въ ознаменованіе того, что вѣра ламайская столько же благотворна и блестяща, какъ и эти предметы, и также чиста, какъ свѣтъ лучей ихъ. Эти предметы по большей части дѣлаются изъ такихъ металловъ, цвѣтъ которыхъ соотвѣтствуетъ цвѣту изображаемыхъ свѣтилъ. Для того, чтобы можно было вращать цилиндры, къ оси ихъ привязывается ремень или веревка. Вертятъ всѣ присутствующіе или молящіеся и приводятъ ее общими силами въ движеніе, подергивая за ремень. Вертятъ столько, сколько хватаетъ у нихъ терпѣнія и усердія. Во время верченія нѣкоторые въ полголоса продолжаютъ напѣвать ту же таинственную молитву и перебираютъ четки. Послѣ сего они отправляются въ хурулъ. Лишь только они подойдутъ къ воротамъ ограды, становятся на колѣни, руки складываютъ ладонями вмѣстѣ и держатъ противъ сердца, а сами падаютъ на землю и въ то же время читаютъ слѣдующую молитву: „Седши уга энеркинъ йиксанъ нидберъ юзюкчи, киръ уга альдзинъ еркетя Манзушири, цастани бюкюни цастыни мöргöдійнъ оронъ чимекъ Зонкова, сайнъ уйюнта да алдаршиксынъ ельмедя зальбарьму“, въ которой они высказываютъ, что они, кланяясь предъ вратами, кланяются бурханамъ: Шакъямуни, Манзушири, Зенковѣ, и просятъ ихъ очистить себя отъ грѣховъ тѣлесныхъ и душевныхъ (прижатіе рукъ къ сердцу), за что они приносятъ имъ въ жертву цвѣтокъ Падму (сложенныя ладони) и готовность исполнять всѣ повелѣнія (паденія ницъ); возстаніе же означаетъ полную надежду, что при помощи этихъ буддъ вполнѣ можно спастись отъ орчиланга (міра переселеній) и переселиться въ блаженное царство Сухавади или неизреченную Нирвану и такимъ образомъ соединиться съ буддами-бурханами, въ знакъ чего прикладываются лбомъ ко вратамъ. То же они повторяютъ, вошедши въ хурулъ, предъ бурханами, которыми бываетъ переполненъ всякій хурулъ и которые стоятъ на особой полкѣ, придѣланной къ стѣнѣ противъ входа. Въ

то же время они кладутъ на тахилійнъ-ширя (жертвенный столикъ) какія-либо приношенія, а чаще всего деньги. Изъ хурула молящіеся калмыки отправляются въ домъ бакши, чтобы получить отъ него благословеніе. Бакша благословляетъ правой рукой, касаясь головы благословляемыхъ или голой рукой, или священной книгой, завернутой въ платокъ. Часто случается, что бакша благословляетъ и въ то же время играетъ въ шахматы, такъ что его рука совершенно механически скользитъ по головамъ благословляемыхъ. Но это нисколько не смущаетъ калмыковъ. Они весьма высоко чтутъ благословеніе бакши. Вслѣдствіе этого бакша, чтобы не лишить благословенія и отсутствующихъ, посылаетъ имъ лоскутки бумаги съ изображеніемъ бурхана Амитабы или же съ символическимъ начертаніемъ шестисложной молитвы за своимъ подписомъ.

Для изображенія перваго вида благословенія у бакши существуетъ каучуковая печать простаго устройства, а для начертанія втораго рода благословенія употребляется печать въ видѣ мѣднаго цилиндрическаго вала, вращающагося на оси, вдѣланной въ рамку. Безъ всякаго сомнѣнія эти обѣ печати изобрѣтены съ тою цѣлію, чтобы не терять времени на рисованіе благословеній руками. Первоначально эти благословенія писались рукою зурачей и подписывались бакшой, отчего и получили значеніе, какъ благословеніе бакши, который подписывался. Получивши благословеніе, калмыкъ снова приходитъ къ кюрде и начинаетъ его вертѣть обычнымъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока это не наскучитъ ему. Этимъ и оканчивается его молитвословіе и пребываніе въ хурулѣ во дни мацаковъ и праздниковъ, потому что при хуралахъ (служеніяхъ) калмыки-простолюдины не участвуютъ; если же нѣкоторые и являются въ хурулъ во время хурала, то пребываютъ, какъ бы посторонніе зрители. Въ такомъ случаѣ калмыкъ становится на колѣни у дверей кумирьни и въ такомъ положеніи тамъ остается до конца хурала, такъ-какъ калмыкамъ-простолюдинамъ не полагается пребывать въ той комнатѣ, гдѣ сидятъ хувараки при совершеніи хурала; исключеніе дѣлается только для найона и зайсанговъ. Во дни мацаковъ простолюдины питаются одною молочною пищею. Въ мацаки запрещается употреблять мясо и водку или вино, хотя приносить эти вещества въ даръ хуваракамъ разрѣшается; мясо же, кромѣ конины, дозволяется приносить въ жертву бурханамъ. Нѣкоторые — болѣе благоговѣйные въ продолженіи цѣлаго мацака ничего не ѣдятъ, т. е., отъ восхода солнечнаго и до захода. Тѣ же калмыки, которые не могли явиться въ хурулъ въ означенные дни, проводятъ время въ обычныхъ занятіяхъ, только время отъ времени вертятъ кюрде, которое должно быть въ каждой кибиткѣ. Если же и это наскучитъ, то они придѣлываютъ къ кюрде вѣтряную мельницу и ставятъ кюрде около кибитки на особомъ шестѣ, вслѣдствіе чего кюрде начинаетъ вертѣть вѣтеръ. Но и это, по буддійскому ученію, равносильно тому же, какъ если бы кюрде вертѣлъ самъ человѣкъ. Слѣдовательно, по воззрѣнію ламаитовъ можно молиться, не молясь. Итакъ, религіозная жизнь калмыка простолюдина немногосложна. Несравненно болѣе разнообразна религіозными обрядами жизнь хуварака. Каждый хуваракъ—будетъ ли то манжикъ, или гецюль, или гелюнгъ, или самъ бакша—долженъ каждый день утромъ съ восходомъ солнца по первому удару въ харанга идти въ хурулъ. Совершивъ здѣсь обычное хожденіе вокругъ хурульной ограды и утренній хуралъ въ хурулѣ, онъ по возвращеніи домой долженъ заняться чтеніемъ священныхъ книгъ и прочитать шестисложную молитву при помощи кюрде не менѣе 10,000 разъ. Для этой цѣли каждый изъ нихъ имѣетъ у себя на дому маленькую кюрде, а, чтобы не сбиться со счету, у него есть особая веревочка, унизанная костяными шариками или бусами. Эта же веревочка помогаетъ ему считать число шариковъ, перебранныхъ имъ на четкахъ. Извѣстно, что хувараки во время молитвы перебираютъ четки о 110 шарикахъ или, правильнѣе сказать, о 108 шарикахъ, но главный шарикъ состоитъ изъ 3 шариковъ, нанизанныхъ одинъ на другой; поэтому, если его перекинуть, то это значитъ перекинуть три малыхъ шарика, каждый хуваракъ долженъ перебрать 1100 шариковъ четокъ, называемыхъ „эрикенъ". Какъ только онъ переберетъ 110 шариковъ четокъ, то онъ на означенной веревочкѣ отбрасываетъ влѣво 1 шарикъ, и такъ продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не передвинетъ всѣ 10 шариковъ этой веревочки.

Въ полдень каждый хуваракъ долженъ учавствовать за полуденнымъ хураломъ, а вечеромъ — за вечернимъ. Въ остальное время дня онъ удовлетворяетъ религіозныя потребности своихъ духовныхъ чадъ или занимается своею спеціальностію: зурачи — рисованіемъ, дзурхачи — астрологіей, эмчи — врачева-

ніемъ. Хуваракамъ изъ гелюнговъ весьма часто приходится совершать разныя религіозныя молитвословія по желанію своихъ духовныхъ чадъ. По взгляду ламаизма, все злое въ мірѣ происходитъ отъ злыхъ духовъ, а доброе—отъ добрыхъ; поэтому во время бѣдствій и благополучій гелюнъ приглашается для совершенія приличнаго данному обстоятельству молитвословія. При этомъ дѣло никогда не обходится безъ дзурхачей, которые отгадываютъ настоящую причину счастія или несчастія, т. е., указываютъ духовъ, бывшихъ виновниками даннаго обстоятельства. Сообразуясь съ показаніемъ своихъ астрологическихъ таблицъ и вычисленій, они прописываютъ молитвенный рецептъ, который приводитъ въ исполненіе гелюнгъ. Всѣ важнѣйшія событія въ жизни калмыка-мірянина освящаются молитвословіями гелюнга. Въ годовщину рожденія совершается „менгейнъ-оролгонъ“, въ годовщину циклическаго рожденія—„чжилійнъ-оролгонъ“, что повторяется чрезъ 12 лѣтъ или чрезъ циклическій кругъ; ежегодно для освященія имущества и скота—„черъ малійнъ аріулгаху“ или „сацули“; при рожденіи младенца „хюсель аршалаху“, при чемъ новорожденному дается имя и надѣвается на шею „бу“; на 3, 9, 18, 27 и такъ далѣе году — „менгейнъ-голъ“; при сватьбѣ „гурюмы“; предъ смертію—„дзурдыйнъ-судуръ“, а послѣ смерти - „гурюмы“ и т п. Менгейнъ-оролгонъ есть рядъ молитвословій, во время которыхъ испрашивается у бурхановъ ниспосланіе божественной боди (святости) для совершенаго познанія сущности сансары и нирваны. Чжилійнъ оролгонъ тоже есть рядъ молитвословій, гдѣ призываются духи геніи для вспомоществованія въ усовершенствованіи боди (святости) Сацули есть кропленіе священною водою. Для этого приготовляется ведро молока отъ бѣлой коровы или по крайней мѣрѣ отъ только что телившейся. Молоко смѣшивается съ водою и благовонными травами. Вода освящается дуновеніемъ гелюнга и плюновеніемъ съ чтеніемъ особой молитвы, отчего и получается „чойгыйнъ-усу“, которою и кропится скотъ. Хюсель аршалаху совершается въ теченіи перваго мѣсяца по рожденіи младенца въ какой либо день. Въ назначенный день является гелюнгъ, омочивъ палецъ лѣвой руки въ чайгыйнъ усу, трижды мажетъ ротикъ ребенка и обмываетъ голову и лице дитяти въ знакъ того, что новорожденному прощаются грѣхи прежнихъ его перерожденій. Имя дается по „гаракамъ“ или созвѣздіямъ.

Въ тоже время надѣвается на шею „бу“. Бу состоитъ изъ лоскутка бумаги съ молитвой: „ом-ма-ни-пад-ме-хомъ“ и изъ шутена генія-хранителя, который долженъ охранять отъ 360 злыхъ духовъ, отъ 400 болѣзней и отъ 80,000 препятствій въ жизни къ достиженію боди. Менгейнъ-голъ есть особая молитва, въ которой призываются всѣ будды, бодисатвы, созвѣздія и духи горъ, рѣкъ, деревъ и тому подобные, чтобы они оберегали человѣка отъ всего худаго.

Сватьба совершается въ кибиткѣ по большей части новой. Для этого у порога разстилается коверъ болѣе или менѣе богатый, смотря по достатку; поверхъ ковра стелется „ширдыкъ“ или бѣлый войлокъ безъ всякихъ украшеній; за ширдыкомъ ставится столикъ съ бурханами; подлѣ столика садится гелюнгъ; въ жертву приносится „шага-чимгенъ“ (баранья лопатка). Во время вѣнчанія молодые становятся на коверъ, а гелюнгъ даетъ имъ въ руки шага-чимгенъ и читаетъ молитвы. Вѣнчаніе кончается тѣмъ, что гелюнгъ касается головы брачущихся шутеномъ бурхана. Покойника хоронятъ слѣдующимъ образомъ. Омывать покойника не дозволяется, но вмѣняется въ обязанность одѣть его прилично, закрыть лицо хадакомъ и положить на правый бокъ такъ, чтобы правая рука находилась подъ головой, а лѣвая—лежала на лѣвомъ бедрѣ. Лѣвая нога должна быть нѣсколько согбена, а правая — вытянута, какъ струна. Поза эта весьма важна въ глазахъ калмыковъ ламаитовъ, потому что такъ умеръ самъ Шакъямуни. Въ извѣстный день, опредѣленный дзурхачеемъ, является гелюнгъ и читаетъ гурюны въ которыхъ призываетъ духовъ, чтобы они облегчили покойнику доступъ въ райскія обители, и кладетъ въ лѣвую руку „сю“. Сю есть изображеніе магнуса, который, по вѣрованію буддистовъ, бываетъ проводникомъ души того человѣка, который похороненъ съ сю. Послѣ этого они выносятъ покойника на бѣломъ войлокѣ и зарываютъ въ могилѣ лицомъ на западъ. Вотъ сю.

Религіозная жизнь крещеныхъ калмыковъ состоитъ въ томъ, что они въ воскресные и праздничные дни приходятъ въ храмъ Божій, чтобы возблагодарить Бога за полученныя милости и испросить Божія благоволенія на дѣла предстоящія. Нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на свою бѣдность, ставили свѣчи предъ святыми иконами; но никто изъ нихъ не подавалъ просфоръ. Въ церкви они стоятъ благоговѣйно и всѣ безъ ша-

нокъ или съ открытыми головами, хотя на первыхъ порахъ женщины стояли въ „махлай“ (шапкахъ). Но они рѣдко осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, рѣдко кладутъ поясные поклоны, земныхъ же поклоновъ совсѣмъ не дѣлаютъ. Въ будничные дни они раньше, по словамъ г. Дубровы, ходили на утреннюю и вечернюю молитву въ церковь, а теперь каждый молится дома. Домашняя ихъ молитва ограничивается крестнымъ знаменіемъ и малыми поклонами съ краткой молитвой: „Господи, помилуй!“ Другихъ молитвъ никто изъ нихъ не знаетъ, кромѣ учениковъ Князьмихаиловской школы.

При рожденіи, супружествѣ и смерти они прибѣгаютъ къ Божественной благодати. Священникъ-миссіонеръ совершаетъ по ихъ желанію чинопослѣдованія, приличныя случаю. Постовъ Православной церкви не соблюдаютъ, да и трудно ихъ исполнять въ здѣшнихъ степяхъ. На священника смотрятъ какъ на хубилгана, а поэтому подходятъ къ нему подъ благословеніе, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Въ знаніи христіанской жизни и вѣры они почти невѣжды. Не знаютъ, что такое Христосъ, когда и гдѣ Онъ родился, что сдѣлалъ для нашего спасенія и т. п., хотя они всѣ носятъ св. крестъ. Если имъ случится быть въ чужомъ хотонѣ или въ русскомъ какомъ либо селеніи, то они надѣваютъ св. крестъ поверхъ всѣхъ одеждъ; такъ что св. крестъ видѣнъ для каждаго, какъ видимое доказательство, что носитель его есть христіанинъ. Хоронятъ своихъ умершихъ собратій пока безъ гробовъ, по недостатку лѣсу, на особомъ кладбищѣ, находящемся за церковію.

Ламайское лѣтосчисленіе.

Всѣ буддисты вообще и вчастности ламаиты начинаютъ свое лѣтосчисленіе со дня смерти своего учителя, будды Шакъямуни или Сиддарты. Но такъ какъ буддійскіе писатели несогласны между собою въ опредѣленіи времени рожденія Шакъямуни, то и начало лѣтосчисленія различно. По китайскимъ источникамъ, Шакъямуни явился или въ 640, или въ 767, или въ 949, или въ 950, или въ 1045, или въ 1136 году до Р. Хр. Въ тибетскихъ священныхъ книгахъ, по свидѣтельству Чомы Керёсекаго, указывается 14 начальныхъ годовъ: 546, 576, 653, 752, 837, 880, 882, 884, 1060, 1310, 2135, 2135, 2139, 2144, 2422 г. до Р. Хр. Ковалевскій въ своей монгольской христоматіи гласитъ: „2420, 2146, 2137, 2133, 1298, 1058, 882, 878, 835, 750, 651, 565, 544 годъ принимаемъ былъ за эпоху, съ которой разные авторы начинали буддейскую хронологію“ [1]). Современные европейскіе ученые раздѣляются на два лагеря. Наши отечественные писатели, во главѣ которыхъ стоятъ г. Ковалевскій и Нилъ Архіепископъ Ярославскій, на основаніи китайскихъ и японскихъ лѣтописей, начинаютъ буддійское лѣтосчисленіе съ 1027 года до Р. Хр.; но западные ученые и преимущественно американскіе за начальный годъ счисленія полагаютъ 623 г. или 624 г. до Р. Хр., основываясь на лѣтописяхъ цейлонскихъ буддистовъ Монгольскій лѣтописецъ Санангъ-Сеценъ, слѣдуя мнѣнію Зая-пандиты, принялъ 2134 годъ до Р. Хр. за годъ кончины Шакъямуни

[1]) Монгольская хрестоматія, томъ 2-й, стр. 213. Означенная христоматія хранится въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи подъ № 24$^1/_{73}$.

и начинаетъ свою хронологію съ 2133 года. Послѣдняго лѣтосчисленія держаться и наши калмыки—ламомты; потому что они считаютъ Зая-пандиту за бурхана (бога). Теперь у калмыковъ идетъ 6-й годъ 68 шестидесятилѣтняго цикла или 4026 годъ который соотвѣтствуетъ нашему 1893 году и называется „ере-гал-барс", что порусски значитъ „мущина-огонь-барсъ. Какъ всѣ буддисты-ламанты, такъ и Ставропольскіе калмыки-ламанты имѣютъ для лѣтосчисленія два цикла: 1) шестидесятилѣтній и 2) двѣнадцатилѣтній. Первый циклъ, какъ показываетъ самое названіе, состоитъ изъ 60 лѣтъ, а второй—изъ 12 лѣтъ. Названіями каждаго года шестидесятилѣняго періода служатъ не числа, какъ у насъ, а названія пяти стихій и имена 12 циклическихъ животныхъ. Пять стихій, по понятію калмыковъ, таковы: 1) модон (дерево) 2) гал (огонь), 3) шорой (земля), 4) тӧмӧр (желѣзо) 5) усун (вода); двѣнадцать же циклическихъ животныхъ, по ихъ понятію, слѣдующія: 1) мӧрин (лошадь), 2) хонин (овца), 3) мечин (обезьяна), 4) така (курица), 5) накой (собака), 6) гахай (свинья, 7) хулгуна (мышь), 8) юкюр (корова), 9) барс (барсъ) 10) тулай (заяцъ), 11) лӯ (драконъ), 12) могой (змѣя). Теперь, если умножить 12 названій животныхъ на 5 названій стихій, то получится 60 названій, опредѣляющихъ тотъ или другой годъ шестидесятилѣтняго цикла; но калмыки для болшей, такъ сказать, конкретности или опредѣленности къ каждому году прибавляютъ „еме" (женщина) или „ере" (мущина). Итакъ, калмыцкій шестидесятилѣтній циклъ можно изобразить слѣующимъ образомъ:

1) еме—тӧмӧр—така (женщина—желѣзо—курица),
2) ере—усун—нохой (мущина—вода—собака),
3) еме—усун—гахай (женщина—вода—свинья),
4) ере—модон—хулгуна (мущина—дерево—мышь),
5) еме—модон—юкюр (женщина—дерево—корова),
6) ере—гал—барс (мущина—огонь—барсъ),
7) еме—гал—тулай (женщина—огонь—заяцъ),
8) ере—шорой—лӯ (мущина—земля—драконъ)
9) еме—шорой—могой (женщина—земля—змѣя),
10) ере—тӧмӧр—мӧрин (мущина—желѣзо—лошадь),
11) еме—тӧмӧр—хӧнин (женщина—желѣзо—овца),
12) ере—усун—мечин (мущина—вода—обезьяна),
13) еме—усунъ—така (женщина—вода—курица),

14) ере—модон—нохой (мущина—дерево—собака),
15) еме—модон—гахай (женщина—дерево—свинья),
16) ере—гал—хулгуна (мущина—огонь—мышь),
17) еме—гал—юкюр (женщина—огонь—корова),
18) ере—шорой—барс (мущина—земля—барсъ),
19) еме—шорой—тулай (женщина—земля—заяцъ),
20) ере—тӧмӧр—лӯ (мущина—желѣзо—драконъ),
21) еме—тӧмӧр—могой (женщина—желѣзо—змѣя),
22) ере—усун—мӧрин (мущина—вода—лошадь),
23) еме—усун—хӧнин (мущина—вода—овца),
24) ере—модон—мечин (мущина—дерево—обезьяна),
25) еме—модон—така (женщина—дерево—курица),
26) ере—гал—нохой (мущина—огонь—собака),
27) еме—гал—гахай (женщина—огонь—свинья),
28) ере—шорой—хулгуна (мущина—земля—мышь),
39) еме—шорой—юкюр (женщина—земля корова),
30) ере—тӧмӧр—барс мущина—желѣзо—барсъ),
31) еме—тӧмӧр—тулай (женщина—желѣзо—заяцъ),
32) ере—усун—лӯ (мущина—вода—драконъ),
33) еме—усун—нохой (женщина—вода—собака),
34) ере—модон—мӧрин (мущина—дерево—лошадь),
35) еме—модон—хӧнин (женщина—дерево—овца),
36) ере—гал—мечин (мущина—огонь—обезьяна),
37) еме—гал—така (жепщина—огонь—курица),
38) ере—шорой—нохой (мущина—земля—собака),
39) еме—шорой—гахой (женщина—земля—свинья),
40) ере—тӧмӧр—хулгуна (мущина—желѣзо—мышь),
41) еме—тӧмӧр—юкюр (женщина—желѣзо—корова),
42) ере—усун—барс (мущина—вода—барсъ),
43) еме—усун—тулай (женщина—вода—заяцъ),
44) ере—модон—лӯ (мущина—дерево—драконъ),
45) еме—модон—могой (женщина—дерево—змѣя),
46) ере—гал—мӧрин (мущина—огонь—лошадь);
47) еме—гал—хӧнин (женщина—огонь—овпа),
48) ере—шорой—мечин (мущина—земля—обезьяна),
49) еме—шорой—така (женщина—земля—курица),
50) ере—тӧмӧр—нохой (мущина—желѣзо—собака),
51) еме—тӧмӧр—гахай (женщина—желѣзо—свинья),
52) ере—усун—хулгуна (мущина—вода—мышь),
53) еме—усун—юкюр (женщина—вода—корова),

54) ере—модон—барс (мущина—дерево—барсъ),
55) еме—модон—тулай (женщина—дерево—заяцъ),
56) ере—гал—лӯ (мущина—огонь—драконъ),
57) еме—гал—могой (женщина—огонь—змѣя),
58) ере шорой—мöрин (мущина—земля—лошадь),
59) еме—шорой—хöнин (женщина—земля—овца),
60) ере тöмöр—мечин (мущина—желѣзо—обезьяна).

Названіями отдѣльныхъ годовъ двѣнадцатилѣтняго цикла служатъ 12 именъ означенныхъ циклическихъ живовотныхъ. Калмыцкіе дзурхāчи (астрологи) изображаютъ оба цикла вмѣстѣ такимъ образомъ:

Каждый годъ раздѣляется на 12 мѣсяцевъ, которые называются именами циклическихъ животныхъ съ присоединеніемъ слова „сара“ (луна), а именно: 1) Барс-сара, 2) Тулай-сара, 3) Лӯ-сара, 4) Могой-сара, 5) Мöрин-сара, 6) Хöнин-сара, 7) Мечин-сара, 8) Така-сара, 9) Нохой-сара, 10) Гахай-сара, 11) Хулгуна-сара, 12) Юкюр-сара. Барс-сара соотвѣтствуетъ нашему Декабрю, Тулай-сара—Январю, Лӯ-сара—Февралю, Могой-сара—Марту, Мöрин-сара—Апрѣлю, Хöнин-сара—Маю, Мечин-сара—Іюню, Така-сара—Іюлю, Нохой-сара—Августу, Бахай-сара—Сентябрю, Хулгуна—сара—Октябрю и Юкюр-сара—Ноябрю.

Мѣсяцы бываютъ „йеке“ или „ики“ (большіе) и „бага“ (малые). Въ большихъ мѣсяцахъ считается по 30 дней и ихъ шесть, а въ малыхъ — по 29 и ихъ тоже шесть. По этому калмыцкій годъ долженъ состоять изъ 354 дней, т. е., (30×6)+(29×6). Хотя такимъ образомъ ламайское лѣтосчисленіе и основывается на теченіи луны, но не соотвѣтствуетъ ни обращенію луны около земли (27,32167 дн.), ни обращенію луны около своей оси (21 д. 7 ч. 43 м. 12 с.); а равно не соотвѣтствуетъ и кругообращенію земли около солнца (365 д. 5 ч. 48 м. 47 с.).

Калмыцкія дзурхачи (астрологи), чтобы пополнить разность между луннымъ и солнечнымъ счисленіемъ, добавляютъ чрезъ каждые два года на третій одинъ литній мѣсяцъ и прибавка эта всегда падаетъ на 3-й мѣсяцъ даннаго года. Въ такомъ году два мѣсяца подрядъ называются однимъ и тѣмъ же именемъ—„Лӯ-сара“ (драконъ—луна). Вслѣдствіе этого такой годъ имѣетъ 384 дня. Но такъ-какъ и послѣ этого оказывается разность въ счисленіи, то дзурхачи или пропускаютъ

по календарю извѣстныя числа, или же два дня сряду считаютъ однимъ и тѣмъ же числомъ. Пропущенныя числа называются пропавшими и считаются несчастными, а повторенныя числа называются парными и считаются счастливыми. Въ то же время такая перетасовка дней помогаетъ дзурхачеямъ вести лѣтосчисленіе такъ, чтобы каждый мѣсяцъ кончался тридцатымъ числомъ; по этому и тѣ мѣсяцы, которые имѣютъ по 29 дней, (бога-сара) оканчиваются не двадцать девятымъ днемъ, а тридцатымъ.

Мѣсяцы раздѣляются на гараки (недѣли или седмицы). Каждый гаракъ состоитъ изъ 7 дней, какъ то: 1) наран ([illegible]) соотвѣтствуетъ нашему воскресенью, 2) сара ([illegible])—понедѣльнику, 3) мигтеръ ([illegible])—вторнику, 4) юлюмджи ([illegible])—средѣ, 5) пюрбе ([illegible])—четвергу, 6) басанъ ([illegible])—пятницѣ и 7) бембе ([illegible])—субботѣ.

8, 15 и 30-е числа каждаго мѣсяца считаются постными днями и называются мацаками. Мацак ([illegible]) буквально значитъ „говѣніе“, „постъ“. Дни мацаковъ считаются несчастными днями, а поэтому калмыки въ мацаки не дредпринимаютъ ничего важнаго въ жизни. Въ хурулахъ (кумирняхъ) бываетъ въ сіи дни усиленное молитвословіе„—йеке-хуралъ“ (великое собраніе). Впрочемъ при совершеніи великихъ хураловъ, какъ и вообще при совершеніи ламайскаго служенія, простолюдины—калмыки стоятъ не въ хурулѣ, а внѣ хурула. Когда кончится хуралъ и хувараки (жрецы) разойдутся по своимъ кибиткамъ, простолюдины входятъ въ хурулъ, чтобы поклониться бурханамъ (богамъ) и получить аршанъ (свяшенную-воду Каждому посѣтителю аршанъ льется въ правую ладонь для того, чтобы онъ часть выпилъ, а мокрою ладонью помазалъ голову. Тѣмъ не менѣе каждый набожный калмыкъ въ мацаки спѣшитъ въ хурулъ и старается весь день провести вблизи хурула. Оставшіеся дома проводятъ мацакъ въ верченіи ламайской молитвенной мельницы, называемой „кюрде“ (колесо), на которой написана шестисложная мистическа молитва: „ом-мы-ни-пад-ме-хом“. Всѣ же вообще ламаиты во дни мацаковъ должны воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, мяса и пр. Ни одинъ ламаитъ не даетъ вамъ въ мацакъ ножа, если узнаетъ, что вы хотите заколоть барана или другую какую-либо скотину. Обычною пищею въ мацаки

для простолюдиновъ служатъ молочные продукты и калмыцкій чай, а для хувараковъ—одинъ только чай.

Йеке хуралы совершаются также и водни великихъ праздниковъ, каковы: 1) „Зула, 2) Цаган-сара, 3) Урюс-сара, 4) Ӧкин-тенгри, 5) Майдари и 6) Усун-оршан“. Зула совершается въ 1-й день каждаго года соотвѣтствуетъ нашему новому году. Слово „зула“, по-русски, лампада. Такъ онъ называется по тому, что весь хурулъ въ сей день устанавливается лампадами въ родѣ нашихъ плошекъ. Лампады стоятъ и внѣ хурула на особыхъ деревянныхъ столахъ или же просто на землѣ. Въ сей праздникъ каждый калмыкъ спешитъ въ хурулъ со своей лампадой. За каждое лицо вжигается отдѣльная лампада Фитель данной зулы долженъ состоять изъ такаго числа ниточекъ, сколько лѣтъ считается тому лицу, за котораго зула приносится, напримѣръ, если данному лицу 40 лѣтъ, то и свѣтильня зулы должна состоять изъ 40 ниточекъ. Хуралъ начинается съ вечера кануна новаго года и продолжается до утра. По окончаніи хуралы хувараки выходятъ и хурула, при чемъ гелюнчи несутъ на головахъ бурхановъ и помы (священныя книги). Лишь только народъ увидитъ выходящихъ хувараковъ, то спѣшитъ зажечь свои лампады и внимательно слѣдитъ, какъ онѣ горятъ. Если лампада горитъ ярко, то это считается хорошимъ признакомъ и обѣщаетъ счастіе въ предстоящемъ году тому, отъ имени кого она принесена; если зуля только мерцаетъ, а тѣмъ болѣе если потухнетъ, то это предвѣщаетъ несчастіе и даже смерть тому лицу, за кого она принесена. Между тѣмъ хувараки, совершивъ шествіе вокругъ хурула, возвращаются назадъ, а потомъ расходятся по домамъ. Послѣ сего народъ входитъ въ хурулъ, чтобы поклониться бурханамъ и получить аршанъ. Возвратившись домой, всѣ спѣшатъ поздравить другъ друга съ праздникомъ, говоря: „сайн ӧдӧртя, ользетя болоктунъ“, что значитъ „съ праздникомъ, будьте счастливы“. При чемъ дѣло не обходится безъ угощеній и увеселеній въ родѣ игръ, плясокъ и пр. По словамъ гелюнговъ (высшихъ жрецовъ), вожженіе зулы на новый годъ означаетъ жертвоприношеніе солнцу, чтобы оно лучше грѣло зимой и чтобы не было сильныхъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ, гибельныхъ для скота. И дѣйствительно, они въ своихъ молитвахъ на сей праздникъ умоляютъ тенгріевъ (духовъ), которые, по ихъ мнѣнію, живутъ на солнцѣ и охраняютъ его чтобы солнцемъ не овладѣли злые духи—ассуріи и не лишили бы землю такимъ образомъ благодѣтельнаго и живительнаго свѣтила.

Паздникъ „Цаган-сара“ (бѣлый мѣсяцъ) начинается съ 1-го дня 3-го мѣсяца, называемаго „Лӯ-сара“, и продолжается около двухъ недѣль. Сей праздникъ установленъ въ воспоминаніе окончательной побѣды Шакъямуни надъ врагами буддійской вѣры. Эту побѣду онъ одержалъ, по вѣрованію ламантовъ, въ городѣ Шравасти во дворцѣ хана Геген-плагуксана, совершивъ множство чудесъ въ присутствіи болѣе 500 гостей, напримѣръ, зубочистка его обратилась въ калоссальное дерево съ небывалыми плодами и огромными листьями, изъ плевка его образовалось необъятное озеро съ цвѣтками: падма, лотосъ и пр. Съ другой стороны сей праздникъ напоминаетъ ламантамъ тѣ блаженныя времена, когда высшій изъ тенгріевъ Окинъ-тенгри (дѣва-тенгрій), обратившись въ дѣвицу, побѣдилъ Эрлика-хана, царя злыхъ духовъ, который похитилъ солнце и заключилъ его во тьму, что-бы на землѣ было темно и холодно; вслѣдствіе этого на землѣ начинались всевозможныя бѣдствія: голодъ, моръ, стужа и пр. Окинъ-тенгри, побѣдивъ Эрлика-хана, освободилъ солнце, которое теперь еще съ большею силою начало грѣть, почему природа быстро оживилась и всѣ невзгоды прекратились. Для праздника приготовляется изъ пшеничнаго теста бумба и сумеру-ула. Бумба имѣетъ форму вазы, а сумеру-ула—круглой пирамиды. Означенныя фигуры ставятся на особомъ столѣ противъ главныхъ воротъ хурульной ограды, въ разстояніи 130—150 саженъ отъ хурула. Какъ только кончится служеніе въ хурулѣ, тотчасъ же начинается процессія. Впереди на особомъ древкѣ гелюнчи несутъ изображеніе Окинъ-тенгри, а за ними слѣдуютъ остальные хувараки, шествуя попарно и напевая молитвы подъ темы музыкальныхъ инструментовъ. Совершивъ положенный хуралъ у стола, они возвращаются въ хурулъ тѣмъ же порядкомъ, только теперь впереди идутъ гелюнги, несущіе бумбу и сумеру-улу. Сіи печенья въ хурулѣ сплавятся на жертвенномъ столикѣ; потомъ каждый хуваракъ подходитъ, отламываетъ по кусочку того и другаго печенья и идетъ восвояси. Послѣ хувараковъ отвѣдываютъ священнаго печенья и простолюдины. Возвратившись домой, всѣ привѣтствуютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ такъ: „менде, сайн ӧдӧрта, ользетя болпирай“, т е., здравствуй, съ празникомъ, да будетъ благополучіе. Въ то же

время они другъ другу дарядъ мускатные орѣхи, завернутые въ бѣлую бумагу, или же дѣлаютъ другіе подарки въ родѣ овчинныхъ шубъсамо собою разумѣется, что празднество не обходится безъ пирушекъ, танцевъ, игръ и другихъ развлеченій. Въ этотъ праздникъ разгулъ у калмыковъ бываетъ почти такой же какъ и унасъ на масляницѣ; почему калмыки сами говорятъ: намъ Цаган-сара вашей масляницѣ родной братъ“.

Въ 6-й мѣсяцъ „Хöнин-сара“ бываетъ праздникъ „Урюс-сара“ или, правильнѣе сказать, Урес-сара. (Уре=потомство, плодъ; урес=плоды, фрукты). Урес-сара совершается въ благодарность за милости бурхановъ въ скотоводствѣ и въ изобиліи плодовъ земныхъ. Ибо къ этому празднику у калмыковъ коровы телятся, лошади жеребятся, овцы ягнятся, верблюды плодятся и вся природа переполнена новыми обитателями калмыцкихъ степей изъ царства птицъ и животныхъ, которые повсюду находятъ въ изобиліи пищу и питіе. Отъ избытка своихъ щедротъ каждый кибитковладѣлецъ за два дня до праздника приноситъ хуваракамъ щедрые подарки и заказываетъ имъ испечь остроконечный хлѣбъ съ изображеніемъ наверху вачира (жезла) для предстоящаго поздника. Испеченные хлѣбы въ праздничный день ставятся на жертвенныхъ столахъ. Религіозное служеніе начинается въ хурулѣ и оканчивается въ полѣ, куда къ этому времени пастухи сгоняютъ весь скотъ. При звукахъ калмыцкой музыки гелюнчи кропятъ скотъ молокомъ съ масломъ, нарочно но для сего освященнымъ, а хлѣбы разбрасываютъ по полю и бросаютъ въ воду, чтобы было изобиліе въ травѣ и водѣ. Кромѣ того, въ кибиткѣ каждаго домохозяина совершается особый обрядъ, который состоитъ въ томъ, что въ данную кибитку является два пастуха: одинъ стоитъ внѣ кибитки у порога съ жидкостію изъ молока и масла, а другой стоящій въ кибиткѣ, почерпнувъ сей жидкости, старается ее бросить вверхъ такъ, чтобы брызги ея оросили всю кибитку. Удачное исполненіе сего обряда предвѣщаетъ домохозяину благополучіе въ скотоводствѣ, а неудача служитъ плохимъ предзнаменованіемъ для его скота въ наступившемъ году.

Окин-тенгри совершается въ первыхъ числахъ 8-го мѣсяца „Така-сара“ и состоитъ изъ служенія въ хурулѣ и изъ мистеріи внѣ хурула. Главнымъ предметомъ мистеріи является священный конь бѣлой масти. Священный конь съ ранняго утра одѣвается въ попоны желтаго цвѣта и украшается раз-

личными привѣсками въ родѣ кистей, куколъ, платковъ и пр. На сѣдлѣ его вмѣсто всадника между двумя подушками укрѣпляется изображеніе Окинъ-тенгри въ видѣ всадника, ѣдущаго на бѣломъ конѣ. Калмыки, одѣтые въ шутовскія одежды, окружаютъ коня и держатъ въ рукахъ знамена различной формы. За конемъ слѣдуетъ верблюдъ, навьюченный принадлежностями калмыцкой кибитки. Процессія начинается отъ дома бакши (главнаго жреца) и направляется прямо въ хурулъ. На встрѣчу священному коню выходятъ всѣ хувараки съ пѣніемъ и музыкой. По окончаніи процессіи хувараки входятъ въ хурулъ и начинаютъ хуралъ, а священный конь остается въ хурульной оградѣ предъ входомъ въ хурулъ, верблюдъ же стоитъ внѣ хурульной ограды предъ главными вратами. По окончаніи служенія начинается обратная процессія, чѣмъ и оканчивается мистерія. Послѣ чего хувараки возвращаются въ хурулъ, а затѣмъ разсходятся по домамъ; народо же начинаетъ лобзать священнаго коня, прикладываясь лбомъ или къ головѣ его, или къ ногамъ, или къ хвосу и т. п. Съ слѣдующаго дня, въ теченіи семи дней, начинается чтеніе Ганжура или сборника священныхъ книгъ. Въ 8-й день Окин-тенгри устраиваются скачки съ призами. Посему конецъ Окин-тенгри бываетъ оживленнѣе и многолюднѣе начала. Конскія скачки устраиваются вблизи хурула. Въ ристалищѣ принимаютъ участіе и хувараки Здѣсь калмыцкая молодежь старается выказать все свое удальство въ наѣздничествѣ.

Майдари празднуется 1-го числа 9-го мѣсяца „Нохой-сара“. Онъ установленъ въ честь бурхана Майдари, который, по ученію ламаитовъ, будетъ „вертѣть колесо ученія въ слѣдующемъ галабѣ“, т. е., по концѣ сего міра придетъ и начнетъ собою славный періодъ новой жизни, когда жизнь человѣческая станетъ не убавляться, а возрастать, начиная съ 10 лѣтъ и восходя до 80000 лѣтъ. Праздество начинается съ полудня. Для этой цѣли въ полѣ, въ разстояніи 200—300 саж. отъ хурула, на особыхъ 2 столбахъ устанавливается колоссальное изображеніе Майдари, предъ которымъ ставится большой столъ; влѣво и вправо отъ стола на небольшихъ шестахъ висятъ дарцоки или платки съ мистическими изреченіями и знаками въ два ряда, такъ что вся площадка представляетъ изъ себя печатную букву „п“ въ лежачемъ положеніи (ᑐ). Самый хуралъ начинается въ хурулѣ и оканчивается въ полѣ. Окончивъ

куралъ, хувараки выносятъ изъ хурула бурхановъ и помы (священныя книги). Бурханъ Далай-ламы возлагается на голову родоваго начальника данной мѣстости и несется къ назначенному мѣсту. За бурханоносцемъ слѣдуютъ хувараки рядами и распѣваютъ молитвы подъ аккомпаниментъ музыки. Далай-лана и другіе бурханы ставятся на приготовленномъ столѣ вмѣстѣ съ намами, а хувараки размѣщаются около стола рядами и продолжаютъ службу. Служеніе кончается уже вечеромъ. Сущность молитвословій сводятся къ тому, чтобы Майдари и теперь не оставлялъ людей своими милостями, причемъ прославляются его высокія достоинства и силы. Когда все окончится, хувараки тѣмъ же порядкомъ возвращаются въ хурулъ, а народъ расходится по хотонамъ. „Усун-оршан" есть послѣдній праздникъ въ году. Онъ празднуется въ 10 й мѣсяцъ, именуемый калмыками „Гахай-сара". Усун-аршанъ состоитъ въ томъ, что гелюнчи освящаютъ воду по ососому чину въ томъ мѣстѣ, гдѣ бываетъ много воды. По освященіи воды, калмыки подходятъ къ освященному мѣсту, черпаютъ ладонью освященную воду и пьютъ её въ надеждѣ, что она избавитъ ихъ отъ болѣзней. Съ тою же цѣлію освященною водою они поятъ весь свой домашній скотъ, хотя каждому животному даютъ по нескольку глотковъ. Содержаніе молитвословій даннаго чинопослѣдованія показываетъ, что освященіе воды совершается съ тою цѣлію, чтобы вода оставалась прѣсною и на будущее время.

Теперь, послѣ объясненія всѣхъ терминовъ ламайскаго лѣтосчисленія, мы находимъ возможнымъ помѣстить калмыцкій календарь на 6-й годъ 68 шестидесятилѣтняго цикла, что соотвѣтствуетъ 1893 году юліанскаго счисленія.

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
				1892 Дек.		
1	1	Юлюмджи	Среда	9	1	Баре-сара и праздникъ Зула
2	2	Пюрбе	Четвергъ	10	2	
3	3	Басангъ	Пятница	11	3	
4	4	Бембе	Суббота	12	4	
5	5	Наранъ	Воскресенье	13	5	
6	6	Сара	Понедѣльникъ	14	6	
7	7	Мигмеръ	Вторникъ	15	7	
8	8	Юлюмджи	Среда	16	8	мацакъ
9	9	Пюрбе	Четвергъ	17	9	
10	10	Басангъ	Пятница	18	10	
11	11	Бембе	Суббота	19	11	
12	12	Наранъ	Воскресенье	20	12	
13	13	Сара	Понедѣльникъ	21	13	
14	14	Мигмеръ	Вторникъ	22	14	
15	15	Юлюмджи	Среда	23	15	мацакъ
16	16	Нюрбе	Четвергъ	24	16	
17	17	Басангъ	Пятница	25	17	
18	18	Бембе	Суббота	26	18	
19	19	Наранъ	Воскресенье	27	19	
20	20	Сара	Понедѣльникъ	28	20	
21	21	Мигмеръ	Вторникъ	29	21	
22	22	Юлюмджи	Среда	30	22	
23	23	Пюрбе	Четвергъ	31	23	

Нумерація годовъ.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
24	24	Басангъ	Пятница	Ген. 1893 1	23	
25	25	Бембе	Суббота	2	24	
26	26	Наранъ	Воскресенье	3	25	
27	27	Сара	Понедѣльникъ	4	26	
28	28	Мигмеръ	Вторникъ	5	27	
29	29	Юлюмджи	Среда	6	29	
30	30	Пюрбе	Четвергъ	7	30	мацакъ
31	1	Басангъ	Пятница	8	1	Тула-сара
32	2	Бембе	Суббота	9	2	
33	3	Наранъ	Воскресенье	10	3	
34	4	Сара	Понедѣльникъ	11	4	
35	5	Мигмеръ	Вторникъ	12	5	
36	6	Юлюмджи	Среда	13	6	
37	7	Пюрбе	Четвергъ	14	7	
38	8	Басангъ	Пятница	15	8	мацакъ
39	9	Бембе	Суббота	16	9	
40	10	Наранъ	Воскресенье	17	10	
41	11	Сара	Понедѣльникъ	18	11	
42	12	Мигмеръ	Вторникъ	19	12	
43	13	Юлюмджи	Среда	20	13	
44	14	Пюрбе	Четвергъ	21	14	
45	15	Басангъ	Пятница	22	15	мацакъ
46	16	Бембе	Суббота	23	16	

Нумерація годовъ.	Нумерація мѣсячная	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
47	17	Наранъ	Воскресенье	24	16	
48	18	Сара	Понедѣльникъ	25	17	
49	19	Мигмеръ	Вторникъ	26	18	
50	20	Юлюмджи	Среда	27	19	
51	21	Пюрбе	Четвергъ	28	21	
52	22	Басангъ	Пятница	29	22	
53	23	Бембе	Суббота	30	23	
54	24	Наранъ	Воскресенье	31	24	
55	25	Сара	Понедѣльникъ	Фев. 1	25	
56	26	Мигмеръ	Вторникъ	2	26	
57	27	Юлюмджи	Среда	3	27	
58	28	Пюрбе	Четвергъ	4	29	
59	29	Басангъ	Пятница	5	30	мацакъ
60	1	Бембе	Суббота	6	1	Лу-сара и
61	2	Наранъ	Воскресенье	7	2	Цаганъ-сара.
62	3	Сара	Понедѣльникъ	8	3	
63	4	Мигмеръ	Вторникъ	9	4	
64	5	Юлюмджи	Среда	10	5	
65	6	Пюрбе	Четвергъ	11	6	
66	7	Басангъ	Пятница	12	7	
67	8	Бембе	Суббота	13	8	
68	9	Наранъ	Воскресенье	14	9	
69	10	Сара	Понедѣльникъ	15	10	
70	11	Мигмеръ	Вторникъ	16	11	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
71	12	Юлюмджи	Среда	17	12	
72	13	Пюрбе	Четвергъ	18	13	
73	14	Басангъ	Пятница	19	14	
74	15	Бембе	Суббота	20	15	мацакъ
75	16	Наранъ	Воскресенье	21	16	
76	17	Сара	Понедѣльникъ	22	17	
77	18	Мигмеръ	Вторникъ	23	18	
78	19	Юлюмджи	Среда	24	19	
79	20	Пюрбе	Четвергъ	25	20	
80	21	Басангъ	Пятница	26	21	
81	22	Бембе	Суббота	27	22	
82	23	Наранъ	Воскресенье	28	23	
83	24	Сара	Понедѣльникъ	Мар. 1	24	
84	25	Мигмеръ	Вторникъ	2	25	
85	26	Юлюмджи	Среда	3	26	
86	27	Пюрбе	Четвергъ	4	27	
87	28	Басангъ	Пятница	5	28	
88	29	Бембе	Суббота	6	29	
89	30	Наранъ	Воскресенье	7	30	мацакъ
90	1	Сара	Понедѣльникъ	8	1	Лу-сара (во
91	2	Мигмеръ	Вторникъ	9	2	второй разъ)
92	3	Юлюмджи	Среда	10	3	
93	4	Пюрбе	Четвергъ	11	4	
94	5	Басангъ	Пятница	12	5	

Нумерація годовая.	Нумерація годовая.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
95	6	Бембе	Суббота	13	6	
96	7	Наранъ	Воскресенье	14	7	
97	8	Сара	Понедѣльникъ	15	8	мацакъ
98	9	Мигмеръ	Вторникъ	16	9	
99	10	Юлюмджи	Среда	17	10	
100	11	Пюрбе	Четвергъ	18	11	
101	12	Басангъ	Пятница	19	12	
102	13	Бембе	Суббота	20	13	
103	14	Наранъ	Воскресенье	21	14	
104	15	Сара	Понедѣльникъ	22	15	мацакъ
105	16	Мигмеръ	Вторникъ	23	16	
106	17	Юлюмджи	Среда	24	17	
107	18	Пюрбе	Четвергъ	25	18	
108	19	Басангъ	Пятница	26	19	
109	20	Бембе	Суббота	27	20	
110	21	Наранъ	Воскресенье	28	21	
111	22	Сара	Понедѣльникъ	29	22	
112	23	Мигмеръ	Вторникъ	30	23	
113	24	Юлюмджи	Среда	31	24	
114	25	Пюрбе	Четвергъ	Апр. 1	25	
115	26	Басангъ	Пятница	2	26	
116	27	Бембе	Суббота	3	27	
117	28	Наранъ	Воскресенье	4	28	
118	29	Сара	Понедѣльникъ	5	29	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
119	30	Мигмеръ	Вторникъ	6	30	мацакъ
120	1	Юлюмджи	Среда	7	1	Могой-сара
121	2	Пюрбе	Четвергъ	8	2	
122	3	Басангъ	Пятница	9	3	
123	4	Бембе	Суббота	10	4	
124	5	Наранъ	Воскресенье	11	5	
125	6	Сара	Понедѣльникъ	12	6	
126	7	Мигмеръ	Вторникъ	13	7	
127	8	Юлюмджи	Среда	14	8	мацакъ
128	9	Пюрбе	Четвергъ	15	9	
129	10	Басангъ	Пятница	16	10	
130	11	Бембе	Суббота	17	11	
131	12	Наранъ	Воскресенье	18	12	
132	13	Сара	Понедѣльникъ	19	13	
133	14	Мигмеръ	Вторникъ	20	14	
134	15	Юлюмджи	Среда	21	15	мацакъ
135	16	Пюрбе	Четвергъ	22	16	
136	17	Басангъ	Пятница	23	17	
137	18	Бембе	Суббота	24	18	
138	19	Наранъ	Воскресенье	25	20	
139	20	Сара	Понедѣльникъ	26	21	
140	21	Мигмеръ	Вторникъ	27	22	
141	22	Юлюмджи	Среда	28	23	
142	23	Пюрбе	Четвергъ	29	24	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
143	24	Басангъ	Пятница	30 Май	25	
144	25	Бембе	Суббота	1	26	
145	26	Наранъ	Воскресенье	2	27	
146	27	Сара	Понедѣльникъ	3	28	
147	28	Мигмеръ	Вторникъ	4	29	
148	29	Юлюмджи	Среда	5	30	мацакъ
149	1	Пюрбе	Четвергъ	6	1	Мöринъ-сара
150	2	Басангъ	Пятница	7	2	
151	3	Бембе	Суббота	8	3	
152	4	Наранъ	Воскресенье	9	4	
153	5	Сара	Понедѣльникъ	10	5	
154	6	Мигмеръ	Вторникъ	11	6	
155	7	Юлюмджи	Среда	12	7	
156	8	Пюрбе	Четвергъ	13	8	мацакъ
157	9	Басангъ	Пятница	14	9	
158	10	Бембе	Суббота	15	10	
159	11	Наранъ	Воскресенье	16	11	
160	12	Сара	Понедѣльникъ	17	12	
161	13	Мигмеръ	Вторникъ	18	13	
162	14	Юлюмджи	Среда	19	14	
163	15	Пюрбе	Четвергъ	20	15	мацакъ
164	16	Басангъ	Пятница	21	16	
165	17	Бембе	Суббота	22	17	
166	18	Наранъ	Воскресенье	23	18	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
167	19	Сара	Понедѣльникъ	24	19	
168	20	Мигмеръ	Вторникъ	25	20	
169	21	Юлюмджи	Среда	26	21	
170	22	Пюрбе	Четвергъ	27	22	
171	23	Басангъ	Пятница	28	23	
172	24	Бембе	Суббота	29	24	
173	25	Наранъ	Воскресенье	30	25	
174	26	Сара	Понедѣльникъ	31	26	
175	27	Мигмеръ	Вторникъ	Іюн. 1	27	
176	28	Юлюмджи	Среда	2	28	
177	29	Пюрбе	Четвергъ	3	29	
178	30	Басангъ	Пятница	4	30	мацакъ
179	1	Бембе	Суббота	5	1	Хöнинъ-сара,
180	2	Наранъ	Воскресенье	6	2	праздникъ
181	3	Сара	Понедѣльникъ	7	3	Урюс-сара
182	4	Мигмеръ	Вторникъ	8	4	
183	5	Юлюмджи	Среда	9	5	
184	6	Пюрбе	Четвергъ	10	6	
185	7	Басангъ	Пятница	11	7	
186	8	Бембе	Суббота	12	8	мацакъ
187	9	Наранъ	Воскресенье	13	9	
188	10	Сара	Понедѣльникъ	14	10	
189	11	Мигмеръ	Вторникъ	15	11	
190	12	Юлюмджи	Среда	16	12	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
191	13	Пюрбе	Четвергъ	17	13	
192	14	Басангъ	Пятница	18	15	мацакъ
193	15	Бемде	Суббота	19	16	
194	16	Наранъ	Воскресенье	20	17	
195	17	Сара	Понедѣльникъ	21	18	
196	18	Мигмеръ	Вторникъ	22	19	
197	19	Юлюмджи	Среда	23	20	
198	20	Пюрбе	Четвергъ	24	21	
199	21	Басангъ	Пятница	25	22	
200	22	Бембе	Суббота	26	23	
201	23	Наранъ	Воскресенье	27	24	
202	24	Сара	Понедѣльникъ	28	25	
203	25	Мигмеръ	Вторникъ	29	26	
204	26	Юлюмджи	Среда	30 Іюл.	27	
205	27	Пюрбе	Четвергъ	1	28	
206	28	Басангъ	Пятница	2	29	
207	29	Бембе	Суббота	3	30	мацакъ
208	1	Наранъ	Воскресенье	4	1	Мечин-сара
209	2	Сара	Понедѣльникъ	5	2	
210	3	Мигмеръ	Вторникъ	6	3	
211	4	Юлюмджи	Среда	7	4	
212	5	Пюрбе	Четвергъ	8	5	
213	6	Басангъ	Пятница	9	6	
214	7	Бембе	Суббота	10	7	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
215	8	Наранъ	Воскресенье	11	8	мацакъ
216	9	Сара	Понедѣльникъ	12	9	
217	10	Мигмеръ	Вторникъ	13	10	
218	11	Юлюмджи	Среда	14	11	
219	12	Пюрбе	Четвергъ	15	12	
220	13	Басангъ	Пятница	16	13	
221	14	Бембе	Суббота	17	14	
222	15	Наранъ	Воскресенье	18	15	мацакъ
223	16	Сара	Понедѣльникъ	19	16	
224	17	Мигмеръ	Вторникъ	20	17	
225	18	Юлюмджи	Среда	21	19	
226	19	Пюрбе	Четвергъ	22	20	
227	20	Басангъ	Пятница	23	21	
228	21	Бембе	Суббота	24	22	
229	22	Наранъ	Воскресенье	25	23	
230	23	Сара	Понедѣльникъ	26	24	
231	24	Мигмеръ	Вторникъ	27	25	
232	25	Юлюмджи	Среда	28	26	
233	26	Пюрбе	Четвергъ	29	26	
234	27	Басангъ	Пятница	30	27	
235	28	Бембе	Суббота	31	28	
236	29	Наранъ	Воскресенье	Авг. 1	29	
237	30	Сара	Понедѣльникъ	2	30	мацакъ
238	1	Мигмеръ	Вторникъ	3	1	Така-сара,

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
239	2	Юлюмджи	Среда	4	2	праздникъ
240	3	Пюрбе	Четвергъ	5	3	Окинъ-тенгри
241	4	Басангъ	Пятница	6	4	
242	5	Бембе	Суббота	7	5	
243	6	Наранъ	Воскресенье	8	6	
244	7	Сара	Понедѣльникъ	9	7	
245	8	Мигмеръ	Вторникъ	10	8	мацакъ
246	9	Юлюмджи	Среда	11	9	
247	10	Пюрбе	Четвергъ	12	10	
248	11	Басангъ	Пятница	13	11	
249	12	Бембе	Суббота	14	12	
250	13	Наранъ	Воскресенье	15	14	
251	14	Сара	Понедѣльникъ	16	15	мацакъ
252	15	Мигмеръ	Вторникъ	17	16	
253	16	Юлюмджи	Среда	18	17	
254	17	Пюрбе	Четвергъ	19	18	
255	18	Басангъ	Пятница	20	19	
256	19	Бембе	Суббота	21	20	
257	20	Наранъ	Воскресенье	22	21	
258	21	Сара	Понедѣльникъ	23	22	
259	22	Мигмеръ	Вторникъ	24	23	
260	23	Юлюмджи	Среда	25	24	
261	24	Пюрбе	Четвергъ	26	25	
262	25	Басангъ	Пятница	27	26	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
263	26	Бембе	Суббота	28	27	
264	27	Наранъ	Воскресенье	29	28	
265	28	Сара	Понедѣльникъ	30	29	
266	29	Мигмеръ	Вторникъ	31	30	мацакъ
267	1	Юлюмджи	Среда	Сен. 1	1	Нохой-сара,
268	2	Пюрбе	Четвергъ	2	2	праздникъ
269	3	Басангъ	Пятница	3	3	Майдари
270	4	Бембе	Суббота	4	4	
271	5	Наранъ	Воскресенье	5	5	
272	6	Сара	Понедѣльникъ	6	6	
273	7	Мигмеръ	Вторникъ	7	7	
274	8	Юлюмджи	Среда	8	8	мацакъ
275	9	Пюрбе	Четвергъ	9	9	
276	10	Басангъ	Пятница	10	10	
277	11	Бембе	Суббота	11	11	
278	12	Наранъ	Воскресенье	12	12	
279	13	Сара	Понедѣльникъ	13	13	
280	14	Мигмеръ	Вторникъ	14	15	мацакъ
281	15	Юлюмджи	Среда	15	16	
282	16	Пюрбе	Четвергъ	16	17	
283	17	Басангъ	Пятница	17	18	
284	18	Бембе	Суббота	18	19	
285	19	Наранъ	Воскресенье	19	20	
286	20	Сара	Понедѣльникъ	20	21	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
287	21	Мигмеръ	Вторникъ	21	22	
288	22	Юлюмджи	Среда	22	23	
289	23	Пюрбе	Четвергъ	23	24	
290	24	Басангъ	Пятница	24	24	
291	25	Бембе	Суббота	25	25	
292	26	Наранъ	Воскресенье	26	26	
293	27	Сара	Понедѣльникъ	27	27	
294	28	Мигмеръ	Вторникъ	28	28	
295	29	Юлюмджи	Среда	29	29	
296	30	Пюрбе	Четвергъ	30	30	мацакъ
297	1	Басангъ	Пятница	Окт. 1	1	Гахай-сара,
298	2	Бембе	Суббота	2	2	праздникъ
299	3	Наранъ	Воскресенье	3	3	Усун-оршанъ
300	4	Сара	Понедѣльникъ	4	4	
301	5	Мигмеръ	Вторникъ	5	5	
302	6	Юлюмджи	Среда	6	6	
303	7	Пюрбе	Четвергъ	7	8	мацакъ
304	8	Басангъ	Пятница	8	9	
305	9	Вембе	Суббота	9	10	
306	10	Наранъ	Воскресенье	10	11	
307	11	Сара	Понедѣльникъ	11	12	
308	12	Мигмеръ	Вторникъ	12	13	
309	13	Юлюмджи	Среда	13	14	
310	14	Пюрбе	Четвергъ	14	15	мацакъ

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
311	15	Басангъ	Пятница	15	16	
312	16	Бембе	Суббота	16	17	
313	17	Наранъ	Воскресенье	17	18	
314	18	Сара	Понедѣльникъ	18	19	
315	19	Мигмеръ	Вторникъ	19	20	
316	20	Юлюмджи	Среда	20	21	
317	21	Пюрбе	Четвергъ	21	22	
318	22	Басангъ	Пятница	22	23	
319	23	Бембе	Суббота	23	24	
320	24	Наранъ	Воскресенье	24	25	
321	25	Сара	Понедѣльникъ	25	26	
322	26	Мигмеръ	Вторникъ	26	27	
323	27	Юлюмджи	Среда	27	28	
324	28	Пюрбе	Четвергъ	28	29	
325	29	Басангъ	Пятница	29	30	мацакъ
326	1	Бембе	Суббота	30	1	Хулгуна-сара
327	2	Наранъ	Воскресенье	31	2	
328	3	Сара	Понедѣльникъ	Ноя 1	3	
329	4	Мигмеръ	Вторникъ	2	4	
330	5	Юлюмджи	Среда	3	5	
331	6	Пюрбе	Четвергъ	4	6	
332	7	Басангъ	Пятница	5	7	
333	8	Бембе	Суббота	6	8	мацакъ
334	9	Наранъ	Воскресенье	7	9	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисленіе русское.	Счисленіе калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
335	10	Сара	Понедѣльникъ	8	10	
336	11	Мигмеръ	Вторникъ	9	12	
337	12	Юлюмджи	Среда	10	13	
338	13	Пюрбе	Четвергъ	11	14	
339	14	Басангъ	Пятница	12	15	мацакъ
340	15	Бембе	Суббота	13	16	
341	16	Наранъ	Воскресенье	14	17	
342	17	Сара	Понедѣльникъ	15	17	
343	18	Мигмеръ	Вторникъ	16	18	
344	19	Юлюмджи	Среда	17	19	
345	20	Пюрбе	Четвергъ	18	20	
346	21	Басангъ	Пятница	19	21	
347	22	Бембе	Суббота	20	22	
348	23	Наранъ	Воскресенье	21	23	
349	24	Сара	Понедѣльникъ	22	24	
350	25	Мигмеръ	Вторникъ	23	25	
351	26	Юлюмджи	Среда	24	26	
352	27	Пюрбе	Четвергъ	25	27	
353	28	Басангъ	Пятница	26	28	
354	29	Бембе	Суббота	27	29	
355	30	Наранъ	Воскресенье	28	30	мацакъ
356	1	Сара	Понедѣльникъ	29	1	Юкюръ-сара.
357	2	Мигмеръ	Вторникъ	30	2	
358	3	Юлюмджи	Среда	Дек. 1	3	

Нумерація годовая.	Нумерація мѣсячная.	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисление русское.	Счисление калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
359	4	Пюрбе	Четвергъ	2	4	
360	5	Басангъ	Пятница	3	5	
361	6	Бембе	Суббота	4	7	
362	7	Наранъ	Воскресенье	5	8	мацакъ
363	8	Сара	Понедѣльникъ	6	9	
364	9	Мигмеръ	Вторникъ	7	10	
365	10	Юлюмджи	Среда	8	11	
366	11	Пюрбе	Четвергъ	9	12	
367	12	Басангъ	Пятница	10	13	
368	13	Бембе	Суббота	11	14	
369	14	Наранъ	Воскресенье	12	15	мацакъ
370	15	Сара	Понедѣльникъ	13	16	
371	16	Мигмеръ	Вторникъ	14	17	
372	17	Юлюмджи	Среда	15	18	
373	18	Пюрбе	Четвергъ	16	19	
374	19	Басангъ	Пятница	17	20	
375	20	Бембе	Суббота	18	21	
376	21	Наранъ	Воскресенье	19	21	
377	22	Сара	Понедѣльникъ	20	22	
378	23	Мигмеръ	Вторникъ	21	23	
379	24	Юлюмджи	Среда	22	24	
380	25	Пюрбе	Четвергъ	23	25	
381	26	Басангъ	Пятница	24	26	
382	27	Бембе	Суббота	25	27	

Нумерація годовъ.	Нумерація мѣсячная	Дни гараковъ.	Дни недѣли.	Счисление русское.	Счисление калмыцкое.	Названіе мѣсяца и праздника.
383	28	Наранъ	Воскресенье	26	28	
384	29	Сара	Понедѣльникъ	27	30	мацакъ
1	1	Мигмеръ	Вторникъ	28	1	Новый годъ, праздникъ
2	2	Юлюмджи	Среда	29	2	зула, латбихъ

У калмыковъ, кромѣ обычнаго лѣтосчисленія, есть такъ называемое „мировое“ или „небесное“. Послѣднее лѣтосчисленіе называется міровымъ, потому что оно называется съ момента происхожденія вселенной и оканчивается обращеніемъ міра въ пустоту, такимъ образомъ существованіе міра обнимается симъ лѣтоисчисленіемъ; оно же называется небеснымъ потому, что такому лѣтоисчисленію научилъ людей самъ будра Абида чрезъ своего ближайшаго помощника бурхана Аріоболо. Это лѣтосчисленіе состоитъ изъ одного великаго галаба (періода), называемаго „махакалпа“. Махакалпа поколонщики „йехе-галаб“) состоитъ изъ 4 асанкья—калпы, изъ которыхъ двѣ отрицательныя и двѣ положительныя. Во премя первой калпы міръ начинаетъ зарождаться и обновляется, во время второй вселенная получаетъ полную устойчивость, во время третьей начинаетъ разрушаться и во время четвертой разрушеніе это продолжается до обращенія въ пустоту. Вслѣдствіе этого 1-й— періодъ называется калпою образованія (токтохой-галаб), 2-й— калпою разрушенія (ебдерекой-галаб), 3-й—калпою разрушенія (ебдерекой-галаб), 4-я—калпою пустоты (хосун-галаб). Въ свою очередь каждая осанкья-калпа подраздѣляется на 20 малыхъ или промежуточныхъ калпъ дзабсарун-галаб или думдаду-галаб), такъ что каждая великая калпа заключаетъ въ себѣ 80 малыхъ калпъ. Малая калпа продолжается 16800000 лѣтъ. Слѣдовательно, асанкья-калпа должна обнимать собою періодъ времени въ 336000000 лѣтъ (16800000×20), а маха-калпа будетъ продолжаться 1344000000 лѣтъ (16800000×80). Токтохой-галабъ (калпа основанія или образованія) обнимаетъ

собою время отъ появленія кей (стихи воздуха), изъ которой произошелъ весь міръ или вселенная, до образованія адскихъ жителей. Самое же заселеніе вселенной начинается съ того, что небожители 3-й діаны, нисшіе тенагріи, станутъ перераждаться на землѣ. Вслѣдствіе прежней своей жизни они обладали еще всѣми совершенствами и даже сверхъ естественными силами. Прежде всего тѣло ихъ было свѣтоноснѣе солнца и луны, почему они ненуждались въ свѣтилахъ; обладая высшими способностями, они не имѣли нужды въ пищѣ, питіи и другихъ жизненныхъ продуктовъ. Среди нихъ не было различія половъ, по чему они назывались существами. Но такое состояніе продолжалось недолго. Съ появленіемъ особаго растенія, сокъ котораго имъ случайно пришлось вкусить, въ нихъ возникло волненіе и появилась страсть къ пищѣ. Пристращаясь къ ней все болѣе и болѣе они незамѣтно начинають терять свою легкость и свѣтовидность вслѣдствіе чего явилась необходимость въ свѣтилахъ для освѣщенія земли, которая теперь начинаетъ покрываться растительностію. Но такъ какъ однѣ изъ существъ будутъ есть мало, а другія—много, то среди нихъ образуется нравственное не совершенство съ его неизбѣжными спутниками—гордостью и раздорами. Меду тѣмъ земля перестаетъ произрастать сокъ и на мѣсто его появляются грибы, которые въ свою очередь смѣняются масломъ н наконецъ рисонъ. Рисъ этотъ имѣетъ то свойство, что собранный вечеромъ на утро вырастаетъ снова Существа съ особенною жадностью устремляются на него: отъ чего произошла половая страсть, такъ какъ явились мужчины и женщины. Онѣ черезъ совокупленіе производятъ потомство, которое называется родомъ человѣческимъ. Образуются семейства, является не обходимость въ домахъ и во всѣхъ принадлежностяхъ семейной и человѣческой жизни. потребность въ пропитаніи себя и своего семейства между тѣмъ развиваетъ въ нѣкотврыхъ личностяхъ хищническіе инстинкты, обнаруживающіеся въ томъ, что они стараются собрать себѣ растенія болѣе чѣмъ сколько нужно. Отсюда произошли ссоры и войны. По этому они для охраны себя и своихъ семействъ, а также для разбора споровъ, избрали короля; а потомъ явились косты или сословія или сословія. Первоначально люди жили до 80000 лѣтъ, но съ теченіемъ времени жизнь человѣческая не умолится до 10 лѣтъ. Съ сокращеніемъ жизни начинается уменьшаться и ростъ человѣческій. Тогда многіе порочные люди начали перерождаться по смерти въ разряды зверей. а потомъ и въ адскихъ жителей.

Орошихой-галабъ, т. е., періодъ возстановленія или устойчивости такъ называется по тому, что въ теченіи его продолжительность жизни человѣческой колеблется въ совѣршенно одинаковыхъ размѣрахъ отъ 80000 до 10 лѣтъ и такимъ образомъ постоянно остается въ равновѣсіи. Это колебаніе проходитъ по всѣмъ 20 малымъ калпамъ и при томъ въ чередующемъ порядкѣ. Такъ, если въ 1-ю прошедшую калпу было пониженіе жизни людей съ 80000 на 10 лѣтъ, то въ слѣдющую будетъ возрастаніе съ 10 до 80000 лѣтъ; въ 3-ю должно слѣдовать пониженіе, а въ 4-ю увеличеніе и т. д. пъ продолженіи всѣхъ 20 промежуточныхъ калпъ. Пониженіе н повышечисла лѣтъ пропорціонально увеличенію или умѣньшенію нравственности среди людей. Для наученія людей на путь добродѣтели въ кажду такую каспу воcплощаются будды. Смотря по количеству ихъ и калпа получаетъ то или другое названіе. Такъ напримѣръ. если явится 1 буда, то она называется Сара-калпа; если, два,—то Манда калпа; если, три—то Вара-калпа; если четыре,—то Сара-манда-калпа и, если пять,—то Будда-калпа. Между прочимъ въ теченіи калпы, въ которой мы живемъ, будетъ должно явиться 5; четыре явилось, а пятый ожидается. Эбдерекой галабъ или періодъ разрушенія начнется чрезъ разрушеніе вселенной посредствомъ воды и окончится—посредствомъ вѣтра. Начало каждаго разрушенія возвѣщено будета за 100000 лѣтъ для этой цѣли на землю каждый разъ будетъ являтся одинъ изъ тенгріевъ „Девъ", который будетъ вразумлять людей принести покаяніе и будетъ совѣтовать избѣгать 5 великихъ грѣховъ (хара-килинце или черныхъ грѣховъ): не умерщвлять живыхъ существъ, не воровать, не нарушать цѣломудрія, не лгать не употреблять опьяняющихъ напитковъ; напротивъ того дѣлать добродѣтели: подавать милостыню, цочитать родителей, поступать спроведливо и любить друга друга, чтобы быть способными вознестись до высшихъ небесъ и освободиться отъ грозящей гибели. Люди внемлютъ совѣтомъ перерождаются въ высшія небеса, а родъ человѣческій рѣдѣетъ. Послѣ 100000 лѣтъ начинается міроразрушеніе. Прежде всего является на небѣ великпе облако, изъ котораго льется послѣдній плодотворный дождь. Послѣ сего последовательно зараждается нѣсколько облаковъ, изъ которыхъ

льетъ дождь, обладающій ядовитою способностію вытравлять все то. на что онъ падаетъ первоначально дождевыя капли, падающія съ облаковъ, будутъ небольшого объема, но мало—помалу съ теченіемъ времени онѣ достигнутъ величины пальмаваго листа, въ концѣ онѣ увѣличатся до 1000 квадратныхъ миль. Съ увѣличеніемъ размѣра дождевыхъ капель увѣличивается и ѣдкость ихъ. По концѣ сего мироразрушенія природа на некоторое время успокоится но ненадолго. Послѣ новаго Девы и неизбѣжнаго облака, вскорѣ поонимается страшная буря. Дѣйствіе ея первоначально будетъ обыкновенное: только будетъ поднимать пыль и песокъ и разбрасываетъ его съ страшною силою Но съ теченіемъ времени она начнетъ усиливаться и дойдетъ до того, что будетъ вырывать съ корнемъ деревья, камни и даже горы. Хосун-галабъ или калпа пустоты есть ничто иное, какъ продолженіе разрушенія вселенной до тѣхъ поръ, пока она необратится въ пустоту и мракъ—безъ воздуха и свѣта, безъ солнца и луны, безъ дня и ночи и т. п. Первые моменты сей катострофы оказываются сходными съ предыдущей катастрофой или едерской галабомъ. И здѣсь, какъ и тамъ, прежде всего на землѣ является предостереженіями одинъ изъ Девовъ; точно также послѣ этого протекаетъ 100000 лѣтъ, а потомъ является великое облако съ послѣднимъ живительнымъ облакомъ. Появленіе сего облака и есть начало окончательнаго разрушенія вселенной. Въ это рековое время вреиз необычайныя знаменія на небѣ возвѣселятъ кончину міра. На небѣ сперва появятся четыре солнца, а потомъ шестнадцатн. Растенія и животныя, обитающія въ различныхъ тибахъ (материкахъ) вселенной погибнутъ, рѣки и даже океаны изсохнутъ, тибы обратятся въ гіенну огненную или расколенную пещь огненную; вслѣдствіе чего изъ сякнетъ всякая пища и питіе. Это почувствуетъ и золотая лягушка (алтан-мекелей), на которой держится вся вселеная. Она томимая голодомъ и жаждою, повернется и міръ разрушится—обратится въ прахъ. Тогда все обратится въ ничто—въ пустоту. Впрочемъ подъ все нужно разумѣть только міръ матеріальный съ его предметами и существами вещественными; міръ же духовный, начиная съ 4-й діаны, останется цѣлымъ для того, чтобы быть за родышемъ для образованія слѣдующей маха-калпы и, слѣдовательно, для зарожденія новой вселенной, совершенно подобной прежней. Тикъ какъ мы теперь, живемъ, по ученію

ламаизма, въ 5 промежуточной калпѣ (Будда-калпа) второй асанкьи-калпы орошихой-галба въ ожиданіи пятаго будды Майдари, то значитъ, вселенная прожила 24 малыхъ калпы и ей остается существовать 55 малыхъ калпъ до полнаго разрушешенія, иначе говоря, міръ просуществовалъ уже 803200000 (16800000×24) л. и ему остается быть 924000000 (168000×55) лѣтъ. По прошествіи нынѣшней махакалпы начнется новая махакалпа, совершена тоондественная съ предъидущей.

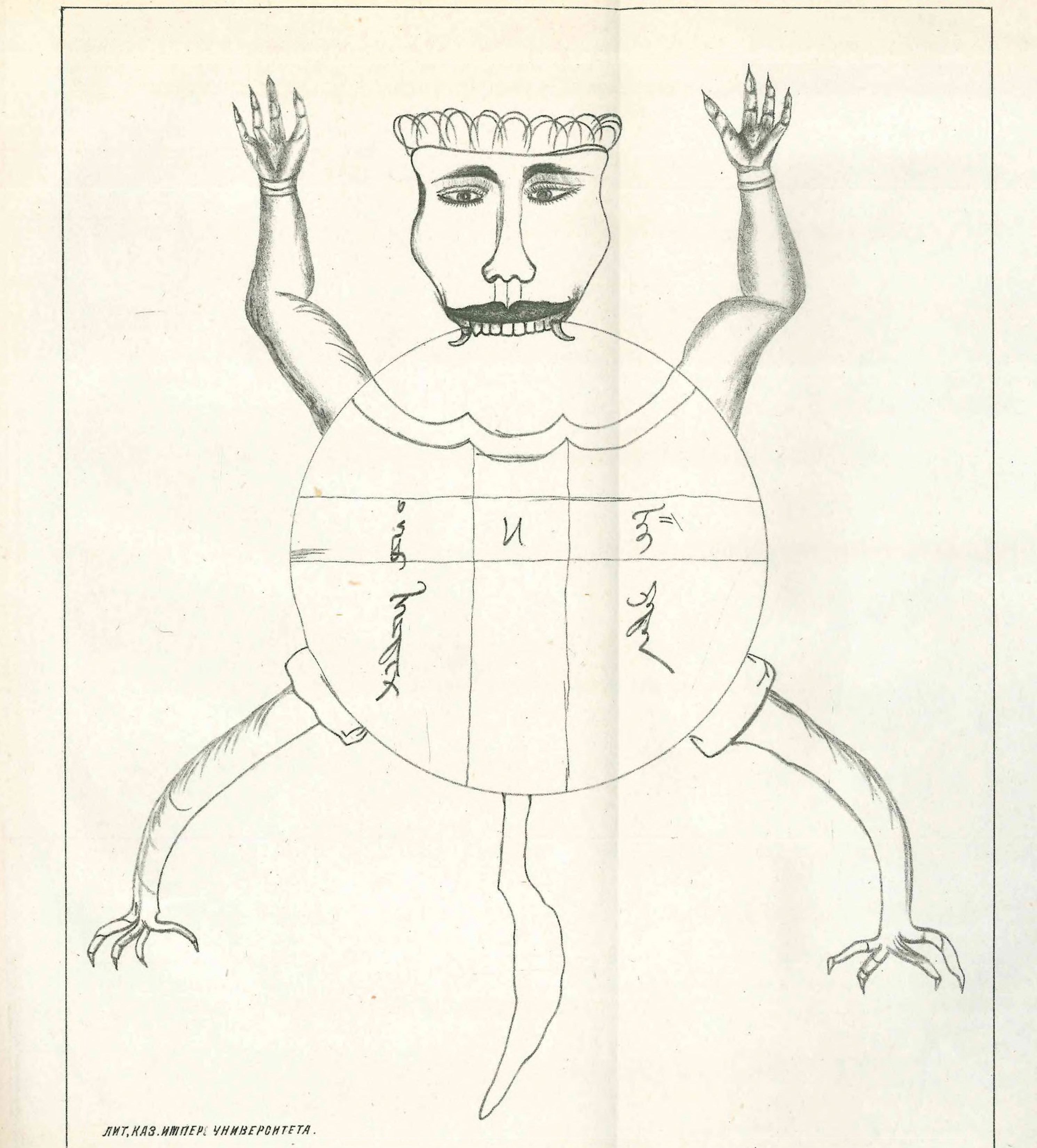
Если такъ то невобьно является вопросъ; что за причина періодовъ разрушенія и обновленія міровъ?

Сила эта не богъ, ни промыселъ, ни міровая душа, но судьба,—судьба, понимаемая не въ смыслѣ слѣпаго случая, но въ смыслѣ извѣстнаго, опредѣленнаго закона нравственнаго возмездія. Мы думаемъ, что природа предполагаетъ существа (вначалѣ Богъ сотвори небо и землю...); по ламаизму, наоборотъ, существа предполагаютъ міръ, мало того, онѣ составляютъ базисъ фундаментъ лира. По этому поламапски нельзя сказать: „міры и существа", а нужно сказать; „существа и міры". Только по тому, что существа отъ вѣчности согрѣшаютъ и подпадаютъ подъ иго матеріи, существуетъ и самая матерія. Существа, индивидумы составляютъ по этому въ ланаизмѣ сердце міра. Впрочемъ это не такъ нужно понимать, что міры существуютъ индивидуумовъ, но, такъ, что вселенная въ своемъ явленіи, въ круговращеніи своего обновленія и разрушенія есть результатъ слѣдствіе нравственнаго состоянія и дѣятельности существъ. Судьбу поэтому ланаиты ближе всего могутъ опредѣлить такъ: она есть продуктъ нравственной заслуги и грѣховнаго долга существъ. Поламайскому понятію, вслѣдствіе закона душепереселенія всякій поступокъ—хорошій или дурной всеравно производитъ свои слѣдствія чрезъ безконечные періоды времени и даже черезъ нѣсколько калпъ приноситъ свой неизбѣжный плодъ. Другими словами, судьба даннаго индивидума: его счастіе или несчастеі, скорбь или радость, рожденіе или смерть въ извѣстной опредѣленной жизни есть ничто иное, какъ результаты всѣхъ его дѣяній, совершенныхъ въ болѣе раннихъ перерожденіяхъ. Эта то сила дѣлъ и двиижетъ міромъ: его разрушеніе и обновленіе есть слѣдствіе нравственной заслуги и грѣховнаго долга всѣхъ одушевленныхъ существъ. Всякое разрушеніе носитъ въ себѣ и зародышъ обновленія. Этотъ зародышъ однако нужно понимать

нематеріально, какъ сѣмья, которое разбрасываетъ погибшій міръ, а такъ же и не какъ отблескъ или идею. отражаемую прежними образами и формами: зародышъ этотъ лежитъ въ нравственномъ состояніи существъ. Разрушеніе областей діаны и вселенной (міра желаній или матеріальнаго) происходитъ поэтому не чрезъ эволюцію и не чрезъ лучеиспусканіе верхнихъ небесъ, но вслѣдствіе силы моральной заслуги и грѣховнаго долга индивидуумовъ. Въ какомъ же, спрашивается, отношеніи находятся между собою сила нравственной заслуги и сила грѣховнаго долга при обновленіи и разрушеніи міровъ? Если. говоря иначе, погибель міровъ—слѣдствіе грѣха, а обновленіе—результатъ добродѣтели, или наоборотъ? Или наконецъ, можетъ быть обѣ эти силы принимаютъ совершенно одинаковое участіе какъ въ разрушеніи міровъ, такъ и въ ихъ обновленій? Обыкновенно, по нѣкоторымъ ламайскимъ книгамъ, грѣху приписывается разрушительная сила, а добродѣтели—истинная причина возстановленія или возрожденія міровъ. И дѣйствительно, нѣкотые факты говорятъ именно за этотъ взглядъ, такъ, напримѣръ, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ предостерегающій голосъ Девы за 100000 лѣтъ призывающій людей къ покаянію и обновленію, Однака же и противоположное мнѣніе, т. е., что маральная заслуга дѣйствуетъ разрушительно, грѣховный же долгъ—возобновительно, имѣетъ за собой также достаточныя основанія, если даже не болѣе предъидущаго. Оно не толвко подтверждается источниками, но и прямо слѣдуетъ изъ всего содержанія ланаизма. Извѣтно, что по ланаизму, всякое бытіе есть зло. Отсюда естественно вытекаетъ, что, и появленіе вселенной можетъ быть дѣломъ только грѣховности или зла. Становясь на эту послѣднюю точку зрѣнія, историческій ходъ образованія каждой міровой революціи мы должны будемъ представить въ слѣдующемъ видѣ. Люди и земля являются вслѣдствіе постепеннаго паденія тенгріевъ, которые съ теченіемъ времена такъ измѣнились, что стали произвводить потомство чрезъ совокупленіе. Первоначально люди остаются на землѣ еще добродѣтельными, но потомъ все болѣе и болѣе погружаются чувственность. Для спасенія ихъ изъ узъ матеріи въ калпу устойчивости міра являются будды и, благодаря преподанному или ученію, грѣхъ начинаетъ уступать мѣсто добродѣтели. Могущество природы и бытія съ уменьшеніемъ грѣха также уменьшается и царство желанія

такимъ образомъ все болѣе и болѣе пустѣетъ, пока, наконецъ за исключеніемъ кептиковъ и неверующихъ, всѣ обитатели его не сдѣлаются спосоными и достойными перелодиться въ областяхъ высшихъ діанъ. Матерія вслѣдъ за исчезнованіемъ своихъ обитателей теряетъ свой базисъ, свою устойчивость, смыслъ и цѣль своего существованія, а по этому подвергается уничтоженію или обращается въ ничто. Но эти два взгляда не противоречатъ другъ другу, но находятся въ согласіи. Если, съ 1-й стороны, земля и останется нисшія страны міра желанія и діаны вызываются къ бытію чрезъ гдѣховныя дѣла, то, съ другой стороны, этому же въ полнѣ можетъ содѣйствовать и общая нравственная заслуга индивидуумовъ, нуждающихся въ очищеніи и окончательномъ спасеніи отъ грѣха, что возможно не иначе, какъ только при существованіи міра, Оба взгляда въ этомъ случаѣ въ полнѣ совподаютъ. Міровые перевороты такимъ образомъ въ полномъ своемъ теченіи и въ частныхъ фазахъ являются результетомъ грѣховнаго долга. а также нравственной заслуги одушевленныхъ существъ.

ЛИТ, КАЗ. ИМПЕР. УНИВЕРСИТЕТА.